

МОЯ ТЁМНАЯ КОРОЛЕВА

КРИСТИНА ТЭ

Young
Adult

МИФ

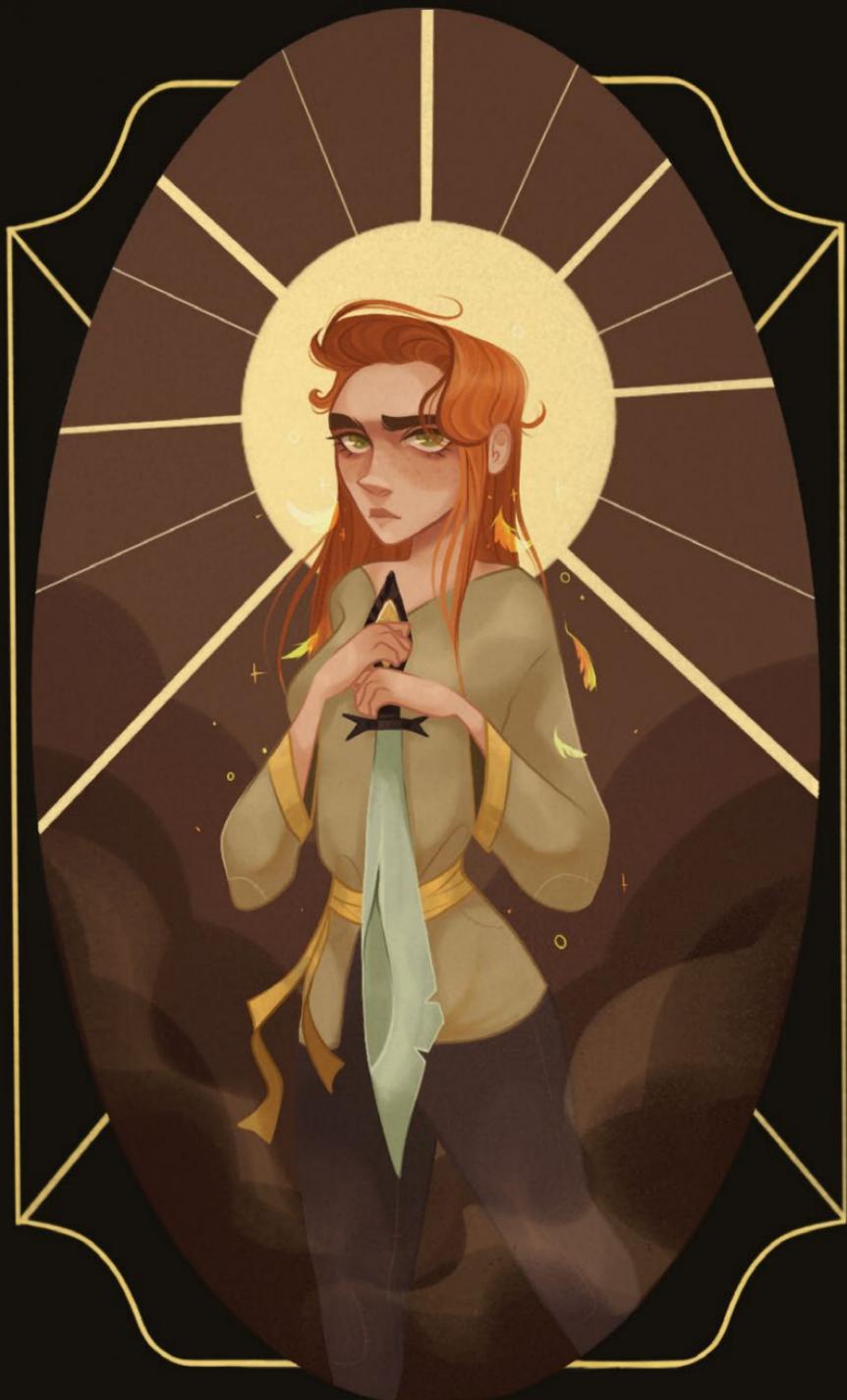
FAWN

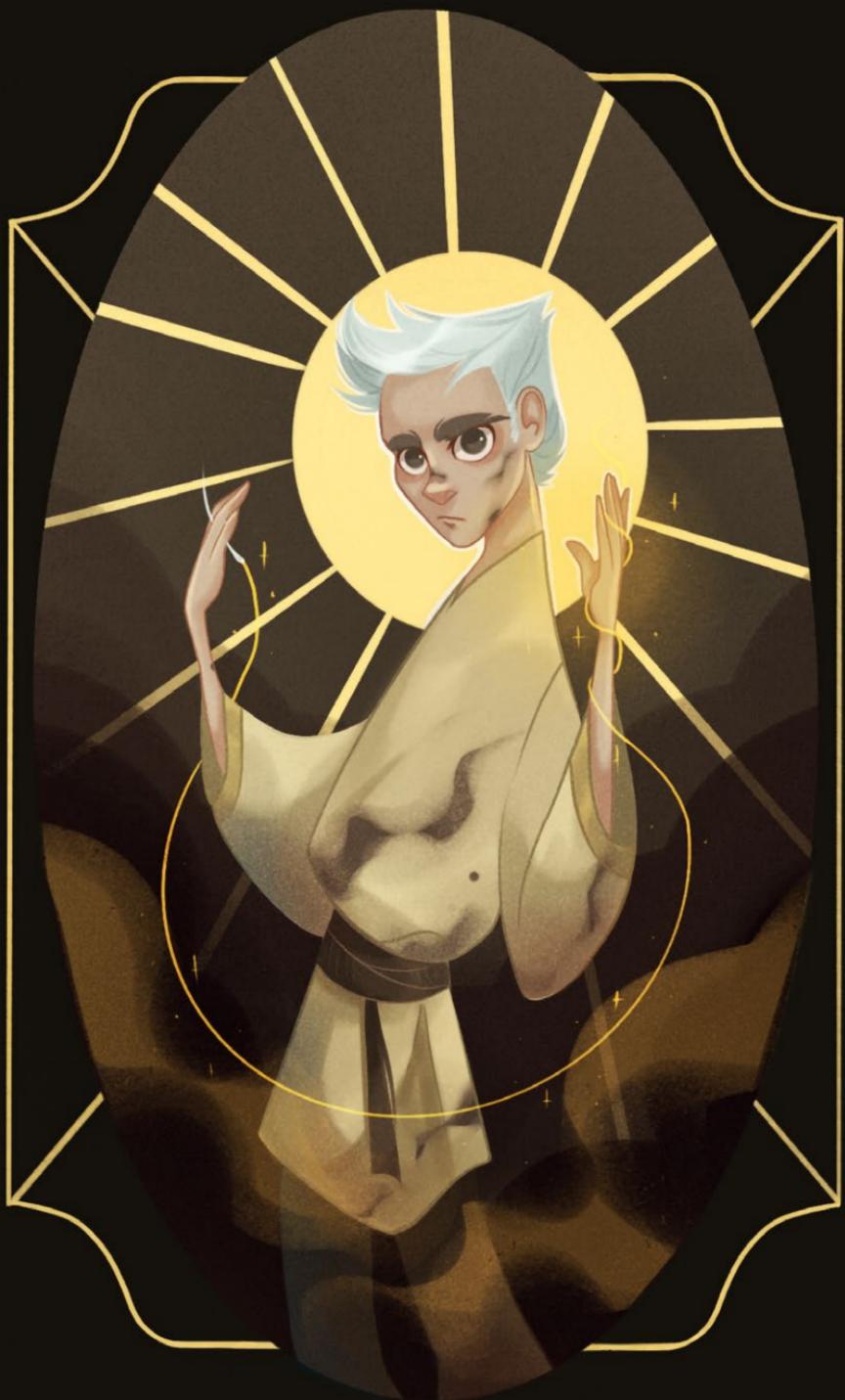
FAWN

FAUN

•FAWN•

FAWN

•FAWN•

Red Violet. Темный ретеллинг

Кристина Тэ

МОЯ ТЁМНАЯ КОРОЛЕВА

Москва

«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»

2022

УДК 82-312.9(470+571)

ББК 84(2Рос)6-445

Т13

Тэ, Кристина

Т13 Моя темная королева / Кристина Тэ. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 352 с. — (Red Violet. Темный ретеллинг).

ISBN 978-5-00195-487-3

Моя мать спасла чужого ребенка и годы спустя поплатилась за это жизнью. Ребенок вырос чудовищем, и стены башни не сумели его сдержать. Это история о девушке с золотыми волосами, нежным лицом и черным сердцем. История моей сестры, моего врага, моей королевы. Это твоя история.

УДК 82-312.9(470+571)

ББК 84(2Рос)6-445

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-487-3

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

© Кристина Тэ, текст, 2022

Mame

Прежде

Олвитанцев я не виню.

Трудно винить тех, кто заплатил столь страшную цену за ошибку, которую на их месте совершил бы любой. Полагаю, даже я, оказавшись по другую сторону нашей сказки, повернула бы тот злосчастный ключ.

И застыла бы, пораженная твоей красотой. И рыдала над незавидной твоей участью. И мстила повинным в твоих печалях.

Уверена, явись я к подножию черной башни впервые, тоже не устояла бы перед призрачной хрупкостью тонкой девичьей фигурки, что тенью промелькнула в вышине и растворилась, вырвав лишние удары сердца из моей груди. И только золото волос, змей скользнувших по балконным перилам, убедило бы меня, что ты не сон.

И как и олвитанцы, я бы тотчас поняла, что барды, воспевавшие трагедию твоей жизни, не лгали ни единственным словом. Да, языки людей длинны, а ноги слухов еще длиннее, но как не бывает дыма без огня, так не бывает и вымысла без истины. И поскольку о тебе говорили много лет, я бы тоже слышала эту историю...

Про злую ведьму, что заточила собственную дочь в башне и пряла из ее волшебных волос чары дурманящие, смертельные. Про то, что дочь эта даже не родная, а выторгованная у самого короля за какую-то пакостную чародейскую услугу. Про годы лишений, одиночества и ожидания... спасителя.

Я бы захотела стать таким спасителем. За один твой добрый взгляд. За одну улыбку.

И олвитанцы захотели.

Так что нет, я не виню их за кровь нашей матери на моих руках. За боль, пронзившую мой живот раскаленной сталью. За жуткий скрежет повернувшегося в замочной скважине ключа.

Не виню.

В конце концов, им сказали, что в башне живет принцесса.

А в башне томилась ты.

ЧАСТЬ I
ПРИНЦ
И ВЕДЬМА

Глава 1

Птица в мешке

Когда ты появилась на свет, моей матери не было и шестнадцати, и она, как прочие юные фрейлины королевы, бледным изваянием стояла у ее покоев и вслушивалась в предсмертные крики роженицы за дверью.

Когда король решил тебя убить, моя мать уже и сама была на сносях, но это не помешало ей — единственной — воспротивиться своему господину.

Когда мне было пять, а тебе восемь, матушка рассказала нам о тех днях. И о твоей немыслимой стойкости: ты молча пришла в этот мир и молча готовилась его покинуть.

Теперь ты так же молча сжигаешь дотла города.

Бронак встречает меня с равнодушием древнего ис-
полина, даже не заметившего очередной букашки

в своих ветвистых корнях. Его длинные пыльные улицы, точно узловатые пальцы старика, цепляются за каменистый берег моря, а на изъеденных солью и временем стенах домов каждую секунду появляются новые трещины-морщины. Солнце давно перевалило за полдень, но по меркам столицы людей на рыночной площади почти нет, и все равно здесь больше жизни, чем я видела за долгие месяцы пути. Я даже слышу детский смех — тихий и неуверенный, но прекрасный, как трель иволги.

Бронак готов очнуться от послевоенного сна. И я надеюсь, что следом воспрянет и все королевство.

Мои крепкие скрипучие сапоги стучат по бесцветным мостовым тысячелетнего города; в заплечном мешке недовольно ворочается Кайо — ему тоже хочется взглянуть на колыбель, с которой началась наша жизнь и где мы никогда не были. Но свет слишком яркий и до заката еще несколько часов, придется ему потерпеть.

Улицы пахнут морем и порохом, большая часть окон заколочена, и только несколько домов на моем пути сверкают новенькими стеклами. Я щурюсь, ослепленная отскочившими от их глади солнечными лучами. Щурюсь и улыбаюсь.

Да, Бронак открывает глаза. Наконец-то.

Трудно представить, каким он был прежде. Может, и впрямь усыпаным красочными витражами, золотыми флюгерами, багряными стягами да брызгами неумолчных фонтанов, как рассказывала мама. А может, таким же, как теперь, — словно выцветшим на солнце и припорошенным пеплом сгоревших судеб.

Мне, в общем-то, все равно. Уверена, я любила бы его любым, выпади мне шанс расти на этих улицах,

а сейчас все здесь мне чуждо — независимо от яркости цветов и витиеватости узоров на фасадах. Сердце не ёкает, не стучит в висках судорожным «дом, дом, дом», не полнится тоскою и радостью. Это просто еще один город на моем бесконечном пути, хотя, вероятно, на дворцовых руинах все будет иначе. На дворцовых руинах мне вряд ли удастся противиться зову прошлого, однако туда я как раз не спешу, словно пытаюсь оттянуть миг неизбежной встречи с самыми жуткими деяниями твоих рук.

Вместо этого еще добрый час я толкаюсь на рынке, впитывая его разноголосицу, затем сворачиваю в проулок и по запаху нахожу неприметную едальню, малящую прохладой полупустого зала и ароматом свежей сдобы. У стойки, нависнув над пузатыми кружками, о чем-то шепчутся два старика, да трое одиночек обедают за щербатыми столами — вот и все здешние гости. В мою сторону никто даже головы не поворачивает, несмотря на громко скрипнувшую и хлопнувшую дверь, и я спокойно пробираюсь в дальний угол, откуда всех видно, а если повезет, то еще и слышно.

Через секунду рядом появляется угрюмый трактирщик, на удивление молодой, но такой же серый и поникший, как сам город, и равнодушно перечисляет короткий список нехитрых мясных блюд, которые я могу получить, и с десяток видов хлеба, от ягодного до имбирного. Он же чуть позже приносит мне рагу и душистый взвар и снова растворяется где-то на задворках, а посетители меж тем даже поз не меняют и жуют, кажется, еле-еле.

Я, не сдержавшись, разглядываю их исподлобья, да толку никакого: один, поджарый и плечистый, с вы-

бритыми висками и черным ежиком волос, не поднимает лица от тарелки; второй, тонкий и гибкий, не снимает капюшона; старики сидят ко мне спиной, и лишь грузный и явно обеспеченный бородач виден как на ладони, но совершенно мне не интересен.

Я быстро отвожу глаза, пока не привлекла ничьего внимания, и набрасываюсь на первую за долгое время горячую пищу. И до того увлекаюсь, что вздрагиваю, когда один из стариков подает скрипучий, как ржавое колесо, голос:

— Эй, Охотник, ты ведь тоже его видел! Скажи этой развалине, что я не брешу.

— Кого видел? — вяло отзыается, очевидно, Охотник, сидящий за ближайшим ко мне столом, при этом так и не поднимая головы от давно опустевшей тарелки.

— Кого-кого, оловянца безглазого. Почитай, седмицу слепо по округе шарит да на руинах дворцовых сидит — никак яйца высиживает. Али вру?

Наверное, я перестаю дышать, потому что зал подергивается дымкой и начинает вращаться, но тихонько вскрикнувший Кайо приводит меня в чувство. Он так и сидит в мешке и, встрепенувшись, едва не падает со скамьи — я едва успеваю ухватить холщовую лямку. Едоки же на птичий клекот внимания не обращают, но беседа о безглазом оловянце их слегка оживляет.

— Не врешь, — наконец отрывается от тарелки Охотник, и я вижу, что левая сторона некогда красивого лица совсем еще молодого мужчины изборождена глубокими шрамами. — И впрямь ходит слепой по городу, про королей да принцесс расспрашивает и на руинах гнезда вьет. Бургомистр послал было нас его прогнать, да жалко ж калечного.

— Ишь, жалостливый какой, — фыркает бородач за соседним столом. — Будто сам не калечный.

— Правый глаз у меня отлично видит, — отвечает Охотник, — мимо морды твоей не промахнусь. Да мимо такой и слепец бы не промахнулся...

— Вражину бы с таким пылом гнал, как своим угрожаешь, — встревает третий, скинув капюшон и внезапно оказавшись худощавой девушкой с толстой рыжей косой и чистым, звонким голосом.

— Да какой из него вражина — шагу без палки ступить не может.

— И поздно его уже гнать, — поддерживает затевший этот спор старик. — Вот года три назад надо было корабли их на подходе топить, а вы встречали как дорогих гостей. Теперь жизнь у них не слаше нашей.

— А то и горше, — бормочет его сосед, — раз к нам побитые ползут.

После изначального тягостного молчания столь бурная беседа, да еще и на волнующую меня тему, сбивает с толку. Я ошелоело моргаю, прижимая к груди мешок с притихшим Кайо, и перевожу взгляд с одного незнакомца на другого. Я, конечно, хотела послушать местные сплетни, но они будто нарочно... Не бывает таких совпадений.

— А ты что думаешь, парень?

Я не сразу понимаю, что вопрос обращен ко мне, и несколько секунд молча глазею на задавшего его Охотника.

— Я? — уточняю внезапно севшим голосом.

— Ты, ты, — хмыкает первый старик — лысый как коленка. — Или думал, мы все тоже слепцы, что тот олвитанец, и чужака не приметим?

Его седой приятель кивает.

— Приметим-приметим. Но на еще одного олвитанца ты не тянешь, уж больно бледный.

— И мелкий, — вновь фыркает бородач.

— Для тебя все мелкие, в ком хотя бы пяти пудов не наберется. — Девушка закатывает глаза.

— Я не олвитанец, — быстро вставляю я, почти сползая под стол.

Раз уж приняли за парня, то и не стоит доказывать обратного, хотя обмануть кого-либо я не стремилась. Просто нет во мне девичьей мягкости, давно нет, а волосы так и вовсе с самого детства ниже плеч не отрастают — твоя месть за неосторожно брошенное слово.

— Так что скажешь, не олвитанец? — вновь спрашивает Охотник, прищурив правый глаз. Левый под гнетом шрама и так остается закрытым. — Стоит прогнать слепого из города или пусть себе бродит?

— Зачем гнать, если зла от него никакого, — тихо отвечаю я, и здесь бы остановиться, но я слишком долго молчала. — Всякий может в беде оказаться, лучше б спросили, чем помочь.

— Тыфу, никак святошу к нам занесло, — сплевывает лысый старик и вдруг отворачивается, вновь нависнув над кружкой.

Остальные четверо и затаившийся в тенях трактирщик согласно гудят.

— Ты тут поменьше помощь ближнему проповедуй, малец, — советует напоследок Охотник, не то скривившись, не то улыбнувшись, — или вперед слепого из города погонят.

И на этом они теряют ко мне всякий интерес. Рыжая быстро подсаживается к Охотнику и, склонившись, что-то жарко шепчет в его уцелевшее правое

ухо. Их грузный собеседник в который раз фыркает, бросает на стол монеты и размашисто шагает к выходу. Старики тихонько ворчат друг на друга, похоже, продолжая спор в более тесной компании. А надо мной вновь нависает тень трактирщика.

Вот только смотрит он не на меня, а на мой чересчур подвижный мешок.

— Выпусти тьму, — говорит наконец трактирщик, не дождавшись от меня ни слова. — Здесь никто не обидит.

Я не удивлена, что он знает про мою вторую половину. Думаю, все здесь знают, раз уж с ходу обозвали святошей, и зла никто из них действительно не причинит. Вот только мешок защищает Кайо отнюдь не от людей и даже не от монстров. Мешок бережет его от любого проблеска солнечного света, а обдененный зал, несмотря на затененность, все-таки не глухой подпол. Мало ли, занавеска на окне дрогнет, или дверь кто-нибудь распахнет так широко, что лучи и до нашего угла дотянутся.

Кайо не просто тьма, которая отделилась от меня, как и от всякого пастыря, в раннем детстве, позволяя целиком сосредоточиться на светлых чарах. Нет, он лишь часть этой тьмы, ибо остальное вернулось в мои вены в миг недолгой смерти, и теперь Кайо недостает силы сопротивляться солнцу.

Неуязвим он только по ночам.

Я неуверенно качаю головой, накручивая на запястье лямку.

— Моя тьма особенная, — все же объясняюсь полушипотом я.

Вряд ли трактирщик что-то понимает. Он хмурится, сверлит взглядом мешок, будто надеется прожечь

в нем дыру или увидеть сквозь плотную ткань, но затем все-таки кивает и снова уходит.

Я стараюсь доесть побыстрее. Вдруг начинает казаться, что каждый в этих стенах в курсе, кто я такая, что задумала и куда направляюсь. И разговоры их неслучайны, и на тьму мою они хотят взглянуть, убедиться...

Глупость, конечно, несусветная. Обо мне и в лучшие времена никто не знал, так с чего бы чему-то меняться сейчас? Но доводы разума спокойствия душе не добавляют, и, быстро сунув оставшийся кусок хлеба в карман, а на стол положив несколько монет, я вскакиваю, готовая уйти.

И утыкаюсь носом в широкую грудь Охотника.

— Мы проводим, — слышу я над головой его тихий голос и отшатываюсь.

Они стоят плечом к плечу, Охотник и рыжая. И смотрят на меня одинаково насмешливо и будто с жалостью.

— Куда? — переспрашиваю глупо.

— Во дворец, — чеканит рыжая, и они, развернувшись, шагают к выходу.

А мне ничего не остается, кроме как бежать следом.

Рыжую зовут Искра, и я не решаюсь уточнить, настоящее это имя или прозвище. Сама я не представляюсь, да никто и не спрашивает, хотя мы плетемся прочь от заходящего солнца уже не менее получаса. Им будто плевать, кого провожать, и развлекать меня беседой никто не собирается, а я всю дорогу мучаюсь догадками, но рот упрямо держу закрытым. Это почти невозможно... я привыкла.

Но то ли лицо мое красноречивее всяких слов, то ли таких, как я, у них по пять штук на дню и все одинаковые, но Искра наконец снисходит до объяснений. Правда, лишь когда мы минуем последние дома, от которых веет теплом и жизнью, и ступаем на землю настолько омертвевшую, что ни один росток не успевает сквозь нее прородиться, погибая еще до рождения.

Дворец отнюдь не строился на задворках города — напротив, когда-то городские улицы струились вокруг величественных стен, точно ленты у ног танцовщицы. Теперь же Бронак будто испуганно отползает от этой обугленной груды камней все дальше и дальше, грозя вскоре погрузиться в морскую пучину, лишь бы избежать напоминаний о горестях, его сломивших.

— Наши старики кое-что умеют, — говорит Искра, пока я старательно выравниваю дыхание.

В носу и горле свербит, и чудится, что с каждым шагом ноги по колено проваливаются в пепел, но, глядя вниз, я вижу только прочный серый камень.

— Они чувствуют, какие тревоги терзают путников, — продолжает Искра. — Какие вопросы роятся в чужих головах. И куда повернет их судьба в ближайшее время. — Она останавливается и оборачивается ко мне. — И раз при тебе они заговорили о руинах и оловянце, значит, сюда тебе и дорога.

— А вы?.. — Я не заканчиваю, но того и не требуется.

Искра понимает:

— А мы следим, чтоб чужаки попусту по городу не шатались. Слишком уж много от вас проблем. Проще проводить, чем потом их разгребать.

«Убить чужака или вышвырнуть из города еще проще», — думаю я, но идея подкидывать не хочу.

Тем более таких, что выдадут во мне совсем неправильного пастыря.

— Что с твоей тьмой? — спрашивает Охотник, словно тоже читает в чужих головах.

Он шагает чуть позади, и приходится до боли прикусывать щеку, чтобы не оборачиваться каждую секунду. Его взгляд как вонзился сразу тонкой иглой меж лопаток, так и не сдвинулся ни на волосок за все время пути.

Я дергано пожимаю свободным от мешка плечом и молчу. Пытать меня никто и не помышляет.

— Пришли, — вскоре сообщает Искра, но я и без слов это знаю.

Уже давно увидела чудом уцелевшие кованые ворота, будто зависшие в воздухе без всякой поддержки, и каменный остов дворца, похожий на скелет древнего чудовища. Казалось, оно вот-вот взмахнет тяжелыми крыльями и извергнет пламя из своего непроглядно черного нутра.

До сих пор я старалась не присматриваться, изучала раздробленную мозаику под ногами, представляла, какой эта площадь была прежде, искала мельчайшие признаки жизни в этом гиблом месте, но теперь прятать взор уже не получится. Я поднимаю глаза и... больше не вижу монстра. Вблизи груды камней — это просто груда камней.

— В город его не приводи, — предупреждает Охотник, пока я завороженно гляжу пальцами шершавые и почему-то теплые железные прутья ворот.

Подушечки тут же становятся черными.

— А лучше убеди убраться отсюда, — поддерживает Искра. — Сам можешь... погостить. Пастыря, тем более совсем мальчишку, никто не тронет.

Я киваю, хотя гостить не собираюсь, ведь если в Бронаке и есть нужная мне вещь, то именно во дворце. Город же... пусть спит спокойно. Он и так многое пережил.

Искра и Охотник не прощаются. В какой-то момент я просто понимаю, что больше не слышу даже их дыхания, оборачиваюсь и вижу удаляющиеся спины. Кайо в мешке глухо ухает и, кажется, норовит выбраться на волю.

Я смотрю на почти закатившийся огненный шар.

— Еще чуть-чуть, — обещаю тихо и обхожу ворота.

Не открывать же их, в самом-то деле, когда рядом не осталось стены.

Найти дорогу в этом нагромождении обломков довольно сложно. Я воскрешаю в памяти материнские рассказы, пытаюсь мысленно нарисовать образ того, живого и шумного, дворца, но в итоге лишь примерно определяю расположение тронного зала, да и то умудряюсь заблудиться. Вокруг только черный камень и едкая пыль. Все уцелевшие ценности давно вынесли местные, а потом наверняка еще раз подожгли пепелище, чтобы начисто стереть королевскую семью из жизни Бронака. Будто их втоптанных в землю костей недостаточно.

Думаю, тебе бы понравилась эта картина. Понравилось бы бродить среди руин босиком, чувствуя, как под ногами рассыпаются прахом останки твоего отца.

Мне же хочется взобраться повыше — может, тогда получится отыскать мертвое сердце этого лабиринта.

Чуть позже, с ног до головы вымазанная сажей и взмокшая от усилий, я стою на необъятной глыбе

сросшихся камня и железа и смотрю на того, о ком говорили в таверне.

Действительно, слепой олвитанец совсем близко. Сидит, скрестив ноги, на вздыбленном и растрескавшемся полу перед троном, которого словно и не коснулись твои разрушительные чары, огонь и человеческая жадность. Я вижу блеск драгоценных наверший, вижу детально вырезанные оскаленные пасти хранителей правящего рода в изножье и вижу, что это не просто слепой олвитанец, а один из твоих спасителей.

И мой несостоявшийся убийца.

Глава 2

Пустой трон

Из башни тебя вынесли на руках. Вынес самый высокий из них, а больше я о нем ничего и не помню. Лишь огромную тень, что упала на меня, когда он остановился рядом. Да торжество в твоих глазах, быстро сменившееся горькими слезами. Я не раз видела, как ты репетируешь перед зеркалом, и теперь готова была рукоплескать блестящей игре.

Мешал только кинжал, который я силилась вытащить из живота пальцами, скользкими от крови нашей матери.

И юноша, мертвой хваткой сжимавший рукоять этого кинжала.

Вот его я запомнила отчетливо. Каждую черту, каждый всплеск отчаяния и страха на смуглом лице, которое было так близко, что я чувствовала еловый запах его дыхания.

— Избавься от ведьмовского отродья, — велел ему твой главный спаситель и вместе с тобой шагнул в двери, тут же растворившись в слеящем утреннем свете.

А юноша еще целую вечность просто стоял передо мной, не решаясь ни вынуть кинжал, ни надавить посильнее.

Я так хорошо изучила его лицо, что узнаванию не мешают ни прошедшие годы, ни повязка. И пусть плавные линии теперь остры как клинки, уголки поджатых губ словно навеки опущены, а страх и отчаяние смешились суворой настороженностью, во мне нет сомнений.

Это он.

Тот, кто убил меня, а потом, сам того не ведая, спас. И мне бы не хотелось, чтобы он узнал о своей ошибке.

Я понимаю, что пячусь, только когда под неловко опущенной ногой с треском разваливается какой-то черепок. Олвитанец, и до того сидевший неподвижно, будто обращается в камень. Я вижу, как застывают его резкие черты, как наливаются тяжестью плечи. Раньше они не были такими широкими...

— Убивай или уходи.

Он не шепчет, но голос его почти сливается с шорохом голых веток, что скребут по развалинам каменных стен. Голос этот я тоже узнаю, хоть он и огрублел вместе с хозяином; узнаю, потому что слышу его во сне каждую ночь. Он сверкающей змеей заползает под кожу, и эхо тянется за ним, точно извилистый след.

«Кто ты... кто ты... кто ты такая?»

— Впрочем, можешь сначала вдоволь налюбоваться, — продолжает олвитанец, не дождавшись ни смерти, ни моих удаляющихся шагов. — Говорят, в лучах заходящего солнца я неотразим.

Солнце почти село; угасающий свет, превративший мир в ржавую гравюру, не добавляет чужаку ни капли очарования. Тени играют на его лице, и повязка — единственное яркое пятно — на миг кажется мне пропитанной кровью. Как будто темные струйки вот-вот побегут из-под нее по впалым щекам.

— Врут, — отвечаю я громче, чем собиралась, и олвитанец все же вздрагивает.

— Девчонка, — с притворным изумлением тянет он. — А пыхтишь и топаешь как малец.

Все-таки слух у слепых и впрямь обострен. Посетители таверны и видели меня, и слышали, некоторые даже шли рядом через весь город, а девчонку все равно не опознали. Даже Охотник, которому полагается быть хотя бы в половину таким же прозорливым.

Я молчу, не спуская с олвитанца глаз. Смотрю на его напряженную челость, на концы алой повязки, запутавшиеся в грязных волосах непонятного цвета. Он чуть разворачивает плечи в мою сторону и ждет, а мне отчего-то совсем не хочется уходить. Приближаться, впрочем, тоже.

— А бургомистр хитер. Мужики меня прогнать не смогли, так он бабу послал. Ведь вашему племени жалость и милосердие неведомы.

— Я сама по себе, — отвечаю я наконец и начинаю осторожно спускаться.

Под сапогами трещат мелкие камешки, прогибаются железные прутья. Кайо трепыхается с удвоенной силой, и я вздрагиваю и едва не падаю, когда шеи касается его холодный клюв.

Останавливаюсь и, опершись спиной на ту самую глыбу, развязываю узел на горловине мешка, который неугомонный друг и так ослабил. Да, в провалах стен все еще виднеется алое зарево на горизонте, но прямых лучей уже можно не бояться, и освобожденный Кайо черной тенью взмывает ввысь.

— Птица, — настораживается олвитанец, вслушиваясь в хлопанье крыльев, и безошибочно провожает его полет поворотом головы.

Заложив над нами пару кругов, Кайо довольно ухает и усаживается на спинку трона.

— Нормальное зверье обходит это место стороною, — продолжает олвитанец и делает неожиданный вывод: — Ведьма.

Что ж, выбирая между пастырями и ведьмами, я бы тоже приписала себя ко вторым. Но ему-то с чего так думать, да еще и улыбаться при этом столь радостно, будто у каждой ведьмы при себе по сундуку с сокровищами?

Я молчу и по широкой дуге приближаюсь к трону. Кайо заинтересованно вертит головой и шумно перебирает лапами; олвитанец медленно встает, опираясь на чуть искривленную палку. Слишком тонкую и иссохшую на вид, чтобы выдерживать его немалый вес, и все же хруста ломающегося дерева я не слышу.

— Не отрицаешь, Ведьма, — продолжает улыбаться он.

На миг забыв, что он незряч, я пожимаю плечами, но тут же спохватываюсь:

— Называй как хочешь.

Три слова кажутся почти непозволительно длинной тирадой. И не то чтобы мне стоит бояться выдать себя

голосом — даже если у олвитанца тоже нет проблем с памятью, ему попросту нечего вспоминать. Тогда, три года назад, в миг твоего триумфа, я не проронила ни звука. И все же теперь ловлю себя на том, что стараюсь говорить ниже, глуше.

— Ведьма, — повторяет олвитанец, словно пытается убедить самого себя.

— Ага, — чуть слышно соглашаюсь я.

В конце концов, мама была ведьмой. И бабушка. Даже приятно в кое-то веки ощутить себя частью семейного наследия.

На олвитанца я больше не смотрю. Не узнал он меня и не узнает — куда ему без глаз. А с чего так обрадовался встрече с ведьмой — не мое дело. Мне попросту все равно. Взгляд уже прикован к спинке трона, больше похожей на горную гряду, где каждый пик вместо снежной шапки укрывает россыпь драгоценных камней. Они переливаются в нарастающих сумерках, будто светятся изнутри. Не удержавшись, я протягиваю руку к самому крупному изумруду — и под моими пальцами он словно разгорается еще сильнее. Этот свет моментально просачивается под кожу, согревает кости.

Поразительно все же, как такая роскошь уцелела на разоренном пепелище?

Я касаюсь еще одного камня, мерцающего алым возле когтей Кайо, и в этот миг поднимаю глаза на олвитанца. Тот хмурится. Брови совсем съехали под повязку, поперек лба собрались морщины. Не будь он слеп, уверена, следил бы за каждым движением моей руки. Да что уж... отчего-то кажется, что он и так следит.

И вдруг олвитанец шагает вперед, крепко хватается за подлокотник — и трон под нашими ладонями

рассыпается искрами. Долю секунды они растерянно мечутся в воздухе, а потом гаснут все разом, как вспугнутые светлячки.

Лишившийся на сеста Кайо ухает, громко хлопает крыльями и перебирается на ближайший камень. Возмущение его до того забавно, что я почти улыбаюсь. Почти.

— Иллюзия. — Олвитанец выглядит довольным. Лоб его разгладился, плечи расслабились. — Они тут каждые несколько минут появляются, то в одном, то в другом углу. Эта крепкая попалась, обычно и мимолетного касания хватает, чтобы...

Он осекается и снова сдвигает брови.

— Ты их... видишь? — пытаюсь я заполнить неуютную тишину.

Если он не совсем слеп, значит... Я с трудом удерживаюсь от желания вновь попытиться.

Он водит перед собой рукой, словно хочет нащупать трон.

— Вспышки, — бормочет рассеянно. — Любые чары — это вспышки в темноте.

Я слабо представляю, как это работает и чем он эти вспышки видит, но мысленную зарубку делаю. Любые чары... Возможно, это как у нас с Кайо — нам порой достаточно одной пары глаз на двоих, и, как правило, это не мои глаза.

— Какая у тебя птица? — вдруг спрашивает олвитанец, словно и сам думает в том же направлении. — Все ухает и ухает... как филин какой.

— Циккаба¹, — поправляю я. И зачем-то добавляю: — Черная.

¹ Вид сов из рода неясытей. Здесь и далее примечания редактора.

Черная циккаба — это красиво. Угольные перья, сверкающие в ночной тьме, огромные круглые глаза да солнечно-рыжий клюв, пестреющий на этом мрачном полотне. Чем не ведьмовская птица? Хотя олвитанец наверняка уже представил себе ворона.

— Хорошо, — кивает он каким-то своим мыслям. — Хорошо. — А после паузы упирает руки в бока и, вскинув голову, будто смотрит в самое мое нутро сквозь свою кровавую повязку. — Ну, и откуда начнешь поиски?

В этот миг в голове рождается столько вопросов, что я даже испугаться как следует не успеваю. Просто ошалело моргаю, уставившись на олвитанца, пока внутри писклявое «как он узнал?» сменяется немного истеричными «зачем он здесь?» и «что теперь будет?». Вслух я произношу лишь сиплое:

— Что?

— Поиски, — повторяет он и делает шаг ко мне, предварительно ударив по расколотому полу перед собой кривой палкой. — Ведун сказал, пришлет ведьму мне в помощь, и ты явилась. Надо управиться здесь побыстрее, я и без того ждал слишком долго.

Прелестно.

Я бесшумно выдыхаю и на миг прикрываю глаза. Толком еще ничего не ясно, но обо мне этот чокнутый слепец точно ничего не знает. Судя по всему, его сюда привело предсказание очередного шарлатана, которых — твоими стараниями — за последние годы развелось по семи королевствам как мошки. И мне не стоит оглядываться и переживать, что вот-вот появится настоящая, посланная ведуном ведьма.

Не появится. Ни теперь, ни через неделю, ни через год. Скорее уж олвитанец и впрямь высидит яйцо.

Другой вопрос: зачем ему вообще понадобилась помочь чародейки?

Я окидываю его свежим взглядом, стараясь отрицать все еще тлеющий в сердце страх и впечатления от предыдущей встречи. Это совсем другой человек. Он слеп, навеки погружен во мрак, но не испуган. Потрепан дорогой и жизнью на развалинах дворца, но грязь и усталость не в силах скрыть горделивую осанку и повадки воина. Уверена, кинься я сейчас на него, уже на первом шаге буду сбита наземь неказистой палкой.

А еще одежда... выжженная солнцем и изъеденная морозами, латаная-перелатаная, но такие ткани я видела только в детстве, когда пряталась от тебя в сундуке с матушкиными дворцовыми нарядами.

— Твоя рубашка порвется при первом же ветерке, — невпопад говорю я, и олвитанец непроизвольно проводит рукой по груди, теребит шнурокогда-то яркого и роскошного жилета.

— Зато я знаю, как она выглядит, — отвечает он ровно.

А я понимаю, что по возрасту этих тряпок можно определить день, когда олвитанец ослеп.

— Поиски, — резко напоминает он, не позволяя мне развить мысль. — Времени почти не осталось.

— Боюсь, тебе придется подсказать, что и как я должна найти.

Второй раз за день меня принимают за другого, и второй раз я даже не пытаюсь отрицать. Не вру, но игру поддерживаю. А ведь когда-то даже намек на подобное лукавство отзывался жжением в висках, а уж от откровенной лжи я и вовсе полыхала факелом.

Ты любила эти моменты. Подталкивала меня к ним. И с любопытством безумного ученого наблюдала за моей агонией.

Я по-прежнему жду болезненной отдачи за всякий шаг, направленный против сущности пастыря, но с каждой минутой безнаказанности эта вероятная боль все меньше меня страшит. Наверное, тебя бы разочаровала сегодняшняя я.

Я очень надеюсь, что она тебя разочарует.

Олвитанец молчит слишком долго и как-то слишком сосредоточенно. Затем что-то бормочет себе под нос, трет лоб и наконец произносит:

— Ирманский король знал, как убить эту тварь. Он что-то приготовил. Иначе с чего ей разносить этот дворец по камешку? И оно здесь, я знаю, оно все еще здесь. А как ты его отыщешь — это уже твои ведьмовские штучки. — Он усмехается, широко, надменно. — Оплата будет щедрой, не волнуйся.

Я и не волнуюсь. Точнее, не волновалась, пока он не заговорил. Теперь же с трудом сдерживаю рвущийся наружу поистине ведьмовской хохот.

Разве могло быть иначе? Разве мог слепой олвитанец явиться сюда с отличной от моей целью?

Ты ведь всегда умела заводить друзей.

— Я думала, если ваш Король очнется от чар супруги, то поднимет против нее целое войско, а не одного несчастного рыцаря, поеденного молью.

Я говорю медленно, осторожно, чтобы ни одна капля неуместного веселья не выплеснулась наружу. Впрочем, как и иные чувства — их сейчас во мне с избытком.

— Отныне он и ваш Король тоже, — все с той же усмешкой отвечает олвитанец.

— И все же... боюсь, Королева уже иссушала его рассудок, и смерть ее оставит что Олвитан, что Ирманию в руках безумца. Или вообще без всякой крепкой руки.

Понятия не имею, что за бес в меня вселился и зачем я подогреваю этот спор, но остановиться не могу. Та никчемная толика тьмы, что позволяет мне нарушать заветы света и неизменно искажает любые чары, сейчас словно быстрее бежит по венам и захватывает власть над разумом.

Зато в образ ведьмы эта болтовня вписывается как нельзя лучше.

— Это вряд ли, — уверенно говорит олвитанец, и улыбка его становится шире, но при этом холоднее. — Редкий трон остается пустым надолго.

Мы оба смотрим на пустое место, где совсем недавно сверкал драгоценными камнями иллюзорный трон. Трон, оставшийся ничьим, хотя мог быть твоим.

Мне на плечо, гулко ухнув, усаживается Кайо — похоже, ему надоело наблюдать за столь увлекательной беседой со стороны. Я и сама едва не ухаю: плотный плащ и рубаха, конечно, защищают кожу от его когтей, но весит моя тьма немало.

— Значит, ты радеешь за благополучие наследника, — делаю я вывод. — Младший брат Короля послал на битву с чудовищем слепого рыцаря.

— Младший брат Короля никого не посыпал, — пожимает плечами олвитанец, и я уже открываю рот, чтобы сказать какую-нибудь глупость о самоотверженности и инициативе, но тут же его захлопываю.

«Еще совсем недавно правил Олвитаном вредный старик, и было у него два сына. В старшем король

души не чаял, воспитывал его по своему образу и подобию, учил всему, что знал сам, да против врагов своих извечных настраивал. А младший принц, запасной, бегал за братцем хвостиком, стремясь поймать хоть отголосок отцовского благоволения. И когда старик умер, а старший из сыновей взошел на трон, младший так и остался при нем неотлучной тенью. С тех пор куда бы ни отправился новый Король — принц стоит за правым его плечом».

Полагаю, спасать девиц из башен братья тоже привыкли вместе. И убивать ведьм.

— Вы крайне отважны, ваше высочество.

Глава 3

Корни и кости

Кайо — единственное, чему ты всегда завидовала. Много лет назад, когда он только выпорхнул из моей груди, ты вскрыла свою в поисках такого же.

Вскрыла заговоренным матушкиным ножом, потому никакие чары не помогли убрать шрам.

С тех пор ты носишь на теле вечное напоминание о моем крошечном превосходстве. С тех пор ты больше не скрываешь своей ненависти.

В самом начале этого пути я слабо представляла, что предстоит совершить, чем пожертвовать и на что решиться. Я плыла по течению, прислушиваясь, приглядываясь и запоминая. И стараясь не думать о конечной цели миссии, которую сама на себя возложила.

Но только теперь я понимаю, что то была лишь присказка, а путь мой, несмотря на стертые сапогами ноги и запыленный плащ, еще даже не начался.

Однако скоро начнется. Очень скоро.

Возможно, он начинается прямо сейчас, пока я, опустив голову и упервшись коленями и ладонями в крошево мраморного пола, смотрю на дворцовые руины глазами Кайо.

Он парит в почерневшем небе, откуда искореженные обломки кажутся небрежно разбросанными по земле детскими игрушками. В дальних залах, куда я так и не добралась, мерцают золотистым светом упомянутые Принцем иллюзии. Кажется, какие-то статуи. Возможно, вблизи я сумела бы рассмотреть лики твоих родных... твоих жертв, но с высоты птичьего полета угадываю только изгибы тел и застывший танец одежд.

Я не знаю, что именно надеюсь найти. Какой-то знак. Намек. Любую странность. Но самые странные здесь как раз мы: безглазый Принц, фальшивая Ведьма да ненастоящая птица.

Ну и иллюзии, конечно. Зачем они нужны? Кто и когда их создал? Всегда ли король Ирмании восседал на иллюзорном троне или то лишь случайно отпечатавшийся в реальности отголосок прошлого?

Мне подобные чары незнакомы, но и кладезем знаний меня не назовешь. До четырнадцати лет я училась у матери (которая и сама образованностью не блистала), а после постигала колдовскую науку самостоятельно, методом проб и ошибок, и вряд ли стоит сообщать об этом Принцу.

Тот мнется в стороне, и хоть ему не терпится — я чувствую это кожей, — он не вмешивается. Верно, опасается нарушить какой-нибудь ведьмовской ритуал.

Иллюзорные статуи распадаются на искры и тают, и в тот же миг в соседних комнатах вспыхивают новые.

— Мне бы бумагу и перо, — говорю я вслух, ни на что особенно не рассчитывая.

Просто было бы неплохо зарисовать расположение иллюзий на случай, если они действительно что-то значат.

— Конечно, сейчас только сумку открою. Куда ж слепому без бумаги и перьев.

— Без ерничанья, видимо, тоже никуда, — бормочу я и осторожно открываю глаза.

Зрение раздваивается, вид сверху и разрушенный тронный зал словно наслаждаются друг на друга, но я умудряюсь удержать связь с Кайо. Редкое везение. Затем подгребаю к себе мелкие камешки и обломки и на относительно чистом пространстве пытаюсь выстроить некое подобие карты.

Получается из рук вон плохо.

Я уже почти забыла, где мерцали предыдущие статуи, да и в целом, даже с учетом трона, получившаяся картина никакого ответа не дает. Я не вижу связи.

Разумеется, это не значит, что ее нет. Скорее, что воображать и соображать — не совсем мое.

Но я не сдаюсь.

И пока я сосредоточенно передвигаю камешки и прокладываю между ними невидимые линии в поисках пересечений, дворец наполняется новыми иллюзиями. Кажется, это деревья и фонтан во внутреннем саду.

Они словно уходят вглубь, убегают все дальше и дальше от трона.

«Или показывают дорогу», — шепчет тьма, и я вскаиваю, резко оборвав связь с Кайо.

Он раздраженно вскрикивает и растворяется в ночи. Надеюсь, улетает к последним появившимся иллюзиям. А я поворачиваюсь к Принцу:

— Ты видишь вспышки. Иди за ними.

Не самая лучшая идея следовать за слепцом, но из нас троих сейчас как раз от меня никакого толку.

Я жду очередного ехидного замечания, но он лишь хмурится и, повернувшись головой, уверенно направляется в черное нутро каменного монстра.

Здесь, внизу, без зрения Кайо, мне не понять, что настоящее, а что рассыпается при первом же касании, но в Принце я не сомневаюсь. Во-первых, порой он останавливается и явно ждет, когда вспыхнут новые указатели, и вряд ли это умелая игра — слишком уж нам обоим неуютно в эти минуты, наполненные тягостным молчанием. А во-вторых, вскоре мы добираемся до того самого фонтана, над которым кружит Кайо, и дальше путь продолжаем уже втроем.

Кайо отмечает для меня иллюзорные предметы, усаживаясь на них. И, как и трон, на прикосновения птицы-тьмы они никак не реагируют.

Я часто спотыкаюсь, цепляясь плащом за торчащие тут и там обломки, получаю по лбу внезапно появившимися из темноты ветками. И с каждой минутой все сильнее злюсь на Принца, который со сноровкой циркача огибает любые препятствия. В какой-то момент мне даже хочется сорвать с него повязку и возопить: «Обманщик!», но я знаю, что это глупость.

Он в одиночку добрался в чужой враждебный край и выживал здесь не один день — естественно, ему нипочем какие-то ветки.

А вот палкой своей Принц почти не пользуется, и мне начинает казаться, будто она и нужна лишь для того, чтобы было чем занять руки.

Мы не сразу понимаем, что путь закончился, и у последней иллюзорной статуи — огромной, запрокинувшей лицо к небесам, — стоим слишком долго. Заскучав, я вновь сливаюсь с сознанием Кайо и разглядываю сияющую каменную фигуру с высоты.

Это женщина в длинном струящемся одеянии, и мне требуется несколько мгновений, чтобы понять, что она отнюдь не поднимала лица к небу. Лица у нее вовсе нет. Нет головы. По крайней мере на плечах.

Голову она нежно баюкает в сложенных у груди руках. Очевидно, свою. Со спутанными, словно корни растений, волосами, острыми скулами и оскаленным ртом. Остальные черты будто смазаны, толком не разглядеть, но в черных провалах, заменяющих женщине глаза, что-то белеет... движется, копошится...

Задохнувшись от ужаса, я разрываю связь и возвращаюсь в человеческое тело, к счастью, не одаренное таким острым зрением.

— Что? — настораживается Принц.

— Жутковато тут. — Я передергиваю плечами. — Темно.

— Ох, бедняжечка...

А вот и долгожданное ехидство.

Решив благородно не обращать на него внимания, я жду еще минуту, две, три, а потом Принц хлопает статую по ноге — и она развеивается искрами по ветру.

— Похоже, эта последняя. — Он упирает кулаки в бока и оглядывается. — Ну и куда нас привел сей тернистый путь?

Мне бы тоже хотелось знать ответ...

Судя по обугленным стволам деревьев и вросшим в землю скамейкам, мы в одном из уголков огромного дворцового парка. Сейчас сложно представить, что когда-то по этим тропам прогуливались знатные особы, а вон на том пустыре явно стояла беседка, где королевский гвардеец мог украсть поцелуй смущенной фрейлины.

Сегодня ни один из них даже не подумал бы сунуться в это мертвое царство, тем более глубокой ночью. Только нам с безумным Принцем сюда и дорога...

Я тоже гляжу по сторонам и даже сплетаю незримые нити светлых чар, дабы чуть лучше видеть в темноте. И, как и последние три года, тьма немедленно вмешивается в плетение, искажая его, загрязняя. В итоге мрак и впрямь немного отступает, я вижу на несколько метров вглубь парка, вот только все в красном цвете.

Чудесно. Будто мне и без того не хватает впечатлений.

— Ведьмачиши, Ведьма? — спрашивает Принц. — Вся так и светишься. И ты толстая.

— Неправда! — вскидываюсь я, а этот паяц смеется.

— Успокойся, я вижу только мерцание чар. Весьма слабеньких, кстати говоря.

— Прости, высочество, что не пытаюсь тебя впечатлить.

Поразительно, как быстро и ловко он вытащил наружу мое нутро, такое же искаженное, как и чары. Всего несколько часов назад, в таверне, я призывала местных помочь несчастному чужаку, а теперь сама готова его растерзать за глупую шутку.

Он же нарочно меня изводит! В этом вы с ним необычайно похожи... Надеюсь только, цели у вас разные.

Дав себе зарок больше не попадаться в ловушки Принца и даже не рассчитывая его исполнить, яозвращаюсь к созерцанию окрестностей. Если я не ошиблась и иллюзии указывают на место, должен быть еще какой-то знак...

— Эй, ты обиделась? — зовет Принц.

Я молчу, и он подходит ближе.

— Не обижайся. Я слишком долго был один и просто рад возможности поговорить не с пустотой.

Конечно. Я чуть лучше пустого места. Хочется сказать, что я, между прочим, тоже не избалована компанией, но пока есть силы, я держусь.

— Еще по ту сторону воды, в Олвитане, я как-то поймал кролика, но не смог его убить и съесть, — продолжает Принц. — Он меня будто бы слушал и даже хрустел в ответ. Как потом оказалось, хрустел запасами моих овощей, пока не сожрал их все, после чего дал деру. Такого предательства наша зарождающаяся дружба не выдержала.

Приходится закусить губу, чтобы не рассмеяться, но, судя по довольному лицу, он и мою улыбку слышит.

— Ты его поймал и отомстил? — спрашиваю я.

— Что ты, я не такой! — возмущается Принц до того притворно, что я почти не сомневаюсь: где-то в его карманах есть кроличья лапка.

На удачу.

Удача бы нам сейчас не повредила.

С этой мыслью я поворачиваюсь к месту, где совсем недавно возвышалась жуткая статуя. Если это конечная точка, то, может, она и есть указатель?

Этот клочок земли ничем не отличается от других, и если меня хорошенько покрутить с закрытыми глазами и запутать, я его точно не найду. Так что, пока

помню, неплохо бы копнуть поглубже. Ведь если ничего нет на поверхности, значит...

Я успеваю сделать ровно пять шагов и, похоже, встаю прямехонько на место статуи, когда земля под ногами расходится. Без предупреждающих трещин и грохота — просто распахивает пасть и заглатывает меня целиком.

Я бы не удивилась, услышав над головой клацанье зубов, но вместо него сверху доносится крик Кайо и неразборчивое бормотание Принца. Он не очень-то и встревожен, скорее, озадачен моим молчанием. Наверняка сказал очередную гадость, а я не ответила.

А я меж тем проваливаюсь все глубже и глубже...

Изо всех сил упираюсь в рыхлые стены ногами, пытаюсь ухватиться за торчащие из земли корни, но они вдруг обвивают мои щиколотки и запястья, сдавливают талию — и вскоре я уже не падаю, а трепыхаюсь увязнувшей в паутине мухой.

На дно меня опускают как не слишком ценный груз, и корни тут же исчезают в земляных норах, даже сквозь одежду оставив на коже болезненные ожоги.

— Ты там ведьмачишь? — кричит наверху Принц. — Под землей все светится.

Я задираю рукава и дую на запястья в надежде приглушить жжение.

— Мог бы для начала спросить, жива ли я, — отзываюсь раздраженно.

Тишина и снова голос Принца:

— Ты жива?

— Нет!

— Хорошо. Ты там ведьмачишь?

— Прыгай ко мне и узнаешь, — шиплю я, и он на конец умолкает.

И, разумеется, не прыгает.

Правильно делает, потому что я буквально стою на костях. И ни капли не сомневаюсь, что ради иско мого придется как следует в них покопаться.

Глава 4

Детские игры

Мне было десять, когда матушка запретила наши с тобой совместные прогулки по лесу.

На те дни пришла пора твоего цветения. Ты менялась как внешне, так и внутренне. И хотелось бы сказать, что природа не только одарила красотой твой лик, но и облагородила душу, но увы...

Чернильный мрак, доселе лишь мелькавший в твоих глазах, теперь мог до меня дотянуться.

Материнский запрет наверняка спас меня от многих злоключений, иначе, боюсь, однажды я бы попросту не вернулась из леса.

- Помощь нужна?
- Ага, смело иди на мой голос.
- Ну, нет так нет.

Судя по сыплющимся мне за шиворот комьям земли, Принц усаживается на краю обрыва. Уверена, если гляну вверх, увижу его болтающиеся ноги.

Здесь темно, но чары по-прежнему озаряют мир красноватым свечением, в котором груда костей выглядит еще более жутко.

Кости мелкие. Детские. Миниатюрные черепа. Крошечные фаланги пальцев.

Что за монстр мог заполнить мертвыми детьми целую подземную пещеру? По-моему, даже ты на такое не способна, и, кажется, этот склеп появился здесь еще до твоего рождения.

Быть может, мы не там ищем?

Я не в силах заставить себя ни разгрести кости сапогом, ни коснуться их голыми руками, поэтому обматываю ладонь краешком плаща и только потом осторожно приседаю. Не зря. Останки тоже обжигают сквозь ткань, но, в отличие от корней, не огнем, а по-посторонним холодом.

А еще на каждой косточке мерцает болотной зеленью смутно знакомый символ. Пару минут я силюсь вспомнить, где же видела его прежде, но тщетно.

Зато делаю другое открытие: костей все же не так много, как показалось поначалу, и часть из них принадлежит животным. Слой ровно такой, чтобы без просветов укрыть каменный пол, и лишь у дальней стены высится пугающая горка.

Я продвигаюсь туда медленно, шаг за шагом, аккуратно раздвигая останки, и все же избежать хруста под ногами не удается. Я жмуриюсь, но не останавливаюсь.

— Однажды мы с другом провалились в охотничью яму, — видимо, устав от молчания, начинает рассказывать Принц.

— С другом-кроликом?

— К твоему сведению, за жизнь у меня было больше одного друга.

Обида его притворна, и я улыбаюсь, вдруг обнаружив, что эта болтовня помогает шагать дальше. И дышать.

— Надеюсь, не все из них изначально должны были попасть на вертел.

— Только половина, — преувеличенно серьезно отвечает Принц. — Так вот, мы провалились. И даже умудрились не напороться на колья — настолько были мелкие, что проскользнули меж ними.

— Или охотник был дурак и слишком широко их расставил.

— Вероятность велика. Охотился в том лесу мой брат — мечтал впечатлить отца медвежьей шкурой, но лично встречаться со зверем не желал. Хотя кому нужна шкура, разодранная кольями?

— И что было дальше?

Я наконец опускаюсь на корточки перед горкой и следующую минуту сосредоточенно снимаю кости, одну за другой.

А Принц продолжает:

— Я выбрался, а друг мой только ногти пообломал да задницу отшиб постоянными падениями. И тогда я героически сплел из своей одежды веревку и вытащил его.

— Полагаю, это не конец истории?

— Разумеется. В итоге этот идиот уронил веревку в яму и отказался поделиться своей одеждой. А потом и вовсе убежал.

Теперь передо мной только маленький, наверняка младенческий череп, стоящий на крышке простой

деревянной шкатулки. Убирать его страшно. Словно он удерживает взаперти нечто жуткое, стережет, и если шкатулка распахнется...

— Еще одно жестокое предательство. Не везет тебе с друзьями. Но ты же мог спрыгнуть вниз, одеться и снова выбраться.

— К тому времени начался дождь, а плавать я не умел. Было бы неловко, если б младшего Принца нашли в грязевой яме мертвым в обнимку с собственными портками.

Я вытягиваю руку, все еще обмотанную плащом...

— Ваша жизнь полна удивительных приключений, ваше высочество.

...и резко сдергиваю череп с деревянной крышки.

— Я это все к чему... Даже не проси меня раздеваться.

В голосе Принца слышится улыбка, и я смеюсь. В том числе и от облегчения, потому что шкатулка не открылась и не выпустила в мир полчища бесстелсных монстров.

Другое дело, что открыть ее все равно придется — надо же узнать, ради чего я практически плясала на костях. Но не здесь. Использовать чары в неизвестно чьей ритуальной пещере — самоубийство, а без проверки я к этой штуке не прикоснусь.

Стянув плащ, я заворачиваю в него шкатулку и по узкой расчищенной тропке возвращаюсь к месту своего падения.

Принц по-прежнему сидит на краю и по-детски болтает ногами. Не слишком высоко, но веревка, пусть даже и из одежды, сейчас действительно пришлась бы кстати, ведь ни один корень не торопится вновь выбраться из земли и исполнить роль ступеньки.

Напротив, на другой стороне трещины, покачивается в ночной мгле круглая голова Кайо. Он с любопытством смотрит вниз и тихонько ухает, будто предлагая помочь. И как бы ни претило мне истощать его и без того невеликие силы, выбора, похоже, нет...

Я киваю и, смежив веки, мысленно тянусь к своей темной половине. Нужная нить находится без труда — пусть уже не такая крепкая, как в детстве, но все же надежная, ведь когда-то мы были единым целым.

Я не дергаю — осторожно подманиваю нить пальцем, и та послушно ложится в руку, распадается на мерцающие волокна и ползет по предплечью, повторяя рисунок вен, впитываясь в кожу.

Теперь можно открыть глаза.

Кайо уже мало напоминает птицу, разве что ее огромную тень. Он распахивает над расщелиной черные крылья и дымным облаком устремляется вниз. Через мгновение я с ног до головы окутана тьмой. Она движется, переливается всеми оттенками мрака, ласковой кошкой льнет к бокам и наконец отступает.

Я стою на твердой земле, в нескольких шагах от Принца, а он поспешно отползает от зарастающей раны на сердце дворцового парка.

— Могла предупредить, — ворчит, поднимаясь и отряхивая штаны. — Мне чуть ноги не откусило.

— Меня проглотило целиком, так что не жалуйся.

Кайо устало садится мне на плечо и легонько тычется клювом в висок. Его способ сказать: «Все хорошо». Я не верю, но привычно поглаживаю его по крылу, и друг перебирается на ближайшее дерево. А я отхожу подальше от подземного склепа, опускаюсь

на колени и, поставив перед собой добычу, разворачиваю плащ.

Шкатулка шириной в ладонь ничем не примечательна, разве что на гладкой деревянной крышке выжжен символ — такой же, каким были помечены кости. Без сбивающего с толку свечения становится понятно, что это клубок змей, чем-то похожий на букву «Ф». И я наконец вспоминаю, где видела его прежде.

В лесу возле нашего дома. Причудливо свернувшиеся змеи порой появлялись на стволах деревьев наравне с другими знаками. Метками отверженных.

Ты нарочно искала их, устраивала засады в надежде поймать какую-нибудь глубинную тварь, исполняющую желания, или говорящего зверя. И страшные матушкины сказки так и не сумели ни напугать тебя, ни удержать в стенах башни.

— Знаешь, мне как-то неуютно в неведении, — сообщает Принц, замирая рядом.

— Тебе знакомы ритуалы на детских костях?

Он несколько мгновений молчит.

— К счастью, нет.

— А буквы, сплетенные из змей?

А вот теперь отвечает моментально:

— Отверженные. — Я не поднимаю взгляд, но знаю, что Принц кривится. — Змеи, жуки, всякая дрянь — их метки.

— Так вот... в склепе, полном детских костей, помеченных отверженными, я откопала шкатулку, помеченную отверженными, и собираюсь ее открыть, дабы найти внутри проклятые крысиные кишki или еще какую прелесть. Уверен, что хочешь стоять так близко?

Он молчит, но не отступает. И я не собираюсь ждать, пока Принц одумается.

Отчего-то сейчас из моих пальцев, прижатых к земле, струится почти чистый свет. Да, в прежние времена он буквально ослеплял всякого, кто способен видеть чары, но с тех пор многое изменилось. А эти нити если и осквернены тьмой, то лишь полупрозрачной жилкой, настолько тонкой, что ее легко не заметить.

Радоваться, однако, я не спешу. Что значит один случай против сотни других, когда из-за грязной силы меня и самый большой шутник не назвал бы пастырем?

Свет любит форму и сейчас обращается гибкими стеблями растений, обвивает шкатулку со всех сторон, укрывает мерцающими листьями и только потом просачивается внутрь, чтобы...

Ничего не обнаружить.

Наверное, Принц чувствует перемену. Может, сияние чар меняется или еще что, но он тут же подает голос:

— Что там?

— Пусто, — растерянно отзываюсь я.

— В шкатулке ничего нет?

— В шкатулке, на шкатулке, под шкатулкой... ни единого проклятья, ни капли чар...

Кайо ухает несколько раз подряд, словно смеется над моим изумлением. Наверняка смеется.

— А если поискать более земные материи? — уточняет Принц, и я закатываю глаза.

Интересно, на характер слепоты повлияла или оловитанец с самого детства такой? Тогда я даже в чем-то понимаю мальчишку, бросившего его без портока, и белолагу кролика. От подобного ехидства хочется бежать как от огня.

Удержаться от ответа я умудряюсь лишь чудом, а потом смело открываю шкатулку. Ни замка, ни даже простого крючка на ней нет, так что крышка откидывается легко, только проржавевшие за много лет петли натужно скрипят.

А на дне, на неуместно алой, пусть и полинявшей бархатной обивке лежит лишь клочок ткани с неровными, будто опаленными огнем краями и надписью.

И это не загадочное заклинание, не зловещее пророчество и даже не очередной символ.

Нет, на обгоревшем лоскуте всего девять букв.

Твое имя.

Глава 5

Одиночки

Наша башня не всегда была черной.

Если уж вдаваться в детали, она даже не всегда была просто башней, одинокой и устрашающей.

Но годы твоего взросления обрушили на замок столько бедствий и злосчастий, что крылья его не выдержали, сложились и поросли мхом. И матушка лишь радовалась, что хотя бы башня уцелела. Что по-прежнему можно держать тебя далеко от земли.

Открытие дня: Принц умеет очень громко кричать.

По крайней мере, его «Ведьма!», брошенное мне вслед, громом и молниями разносится по округе и на верняка долетает даже до ближайших жилых улочек

Бронака. Кайо поддерживает этот вопль птичьим ухающим смехом и усаживается на ворота, до которых я успела добраться.

Словно уверен, что я остановлюсь и пущусь в объяснения. Слишком хорошо он обо мне думает...

Я огибаю ворота, радуясь, что дорога отсюда ведет прямая и относительно ровная и больше не придется ползать по развалинам, спотыкаясь о каждый камень. А Принц снова кричит — причем где-то совсем рядом. Очевидно, бегает он тоже неплохо, а уж на его неестественную цирковую ловкость я уже успела налюбоваться.

— Ты не можешь уйти!

Могу и ухожу все дальше, не утруждаясь ответом.

— Ты должна во всем мне помогать! Ведун обещал...

Ну, во-первых, мне до чужих обещаний дела нет, а во-вторых, речь в них даже не обо мне, так что совесть моя может спать спокойно.

— Уйдешь — и не получишь обещанную награду!

Я смеюсь и все же бросаю через плечо:

— Да что с тебя взять, кроме поучительных историй о дружбе?

— Золото, — звучит над самым ухом, и меня хватают за руку, разворачивают. — Драгоценности. Шелка и меха. Я пущу тебя в королевскую сокровищницу с телегой — вывози, что пожелаешь. А захочешь остаться при дворе, я...

— Ты бродяга и изгой, — перебиваю я, отстраняясь. — Не стоит обещать мне чужие богатства.

— Они мои. Станут моими с твоей помощью.

— Значит, брата ты уже похоронил?

Теперь отшатывается Принц.

На миг кажется, что он сейчас крутанется на пятках и вернется на руины ждать другую ведьму, более сговорчивую, но после недолгого молчания я слышу его холодный, отстраненный голос:

— Мой брат предал свой народ, усадив на малый трон ядовитую змею. Пустив ее в свою постель, в голову, в сердце. Он призвал в родные края вечный мрак. Я не знаю, можно ли спасти моего брата, но знаю, что в Олвитане все еще живут и страдают люди. И что вскоре Королеве станет мало их горестей, и тогда тьма поглотит Ирманию. Лейдфар. Арьён. Трогмерет. Всякий клочок земли, до которого смогут дотянуться ее проклятые волосы.

Волосы. От одного упоминания о них меня бросает в дрожь. Помню, как впервые проснулась, плененная ими точно веревками. Помню, как они рассекали плоть не хуже наточенных лезвий — на моем теле до сих пор полно шрамов. И помню их потусторонний блеск. Далеко не сразу я поняла, что тем ярче они светятся, чем мне больнее.

В день, когда тебя спасли, а нас с матушкой убили, все окрестные леса и поля утопали в золотом сиянии твоих бесконечных волос.

— Ты не справишься с Королевой, — едва слышно говорю я.

— Потому что я слеп? — ощетинивается Принц.

— Потому что ты — человек, а она — чудовище.

— Если найти ее слабое место... если допросить отверженных... Ты же сама сказала!

Я сказала, что шкатулка пуста. Просто не смогла отдать ему этот опаленный лоскуток. Немыслимым образом даже вытравленное на ткани твое имя внушило ужас и заставило хранить молчание. В итоге

лоскут я скормила Кайо — тьма сбережет его надежнее, чем мои карманы или мешок, — а Принц теперь сжимает в руках пустую и по сути бесполезную деревянную коробку.

Но что имя, что метки на костях и крышке ведут в одно место — к отверженным. Только там можно найти ответы и, вероятно, оружие против тебя. Об этом я ни молчать, ни лгать не стала, поскольку толку от такого знания Принцу никакого: в одиночку на острове проклятых он не проживет и минуты, так что не рискнет туда сунуться без личной ведьмы. И я очень сомневаюсь, что на несколько верст вокруг найдется хоть один ненормальный, готовый его сопровождать.

Другой вопрос, что надо было как-то объяснить, с чего я взяла, будто пустая шкатулка из склепа связана именно с тобой, и здесь у меня не нашлось слов. Но оказалось, Принц в них и не нуждается. Полагаю, в своей отчаянной жажде найти хоть какую-то зацепку он бы принял из моих рук даже случайный камень, подобранный с земли.

— Допросами из отверженных ничего не вытащишь, — уверенно говорю я, пусть эта уверенность и зиждется лишь на матушкиных сказках. — Придется платить, и оловитанская казна их точно не заинтересует.

В старых легендах смельчаки расплачивались плотью и кровью, будущим и прошлым, мечтами и страхами и тем, что ценили больше всего, хотя сами о том не ведали.

Принц упрямо поджимает губы и кивает:

— Я готов на любую жертву.

Вот и они все были готовы, кричали, что им нечего терять, однако...

— А я — нет.

Наглая ложь, но она позволяет мне двинуться прочь.

— Зачем тогда согласилась помогать? — окликает Принц, благо хоть следом не бросается. — Зачем искала знаки? Полезла под землю?

Не оборачиваться и не отвечать. Он мне не нужен. Он меня задержит.

— Это... она тебя послала? Велела проследить? Убедиться, что я ничего не найду? — Я ухожу все дальше, и Принц снова срывается на крик: — Я разберу тут все по камешку! Буду рыть землю голыми руками, пока не докопаюсь до костей ее предков. Так и передай этой твари! Я все равно придумаю, как ее уничтожить.

Ноги будто врастают в разломанные каменные плиты. Я пытаюсь сделать следующий шаг, но только дергаюсь и замираю.

«Всякий может в беде оказаться... лучше б спросили, чем помочь...»

Мои слова, не чужие. Рожденные памятью пастыря. И три года назад я бы без раздумий осталась с Принцем, была бы ему верным другом, крепким плечом. Стала бы его глазами. Три года назад у меня было не было выбора.

Чистый свет не терпит чужой боли и чужого одиночества.

Но смерть и слияние с тьмой освободили меня от многоного, в том числе от стремления беззаветно служить нуждающимся. И все же окончательно заглушить голос маленького пастыря в моей голове им не удалось.

Я не могу бросить Принца в неведении. Я должна его успокоить.

— У нас с тобой одна цель, — признаюсь я, обернувшись.

Принц стоит у ворот. Лунного света недостаточно, чтобы разглядеть его лицо, но я вижу гордо расправленные плечи и сжатые руки — одна на шкатулке, другая на кривой палке, уткнувшейся в землю у его ног. Несмотря на слепоту, он не выглядит слабым и отчаявшимся. Думаю, даже лишившись заодно слуха и голоса, он бы все равно рвался в бой и ни на волосок не опустил вскинутый в немом вызове подбородок.

— Королева падет, — обещаю я, — пусть и не от твоей руки.

Принц молчит, а потом направляется ко мне. И я только теперь замечаю, что Кайо все это время оставался рядом с ним.

Наглая птица.

— Если так, я тебе нужен.

— Как-то неубедительно. — Я качаю головой.

— Нужен-нужен, — повторяет Принц, стремительно приближаясь. — Я знаю Олвитан. Знаю все подступы к дворцу. Знаю привычки королевской стражи. И наконец, знаю Королеву.

Уж вряд ли лучше меня.

— Я разберусь... — начинаю я, но он перебивает:

— А самое главное — без меня ты не выберешься с острова Отверженных. Да, ты наверняка сможешь нанять здесь какое-нибудь суденышко, чтобы добраться до острова, но ждать тебя у опасных берегов не станет даже самый отъявленный сброд.

Мы снова стоим лицом к лицу. И от Принца снова пахнет хвойным лесом и догорающим костром. Я бы хотела отстраниться, но тело не слушается. Рука не-

вольно тянется к животу, и старый шрам, ощутимый даже сквозь рубаху, пульсирует под пальцами.

Он заживал долго и некрасиво, и по сей день, когда идет дождь, мне кажется, будто незнакомый светловолосый юноша проворачивает кинжал у меня в кишках.

— До Олвитана оттуда тысяча тысяч морских саженей по воде или над водой. Так что давай, оставь меня здесь, если твоих ведьмовских сил хватит, чтобы отрастить жабры или крылья.

— У тебя на острове припрятан корабль? — бормочу я.

Принц нахально улыбается:

— Боюсь, ты об этом никогда не узнаешь. Но ты иди, иди. Счастливого пути. Если хочешь, завтра заскочу в гавань и помашу тебе вслед платочком.

Кайо опускается ему на плечо почти бесшумно, но ощутимо — Принц бы точно завалился набок, если бы опирался на свою импровизированную трость.

Кажется, кое-кто уже все решил.

Предатель.

— Ах, да, пока ты не ушла. Еще кое-что. — В ночи сверкает белоснежная улыбка его высочества. — Я знаю, где можно переночевать, набить брюхо и составить план.

Глава 6

На краю

Когда я воскресла, солнце клонилось к закату, а башня догорала и выпускала из окон черный прогорклый дым.

На моей окровавленной груди распластался Кайо. Он стал меньше раза в три и едва дышал. Тогда я не понимала, что именно он вернул меня к жизни, отдав часть себя. Но знала: по какой-то причине убийца не бросил меня в огне, рядом с матерью, а вытащил на улицу и оставил у зарослей шиповника.

На покрывале из опавших розовых лепестков.

До места предполагаемого ночлега мы добираемся не меньше часа, и за это время Принц, к которому вернулось благостное расположение духа, успевает порядком меня достать.

Нет, он не спрашивает, чем ты насолила именно мне, прекрасно понимая, что повод для мести найдется практически у любого ирманца. Конечно, когда ты получила власть, другие королевства тоже хоть по верхам, да зацепило, но только ирманский правящий род был выкорчеван с корнем. И только сюда ты прислала Экзарха¹, объявив наши земли собственностю Олвитана.

Говорят, Экзарх этот, насквозь пропитанный твоим ядом и преданный тебе телом и сердцем, никогда не сидит на месте. Он колесит по Ирмании, напоминая простому люду, кому те обязаны солнцем над головой, пшеницей в полях и кровью в жилах, — и порой демонстрирует, как легко всего этого лишиться. Он прославляет имя твое, а за спиной его колышется черное море твоей армии.

За месяцы странствий я с Экзархом ни разу не столкнулась, но видела влияние его поступков в потускневших глазах хозяев, у которых останавливалась на постой, и слышала отголоски его проповедей в звенящей тишине, окутавшей города. И только у самой столицы картина изменилась — возможно, Экзарх сюда давно не наведывался, а может, ты сама отозвала своего верного пса, решив, что достаточно усмирила толпу.

В общем, в моих мотивах Принц не сомневается и вопросов не задает. Он просто... говорит.

¹ Экзарх (*греч. ἔξαρχος* — «зачинатель», «начальник хора», «руководитель, глава») — изначально руководитель хора в Древней Греции. Позднее — титул руководителя, в частности верховного жреца в Древнем Риме (понтифика) и верховного правителя крупной провинции в ранней Византии. В православии и католицизме экзарх — сан главы отдельного церковного округа.

Много говорит.

О погоде: прибрежные города такие холодные, ночью на улице не поспишь.

О странствиях: когда слепой уверяет, что именно в этом королевстве самые красивые женщины, все отчего-то смеются.

О вере: если собрать богов с обоих континентов в одной комнате, половина передерется, а другая — займется всякими непотребствами.

О музыке: в первую свою прогулку по Бронаку Принц попытался подпеть уличному скрипачу, за что тот кинул в него булкой.

О еде: булка была черствой, но вкусной.

Я уже сама готова чем-нибудь в него запустить, когда замечаю вдали мерцающий на фоне едва посветлевшего неба огонек. Свечу за мутным оконным стеклом, которое словно парит в пустоте.

— Нам туда, — подтверждает Принц и уверенно сворачивает на не замеченную мной тропу.

Как он понимает, куда идти? Как ориентируется в своем беспросветном мраке? И не свалится ли с утеса, если я не вмешаюсь?

Тропа действительно ведет к краю отвесной скалы, где и примостился крошечный и весьма неказистый при ближайшем рассмотрении домишко. Он буквально стоит на цыпочках у обрыва, даже чуть накренившись в сторону бездны, и раздумывает, а не сигануть ли вниз, на омываемые волнами камни.

Очевидно, пока жажда жизни побеждает.

За единственным окном и впрямь подрагивает пламя свечи, которое гаснет с первым ударом принцева кулака в дверь — уж не знаю, само ли или задумтое негостеприимным хозяином. Несколько

мгновений мы так и стоим, пытаясь расслышать шаги за приглушенным рокотом волн и стонами ветра, здесь, на краю, особенно заунывными. Но дом молчит.

Принц снова постукивает костяшками по рассохшемуся косяку. И снова. И снова. Я тянусь к нему, чтобы остановить. Ясно же, что нам не рады, — честно говоря, я бы и сама не обрадовалась и не спешила навстречу ночным визитерам. Но едва я дергаю Принца за рукав, как дверь распахивается и на пороге появляется хозяин.

Не знаю, кого я ожидала увидеть, но точно не щуплого мальчишку. Конечно, полумрак обманчив и я могу ошибаться, но возникший в проеме юнец вряд ли старше меня, а то и младше. Его коротко стриженную макушку будто окунули в лунный свет — такая она голубовато-белая, что едва ли не светится. На бледном скуластом лице виднеются какие-то темные полосы, точно кто грязными пальцами по щекам провел, а по-детски пухлые губы презрительно кривятся.

Он не похож на человека, которого подняли с постели, скорее на кого-то оторванного от крайне важного дела и поэтому раздраженного. Раскосые арьенские глаза так и мечут молнии.

— Меня твоими злобными взглядами не проймешь, — угадывает Принц настроение хозяина и, бесцеремонно отодвинув его в сторону, переступает порог.

Следом в дом влетает Кайо, и только потом, немного растерянно, захожу я. За спиной хлопает дверь, щелкает затвор, а после раздается еще один щелчок, словно пальцами, — и во всех углах довольно просторной комнаты вспыхивают свечи.

Убранство не поражает роскошью, но и ожидаемого запустения я не вижу. Все просто очень... не по-домашнему. Мы словно попали в чью-то мастерскую. В глаза сразу бросается длинный рабочий стол, заваленный отрезами ткани, углем и устрашающими изогнутыми инструментами. Вокруг есть и столики поменьше со стопками книг и горами свитков. Несколько стульев, продавленный тюфяк на полу, гобелен с выцветшим рисунком на стене и... все.

Сразу заметно, что Принц если и бывал здесь прежде, то давно и недолго. Он совершенно не ориентируется в пространстве, разом утрачивает всю свою ловкость и на с трудом нашупанный стул возле дальнего окна валится с грацией туго набитого мешка.

Кайо в свою очередь быстро находит неприметную полочку под самым потолком, явно какой-то пустующий алтарь, и по-хозяйски усаживается туда. А я так и мнусь в двух шагах от порога, не представляя, как себя вести.

Арьёнец задачу не облегчает.

Он не произносит ни слова, даже неприличного, и, вернувшись к столу, расправляет кусок ткани, придиричivo его разглядывает, а затем резко выводит угольком какую-то загогулину. Вопрос только, зачем ему уголь — пальцы арьёнца уже настолько черны, что он мог бы рисовать ими без всяких затруднений. Он чешет щеку — и я понимаю, откуда взялись полосы на лице. Бледно-желтая, слишком широкая для него туника с поясом и светло-коричневые штаны в тех же черных разводах.

Странно, что и лунные волосы углем не припоротило.

При свете также становится видно, что с «мальчишкой» я погорячилась. Передо мной невысокий, гибкий, как прут, и, безусловно, молодой, но все же мужчина. Слишком уж сурова складка меж его бровей, слишком серьезны желтые арьёnsкие глаза, которые он поднимает на меня после пяти минут напряженной тишины.

— Присядь, Ведьма, — говорит Принц, закидывая ногу на ногу. — Наш добрый хозяин сейчас закончит с кройкой и шитьем и подаст на стол.

Добрый хозяин фыркает и вновь утыкается в ткань, но по-прежнему не возражает ни единым словом.

Может, он немой?

Тогда представляю, сколь нелегко ему с таким знакомцем, как Принц, — приходится слушать его болтовню, не имея возможности ни ответить, ни позвать на помощь.

Я киваю, но не сажусь. Мне любопытно, что все-таки делает арьёнец. Да, на столе лежат ножницы и нитки, торчат из мягких подушечек разномастные иглы, но сомневаюсь, что все так просто и мы заглянули к портному.

Я шагаю к столу и тянусь к готовой с вида работе — ткань испещрена стежками и сложена вдвое.

— Можно?

Арьёнец предупреждающе вскидывает голову, смотрит на меня пару мгновений и молча опускает взгляд.

Что ж, это не прямое «да», но и возражений я не слышу, так что одним движением откидываю верхнюю половину ткани и, не сдержавшись, охаю.

Это карта. Карта Лостады. Самая прекрасная и самая подробная из тех, что я видела.

Разноцветные лоскуты причудливых форм, умелой рукой пришитые к полотнищу, образуют города и горы, сливаются в реки и озера, сплетаются в лесные тропы. Здесь есть даже крошечные корабли с натянутыми парусами и силуэты зверья и птиц — очевидно, местной живности.

Пальцы чешутся прикоснуться к каждой детали, но я вспоминаю, как ползала по земле и под землей, и не решаюсь. Зато аккуратно, за уголок, разворачиваю еще одну работу арьёнца. На сей раз карту Ирмании.

— Невероятно, — шепчу я, во все глаза уставившись на маленькую черную башню, приютившуюся в сердце Кронбрежского леса.

Нашу башню в нашем лесу.

Объемную, с прозрачными окнами и распахнутой дверью. Окруженную стаей воронья.

— Что там? — оживляется Принц, и я, вздрогнув, быстро складываю карты.

— Ничего.

Затем поднимаю глаза и натыкаюсь на еще один испытующий взгляд арьёнца.

От него явно не укрылась ни моя реакция на башню, ни дальнейший испуг, но хоть как-то высказаться по этому поводу он не спешит.

— Можно где-нибудь умыться? — бормочу я и, когда хозяин кивает на дверь, стрелой вылетаю на улицу.

Горизонт светлеет.

За углом, под деревянным навесом, действительно обнаруживается вкопанная в землю скамья с мылом и черпаками и бочка, полная воды. Скорее всего, дождевой. Не таскает же он на этот утес ведра.

Вода ледяная, мыло воняет псиной, но я долго и усердно тру руки и лицо, пока кожа не начинает скрипеть. Достаю из кармана платок и обтираю шею.

Шаги Принца слышу сразу, но не поворачиваюсь, пока он не просит:

— Польешь?

И пока я помогаю и ему хоть как-то привести себя в порядок, в голове бьется единственная мысль:

— Я даже не поздоровалась.

— Поверь, Волку плевать, — безмятежно отзыается Принц.

— Волку?

— Может, тебе он представится по всем правилам, но я с первого дня зову его Морским Волком.

— Полагаю, вы встретились на корабле? — улыбаюсь я.

— Он *украл* корабль и вывез нас из Олвитана.

— И ты рассказал мне о друге-кролике, о друге, бросившем тебя без штанов, но не о друге-храбром-покорителе-морей?

— Мы не друзья.

Принц отвечает не сразу. И голос его звучит странно, глухо. Решив, что задела болезненную тему, я уже собираюсь извиниться, но тут перевожу взгляд на его намыленные руки. И проглатываю слова.

Он закатал рукава, и я даже не заметила, как начала придерживать его за оголенное запястье. Непроизвольно, слегка, как держала бы под струей воды какой-нибудь плод. А теперь, похоже, точно так же непроизвольно поглаживаю широкие мозолистые ладони, помогая смыть с них грязь.

Пальцы у Принца длинные, темные даже под слоем сероватой пены. Мои на этом фоне кажутся совсем

белыми. Пару мгновений я завороженно слежу за собственными движениями, как за диковинным танцем, и наконец отшатываюсь, опрокинув ему на руки остаток воды.

Черпак со звоном падает на скамью.

— Спасибо, — все так же глухо говорит Принц.

— Не за что.

Арьёнец за это время и впрямь успел достать кое-какую снедь. Вяленое мясо, ароматный хлеб, миски с дымящейся кашей — понятия не имею, как он ее приготовил, печи в доме нет. Ткани и инструменты он просто сдвинул в сторону (благо стол немаленький) и снова корпит над ними, явно не намереваясь присоединяться к трапезе.

Я не голодна, но от угощения не отказываюсь — неизвестно, когда в следующий раз удастся поесть горячего. Принц, мечтавший «набить брюхо», тоже не выглядит особо довольным, вяло ковыряется в каше и все больше хмурится.

— Мне нужно спрятать птицу, — говорю я через несколько минут неловкого молчания. И когда Волк поднимает на меня недоумевающий взгляд, поясняю: — Почти рассвело, а он не переносит света.

Кайо, уже задремавший на своем насесте, раздраженно ворчит — не хочет в темный чулан, а тем паче в мешок. Я же кошусь на Принца, но вряд ли он меня вообще слушает — будь у него глаза, уверена, сейчас бы они отрешенно пялились в пустоту.

Волк почти не раздумывает и все так же без слов выходит на улицу. Кажется, наглость незваных гостей

исчерпала его терпение. Я резво поднимаюсь, не желаю оставаться в уязвимом положении, когда хозяин вернется с топором. Но вместо этого с громким стуком и лязгом металлических засовов закрываются ставни. Сначала с одной, потом с другой стороны дома.

Комната снова погружается в полумрак, разгоняемый только трепещущим пламенем свечей.

Кстати, о свечах, что вспыхивают по щелчку. И о горячей каше...

— Он огневик? — спрашиваю я.

— Ага. — Принц наконец отодвигает почти не тронутую еду. — Для нас мир в огне всего три года, а для него всю жизнь.

Я передергиваю плечами. Кому-кому, а огневикам вряд ли завидуют даже обделенные чары. Насколько этот дар редкий, настолько же и ужасный. Получается, арьёнский Волк действительно все вокруг видит в языках пламени и может привносить их в реальный мир.

Даже с закрытыми глазами он никогда не познает темноты.

Они с Принцем словно сидят по разные стороны одного стола.

— Огневик, которого тянет к морю, — бормочу я.

Иронично. Ведь если корабль Волк украл из необходимости, то поселился над бушующими водами явно по собственной воле. Теперь мне кажется, что он и сам похож на этот дом, зависший на краю утеса, и точно так же не может решиться сделать шаг.

— Зато чары в его груди не гаснут, — пожимает плечами Принц, — и я всегда его вижу. Всегда могу найти.

— И ворваться к нему домой, как к себе, хоть вы и не друзья.

— С тобой мы тоже не друзья, но спать сегодня будем на одном топчане. — Он наконец поворачивает ко мне голову и широко улыбается. — Как видишь, дружбу переоценивают.

После чего встает и, пока я ошелело моргаю и пытаюсь подобрать слова, скрывается за выцветшим gobelenом. Оказывается, комната здесь все же не одна.

Глава 7

Тяжесть камня

Слух о принцессе, томящейся в башне, ты запустила сама. В те дни матушка еще не запирала тебя наверху, полагая, что в гибкий лес никто в здравом уме не сунется, а ходу за его пределы тебе не было.

И все же ты ухитрилась отыскать двух запутавших путников. И одного даже оставила в живых, иначе кто бы сложил о тебе первую песнь?

Второй же пал жертвой чудовища, ведьмовского стража, змея с пятью головами. Его ты тоже создала сама, вложив в жуткое тело всю свою ярость, всю ненависть, иначе рассказ чудом уцелевшего странствующего рыцаря не был бы столь впечатляющим.

Выспаться не удается, и не только потому, что я оставляю без внимания как приглашение Принца, так

и дозволение хозяина устроиться на его тюфяке, и пытаюсь прикорнуть прямо на стуле. Мне попросту неуютно в этом доме. И волны бьются внизу все громче, будто пытаются раскачать скалу и наконец поймать хлипкую хибару в свои объятия; и ветер все отчаяннее свистит меж ставнями, недовольный тем, что от него отгородились.

Спокойствие Волка тоже не утешает — судя по всему, он давно готов кануть в бездну и не дрогнет, даже если у дома сорвет крышу и половину стен. Во сне он, похоже, и вовсе не нуждается и по-прежнему трудится над очередной картой. Картой Олвитана. Причем Олвитана нынешнего, со всеми черными пятнами там, куда ступала твоя нога.

В итоге к полудню я уже нетерпеливо мнусь у порога; на одном моем плече мешок с ворчащим Кайо, на другом — со всякой снедью, щедро выданной хозяином. Невыспавшийся и хмурый Принц с отпечатавшимся на щеках диковинным узором слишком медленно доедает утреннюю кашу, отчего я раздражаюсь все сильнее. В какой-то момент даже тянусь к двери, готовая бросить его тут, и пусть хоть до вечера трапезничает, но, словно учуяв мой настрой, Принц таки опускает ложку и вскакивает.

— Не прощаюсь? — с вопросительными нотками произносит он, на что арьёнец только хмыкает да машет рукой, мол, идите уже.

И мы уходим, так и не услышав его голоса. И разумеется, не составив никакого плана, хотя вроде в том и был смысл ночевки под чужой крышей.

— Нам нужно в город, — говорит Принц, едва мы удаляемся от обрыва на полверсты. — Порт, конечно, уже не так оживлен, как прежде, но я слышал стук

топоров и визг пил. Корабли строят и спускают на воду. Какие-то из них, конечно, повезут прямиком в Олвитан дары для Королевы, но другие, уверен, только до острова и ходят.

Я молчу, ибо он прав. Как минимум половина здешних судов непременно наведывается к отверженным, потому что, как бы их ни боялись, от столь сильных чар трудно отказаться. Как и от растущих на острове редких трав и чудодейственных корешков. Однако все смельчаки прекрасно знают, куда или к кому плывут, и действительно не задерживаются надолго у опасных берегов — быстро справляются с задачей и уносят ноги. Говорят, сами воды вокруг острова так и норовят убить всех и каждого, поэтому, даже пожелай какой-нибудь корабль нас дождаться, у него может попросту не получиться. Ведь мы понятия не имеем, что ищем и как долго будем бродить по землям проклятых.

Да, если Принц не соврал и знает иной способ выбраться с острова, нам хватит и билета в один конец. Вот только учитывая, что «нам» — это безглазому олвитанцу и запыленному бродяге неопределенного пола с птицей в мешке... даже на такой билет я расчитываю мало.

Хотя Принц сегодня выглядит поприличнее. Отмыт, причесан. Одежда на нем все та же ветхая, но на вид даже опрятнее моей. А чистые волосы, стянутые в хвост, и вовсе похожи на твои. Так же сверкают золотом на солнце. Повязка по-прежнему пугает, но в общем и целом из нас двоих именно я теперь могу оказаться помехой.

Но самое главное, что меня просили не приводить олвитанца в город...

— Местные мне, конечно, не обрадуются, — продолжает он, предугадав вертевшуюся у меня на языке фразу. — Но как поймут, что я готов покинуть их гостеприимные берега, так сами все организуют, еще и пир прощальный закатят.

В последнем я сильно сомневаюсь, однако упывающий вдали чужак действительно может стать для Бронака приятным зрелищем — так почему бы не поспособствовать?

— Идем сразу в порт, — решают я. — Находим корабль и ждем отправления в ближайшем к гавани трактире. Никаких прогулок по городу и подлеваний уличным скрипачам.

— Так ты слушала? — улыбается Принц.

— Против своей воли.

— Может, ждать и не придется, — говорит он.

— Думаешь, мы настолько везучие? — Я даже приостанавливаюсь, пораженная его уверенностью.

— Ты — не знаю, а вот я... — Принц улыбается еще шире. — В конце концов, я получил свою ведьму и нужную подсказку. Значит, и корабль получу.

Я только головой качаю, вспоминая про кроличью лапку. Точно ведь где-то припрятал.

Насчет порта он не ошибся. Людей, шума и движения здесь больше, чем вчера было на рынке.

Очевидно, прибрежные города оживают именно с берегов.

Рабочие толкают груженые телеги от длинных приземистых бараков к причалу и обратно; покачиваются на воде рыбакские лодки, порой соприкасаясь

бортами; и пилы поют так громко, словно их тут тысячи. Миллионы. Как будто я сунула голову в пчелиный улей.

За час прогулки я насчитываю сразу три строящихся корабля, с десяток прибывших и пять готовых к отплытию.

Что они повезут тебе?

И тебе ли?

Хочется верить, что окрыленная твоим невниманием и послевоенным затишьем Ирмания наконец восстанавливает связи и с другими странами. Хочется, но в болтовне матросов я слышу только «Олвигтан», «Королева» и неизменный трепет, сковывающий их прокуренные и иссеченные морскими ветрами голоса.

На нас с Принцем глазеют. Без особой враждебности, но настороженно. Перешептываются, даже тычут пальцами, и только детям, построившим из пустых полуставивших бочек кособокий фрегат и играющим в пиратов, все равно. Пару раз с криком «На абордаж!» нас окружает гикающая ватага, но в конце концов старый моряк с седой комковатой бородой разгоняет ребятню, чтоб не мешала погрузке.

Я замечаю, как напоследок Принц с грустной улыбкой ерошит волосы рыжему вихрастому мальчишке.

Сколько ему было, когда ты лишила его зрения и юности? Что слепота Принца твоих рук дело, я ни капли не сомневаюсь.

— Что скажешь? — спрашивает он, когда мы отходим подальше от строящихся судов и шума инструментов.

— Грузятся. Думаю, пара покинет гавань уже завтра. Другие — в ближайшие дни.

— Превосходно. — Принц запрокидывает лицо к небу и с силой втягивает воздух. — Как же тут пахнет...

Ему явно нравится, а по мне, пахнет тут рыбой, немытыми телами и лишь слегка — соленой водой. А еще чайки кричат так жутко, будто пытаются о чем-то предупредить неразумных людей, но те только отмахиваются и сквернословят.

— Я пойду... поговорю с капитанами, — неуверенно предлагаю я, и Принц кивает.

— Оставь со мной птицу, Ведьма. Могут насторожиться, если увидят.

— Не увидят.

Я поправляю мешок на плече — Кайо сидит на удивление тихо, лишь иногда я чувствую тонкие уколы его когтей и клюва сквозь тройной слой ткани.

Принц молчит, а я никак не могу сделать шаг обратно к громадинам кораблей и погрузочной суматохе.

Что я могу предложить кому бы то ни было за проезд столь сомнительных пассажиров? Те несколько монет, которые обеспечили бы мне ночлег и пищу на ближайшую неделю, вряд ли заинтересуют капитанов. Как и обещания Принца осыпать благодетелей золотом из королевской казны Олвитана — за них мы получим в лучшем случае порцию насмешек.

Зря мы не составили план. Зря не обсудили возможность пробраться на корабль тайком. Или отрабатывать дорогу матросским трудом. Имею ли я право предложить такую оплату за нас обоих?

— Выбирай кого-нибудь понеказистей, — советует меж тем Принц. — Не люблю конкуренции.

Я закатываю глаза, но узел в груди ослабевает, и улыбка на лице появляется сама собой. Он знает, как отвлечь от глупых мыслей.

— Думаю, выбирать будут нас, а не наоборот. Но твои пожелания я учути.

Да, я просто спрошу, как и собиралась поступить, когда была одна. В конце концов, до острова плыть дня три, не больше, против почти двух недель пути до Олвитана. Мы даже примелькаться не успеем, как уже сойдем на берег.

И мне не впервой ломиться вперед без всякого плана, с одной лишь конечной целью — добраться до тебя.

Преисполнившись решимости, я уже готова не идти — бежать к кораблям, когда Принц рядом напрягается, поворачивает голову и говорит с кривой ухмылкой:

— Ну привет, здоровяк.

Я смотрю туда же, куда и он. В паре шагов от нас, скрестив руки на груди, стоит хмурый Охотник и сверлит нас нечитаемым взглядом.

Похоже, он зол, и разозлила его именно я. На секунду хочется оправдаться, объяснить, что я не приводила Принца в город, что мы в порту и как раз собираемся покинуть Бронак. Но Охотник подает голос первым, немало меня озадачив:

— Идемте. У капитана всего несколько минут.

— У капитана? — Я перевожу взгляд с него на Принца, но тот лишь хмурится, тоже ничего не понимая.

— Вы же ищете корабль?

— Да, но...

— Значит, не стойте как примороженные.

И Охотник устремляется к причалу, больше не оглядываясь и будто даже не сомневаясь, что мы последуем за ним.

Да мы и следуем. Принц — неохотно, с сомнением, но молча. А я — бегом, обгоняя и в последний момент

поворачиваясь спиной вперед, чтобы посмотреть в изуродованное шрамом лицо, когда спрашиваю:

— Как ты узнал? Это все старики, да?

Иного объяснения, кроме прозорливости утративших способности ведунов, я не нахожу. Еще когда Искра рассказала об их умении читать в чужих голосах, я подумала о древней крови, сильной и могущественной, которая со временем разбавилась и теперь проявляется в потомках лишь случайными всплесками и нежданными озарениями.

Вот и сидят сморщеные необученные провидцы в таверне да подбирают путникам провожатых. Так почему бы не помочь и нам покинуть Бронак на всегда?

Охотник косит на меня уцелевшим глазом, кивает, но вслух говорит нечто неоднозначное:

— Вроде того.

Я разворачиваюсь — на резкое движение Кайо отвечает вскриком и болезненным уколом под лопатку — и дальше иду рядом с Принцем.

Как ни странно, его наш короткий диалог успокаивает, а вот мне с каждым мгновением все тревожнее.

Искру вижу издалека: она стоит на прогибающихся и потемневших от воды досках пристани, рыжая коса сверкает на солнце; за спиной раззвевается поношенный, но добротный плащ, выделяя ее фигуру из снующей туда-сюда массы потрепанной матросни. Рядом мельтешит невысокий крепыш в огромной шляпе, которая делает его похожим на оживший гриб.

Широкие поля отбрасывают тень, почти полностью скрывая его лицо, но, судя по подергиванию длинной,

сплетенной в множество жгутов бороды, он что-то говорит. Быстро говорит. И руками машет для убедительности.

Искра слушает, улыбается чуточку снисходительно и выразительно поглядывает на нас, словно приказывает поторопиться.

Охотник ускоряет шаг, а вместе с ним и мы.

Я чувствую себя телком на веревке, и хочется воспротивиться, просто чтобы принять хоть какое-то решение, но любопытство берет верх.

А еще — облегчение.

Возможно, благодаря старикам из таверны, Охотнику, Искре или кому угодно еще мы и впрямь завтра выйдем в море.

Надежда испаряется, стоит приблизиться к, очевидно, капитану. Он едва кидает на нас взгляд из-под полей и начинает махать руками еще сильнее, что-то быстро-быстро выговаривая на певучем языке Лейдфара. Затем, похоже, замечает наши недоумевающие лица и выплевывает короткое:

— Этих не возьму!

У него сильный акцент, но отказ вполне однозначен.

— Ты обещал. — Искра поджимает губы.

— Двух пассажиров обещал, — тараторит капитан. — Без проблем, говорила. Хорошие пассажиры, говорила. Эти — не хорошие. Зачем мне, а? Зачем такие? Один... — Он обводит застывшего Принца широким жестом и поворачивается ко мне. — Второй вообще... баба.

Искра моргает, косится на меня, хмурится так, что мне становится стыдно за невольный обман, но борьбу не прекращает.

— Я тоже баба.

— Ты — звезда путеводная. — Лейдфарец пылко стискивает ее ладонь. — А эта камнем ко дну потащит, знаю я. Мысли тяжелые, душа тяжелая, друг вон какой. Нет, нет, нет. Не возьму!

Борода его неистово трястется, жгуты пляшут по груди как живые, а голос становится все громче, так что на нас начинают оглядываться спешащие мимо моряки.

Я молчу — просто чувствую, что любое слово взбудоражит капитана еще сильнее. И тихо радуюсь, что Принцу тоже хватает ума и выдержки не открывать рот. К тому же капитан прав насчет тяжелых мыслей и души, хотя про «камнем ко дну потащит» — немного обидно.

— За тобой долг, — внезапно вступает в разговор Охотник, и лейдфарец заметно вздрагивает.

— Долг, долг, прося другую оплату. Золотом отдам, кровью и потом, вас обоих по всему свету прокачу, но этих... Не возьму!

Теперь это не просто обидно, а уже оскорбительно. Да он меня впервые видит, откуда такое неприятие?!

— Со мной возьмешь? — раздается новый голос, и мы дружно поворачиваемся на звук.

Волк стоит на краю причала, сунув руки в карманы, задрав голову и разглядывая витиеватые буквы на отполированном волнами боку корабля — в нашу сторону он даже не смотрит. Лунные волосы искрятся в солнечных лучах, а тонкая гибкая фигура вне давящих стен дома на обрыве кажется совсем воздушной и невесомой.

Я не знаю, почему удивляться больше: тому, что он явился сюда, тому, что заговорил, или его нелепому предложению. Как третий сомнительный пассажир может улучшить ситуацию?

Капитан фыркает, очевидно, задаваясь тем же вопросом, но озвучить его не успевает. Волк наконец поворачивается к нам, вскидывает руку — и по его коже пробегает сначала одна огненная волна, затем другая, а потом рука занимается алым пламенем от кончиков пальцев до локтя.

Секунда, две...

Волк встряхивает ладонью — и огонь гаснет без следа.

— Клятву дашь, — тут же выпаливает капитан, едва не приплясывая от возбуждения.

— Дам.

— До самого Олвитана!

Волк прищуривается, но кивает:

— Хорошо.

— Снимаемся на закате. И за этими сам следи!

Еще один кивок.

Лейдфарец довольно хлопает в ладоши, затем еще раз смотрит на всех нас по очереди, взмахивает руками и бежит прочь, на ходу выкрикивая приказы куда-то в небеса. Я только теперь понимаю, что все это время за нами наблюдали еще и сверху. Головы любопытных матросов покачиваются над фальшбортом, но быстро исчезают, когда капитан начинает вопить.

— Огненный защитник, — хмыкает Искра, обходя Волка по кругу. — С таким вас бы и без нашей помощи на любой борт взяли.

— Мы о помощи не просили, — замечает Принц, за что получает от меня локтем в бок. — Ну что?

— Вы — не просили, — ничуть не обижается Искра. И я не решаюсь уточнить подробности.

Мне непонятно ее беспрекословное подчинение воле стариков, но это и не мое дело. Не мой город. Не мой путь.

У меня другой, и эти люди только что помогли мне ступить на очередной его отрезок, так зачем все портить ненужными вопросами?

Вместо этого я обращаюсь к Волку:

— А где твой корабль? Ну тот, на котором вы приплыли... оттуда.

Он загадочно улыбается и молчит, словно и не произнес только что целых пять слов.

Зато Принц смеется:

— Он его сжег!

Я с тоской гляжу на корабль лейдфарца, грандиозный и прекрасный трехмачтовик с пока еще опущенными парусами, и начинаю сомневаться, что огневик на борту — хорошая затея.

Глава 8

Предназначение

Последний год перед «спасением» ты не покидала башню, однако откуда-то знала обо всем, что творится за ее пределами.

— Короли Лейдфара и Трогмерета поженили младших детей, но те ненавидят друг друга, и вскоре прольется кровь, — рассказывала ты матушке, приносившей тебе обед.

— Баматийские шаманки научились поднимать мертвых, — кричала ты с балкона, опасно перегнувшись через перила.

— Закатное море вздыбило шерсть и слизнуло с арьёнских берегов десять деревень, — шептала ты в ночь, и я просыпалась от твоих ледяных прикосновений и судорожно оглядывалась.

Жуткие слова всё еще шелестели в ушах, на коже быстро проступали темные следы от длинных тонких пальцев, но рядом никого не было.

Благодаря тебе я никогда не верила в надежность замков и обережных чар.

Поглазеть на арьёнского огневика, дающего клятву верности, собирается вся команда, да и на пришвартованных поблизости кораблях народ неистово тянет шеи.

Я оказываюсь в первых рядах, хотя предпочла бы сразу забиться в самый дальний угол и не высываться, пока на горизонте не появится остров Отверженных. Но Принцу нравится смотреть на любые чары, ведь только их он и видит, а я не решаюсь бросить его одного.

Искра и Охотник благоразумно держатся в стороне, впрочем, само их присутствие на борту меня озадачивает. Отчего-то я решила, что с согласием капитана их миссия завершилась, но, похоже, бронакские наемники собираются в плавание вместе с нами.

Конечно, у них может быть своя цель, и все же меня тревожит, что мой одинокий поход каким-то образом оброс вольными или невольными попутчиками. И если с компанией Принца я уже смирилась, а без Волка нам бы пришлось бороздить моря на самодельном плоту, то Искра и Охотник — это совсем другое дело.

Я ничего о них не знаю. Не понимаю их мотивов. И что самое важное — не готова вести тебе на убой лишних жертв. Так что пусть плывут хоть на остров, хоть в Олвитан, но увязаться за собой я не позволю, что бы там им ни наболтали всевидящие старцы.

Задумавшись, я почти пропускаю представление, но в последний миг, привлеченная яркой вспышкой, все же смотрю на Волка.

Он горит.

Лишь один удар сердца, но весь, с головы до пят. Затем пламя гигантским змеем устремляется ввысь, изгибается и, перекинувшись на капитана, заглатывает уже его. Матросы дружно охают, но благо всем хватает ума оставаться на местах.

Капитан не издает ни звука, терпеливо дожидаясь, когда огонь впитается под кожу, не оставив ни ожогов, ни подпалин на одежде и палубных досках. И вот уже невредимый лейдфарец как ни в чем не бывало пожимает руку невозмутимому Волку, и они молча расходятся в разные стороны.

Команде до подобной сдержанности далеко.

Гвалт поднимается невообразимый. Всем не терпится обсудить увиденное, и даже меня, словно забывшись, пихает в бок невысокий крепкий матрос:

— Ух, с такой-то защитой нам никакая глубинная тварь не страшна! — Дочерна загорелое лицо от улыбки покрывается множеством морщин, а я стою столбом, не в силах отвести глаза от этой неприкрытой искренней радости, чем, кажется, немало его смущаю.

— Ну, то есть... ага, — бормочет матрос, осознав, с кем поделился счастьем, и быстро растворяется в толпе.

Принц хмыкает, толкая меня в другой бок:

— Умеешь ты лишить мужика дара речи. — Затем тяжело вздыхает. — Знавал я как-то похожую девицу...

— Время для еще одной душераздирающей истории о дружбе? — перебиваю я.

— Почему о дружбе? Почти о любви.

— Почти?

— Мне было четыре, да и продлилось наше знакомство не более получаса, так что проверить чувства мы не успели.

— Иным древним развалинам далеко до твоего жизненного опыта, высочество.

Принц смеется, а я оглядываюсь, пытаясь решить, где лучше переждать предотъездную суету.

Несмотря на подарок в виде личного огневика, капитан не воспыпал к нам нежными чувствами и даже показного радушия не проявил. Сообщил только, что спать нам предстоит в гамаках вместе с командой, есть что дадут и не путаться под ногами. И с тех пор демонстративно не обращал на нас внимания, будто взял на борт только троих, а не пятерых.

Меня, впрочем, такой расклад вполне устраивает. Разве что найти укромное место для Кайо без посторонней помощи будет проблематично...

— Уже швартовы снимают, — раздается рядом голос Охотника, и я вздрагиваю. — Лучше спуститься в трюм, чтобы... не мешать.

Он выразительно смотрит на мой подвижный мешок, а я — на раскаленный шар солнца, лишь самым краешком окунувшийся в воду. И пусть мне не по нраву навязчивая опека Охотника, действительно лучше переждать последний светлый час внизу и не раздражать окружающих.

Я послушно иду за ним и тащу за собой Принца, радуясь его странной реакции на мои прикосновения. Стоит взять его за руку, как он становится серьезным и молчаливым — наверное, это и правда какая-то скрытая способность лишать мужчин дара речи, хотя раньше я за собой ничего такого не замечала.

Вокруг суетятся матросы, возятся с непонятными мне веревками и тягают какие-то ящики, и я знаю, что в команде всего человек двадцать, но из-за их неспособности стоять на одном месте кажется, что

на борту собралась вся столица. Искра сидит на планшире¹ левого борта и провожает нас хмурым взглядом, а Волка нигде не видно, однако о нем я беспокоюсь меньше всего.

Вот уж кто здесь желанный гость. И еще один нежданный попутчик с неясными мотивами — хотя поблагодарить его за помошь все же стоит.

В трюме сумрачно и прохладно. С одной стороны высится накрытый зачарованной тканью груз, с другой — покачивается несколько гамаков, то ли для сторожей, то ли для нелюбителей спать под открытым небом и тех, кому не хватило места на нижней палубе и под шканцами². Балки пересекают пространство под непредсказуемыми углами, и я не в силах даже предположить, кто и для чего это придумал.

Я словно стою в чреве морского дракона, окруженнаго деревянными ребрами и тем, чем он поживился накануне, но отчего-то совсем не чувствую страха.

— На чары не поскупились. — Принц кивает на крикобокую машину груза, перетянутую ремнями. — Что же такое они везут?

— Королевскую дань, — сухо отзыается Охотник. — Иного к берегам Олвитана и не подпустят.

Обсуждать это никому не хочется, и мы, не сговариваясь, расходимся по углам. Принц на ощупь устра-

¹ Плánширь (или плáншир) (от англ. plank-sheer) — горизонтальный деревянный брус или стальной профиль (стальной профиль может быть обрамлен деревянным бруском) в верхней части фальшборта или борта шлюпок и беспалубных небольших судов.

² Шканцы (нидерл. schans) — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень выше шкафута, где обычно находился капитан, а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры, и где устанавливали компасы.

ивается в гамаке и закидывает руки за голову; я, опустившись на пол у стены, развязываю мешок; Охотник прислоняется к лестнице.

Кайо взлетает и усаживается на перекрестье балок под потолком, и где-то вдалеке звонят портовые колокола, а доски вокруг нас начинают дрожать.

Морской дракон просыпается, трясет шипастой головой и, оттолкнувшись от пристани, лениво уплывает в закат.

Ночь в открытом море пугает и завораживает.

Куда ни глянь — всюду только темная и на вид густая, как смола, вода и ни единого клочка суши, отчего я чувствую себя как никогда беззащитной и лишенной опоры. Но вместе с тем сердце восторженно замирает от этих просторов, от россыпи мерцающих над головой звезд и их чуть потускневших отражений, льнущих к бокам корабля и исчезающих в кильватере¹.

Ночь в открытом море — время для страшных баек.

Принц, успевший за вечер подружиться с парочкой матросов и проиграть им три — моих — монеты в kosti, с удовольствием эти байки травит и слушает. Я в стороне любуюсь утонувшей в море луной, но то и дело слышу намеренно заниженные голоса, редкие вскрики и приглушенный смех.

Когда раздаются шаги, я жду Охотника — все это время он следовал за мной мрачной тенью, — но рядом останавливается Искра.

¹ Кильватер — волновая струя, остающаяся позади идущего судна.

Без плаща, в свободной рубахе навыпуск и с растрепавшейся косой она кажется совсем юной и непривычно женственной. И только стальная решимость во взгляде не дает обмануться.

— Он не отступится, — говорит Искра и умолкает, словно эти три слова должны что-то для меня прояснить.

Я понимаю только, что речь об Охотнике, но не более.

— От чего?

— От предначертанного.

— И это?.. — Я поднимаю бровь, надеясь, что она продолжит мысль, но Искра на миг прикрывает глаза и внезапно спрашивает о другом:

— Ты знала, что он был королевским лесничим?

— Откуда ж мне такое знать.

— А ты поинтересуйся. Расспроси... тебе он не откажет.

— Почему?

На сей раз она и вовсе не отвечает и, похоже, собирается уходить.

— Зачем ты здесь? — выпаливаю я, с трудом удержавшись и не схватив ее за руку. — С нами. На корабле. На пути в Олвитан.

Искра замирает и улыбается, но безмерно грустно:

— Чтобы попытаться его спасти.

— От предначертанного, от которого он не отступится?

— Видишь, какая ты умная.

Неправда, не умная. Потому что не понимаю, какая сила может заставить взрослого и много повидавшего мужчину настолько уверовать в некое предназначение, что он слепо пойдет за незнакомой девочонкой.

И что ему там напророчили? Помочь мне спратьться с тобой? Или помешать?

Что, если этой же ночью Охотник перережет мне глотку, потому что «так предназначено»?

— Мы сами творим свою судьбу, — произношу я вслух страшную банальность. — Предназначение лишь соломинка для трюсов, чтобы ничего не делать и не бороться, ведь все уже решено.

Искра вспыхивает так, что даже в ночном полу-мраке я вижу ее алеющие щеки.

— Не тебе рассуждать о трусости, девочка, что прячет тьму в мешке. А что касается судьбы... Ты еще не явилась в Бронак, а кто-то уже знал, что вскоре нам с тобой стоять на палубе лейдфарского корыта и вести этот разговор. Все еще думаешь, будто что-то решаешь?

— Разумеется. — Я отворачиваюсь и снова смотрю на танец звезд в густой воде. — Не знай ты о предна-чертанном, не помогла бы ему свершиться. Я выбираю не знать и не помогать словам провидцев воплощаться в жизнь.

Искра в ответ не то ворчит, не то рычит, но я не огля-дываюсь. Вскоре ее ритмичные от ярости шаги рас-творяются в шорохе волн, и я снова остаюсь одна.

По крайней мере, я так думаю, пока слева не раз-дается тихий чарующий голос:

— Для ирманцев предсказанное свято.

Вздрогнув, я кошусь на Волка.

— Вы составили расписание? Теперь будете подхо-дить ко мне по очереди?

— Где другой, услышав о скорой смерти, испугается и начнет шарагаться от собственной тени, — продол-жает тот как ни в чем не бывало, — ирманец сделает

все, чтобы, как и предписано, отправиться на костры богов.

Я знаю.

В конце концов, я сама ирманка, хоть и выросла в лесной глухи.

Беда в том, что ты тоже знаешь об этом слепом поклонении ведунам и, получив власть, наводнила лжепророками все семь королевств. На всякий случай.

Поэтому я давно не верю, что среди них можно отыскать истинных — разве что таких, как старики из таверны, способных только на мимолетные проблески.

— Матушка говорила, что сила ведунов давно выродилась. Что великих предсказаний не звучало веками, а прочие были такими пустыми и размытыми, что исполнялись лишь благодаря воображению и страениям самих людей. — Я смотрю на Волка, волосы его забавно топорщатся и будто тянутся вверх, к луне, так похожей с ними цветом. — Я не желаю воплощать чьи-то нелепые выдумки.

— Ты не поняла? — Он поворачивает ко мне бледное лицо и улыбается одними уголками губ — желтые глаза остаются серьезны. — Она тоже не желает. Один идет умирать, другая — его спасать, третья — убивать, а четвертый — воевать. Веселая у вас компания.

Я не спрашиваю, откуда он знает, хотя первый порыв именно такой. Просто вспоминаю, что Волку подчиняется огонь. Тот самый, что горит в каждом очаге, в каменном круге каждого лесного лагеря, на кончике фитиля каждой свечи. Тот, что помогает делу пекаря, стеклодува или оружейника. Тот, что может рассказать обо всем.

Волк не видит ни прошлого, ни будущего, он лишь слушает огонь.

Так же, как ты слушаешь землю.

— А ты? Зачем идешь ты? — спрашиваю я вместо этого.

— Я? Я иду домой. — Волк снова отворачивается и, запрокинув голову, шумно втягивает морской воздух. В этот миг он наконец похож на живого человека, а не на эфемерное создание из сказок. А потом вдруг фыркает и становится совсем уж земным. — Ты ведь прочла название корабля?

— Я не знаю лейдфарского.

— Он называется «Предназначение». Нас несет по волнам «Предназначение».

И таинственно-молчаливый лунный Волк заливисто смеется.

Глава 9

Из глубины

Когда ты впервые сбросила волосы с балкона, я испугалась.

Нет, я еще не понимала, почему матушка заперла тебя именно на вершине башни, не думала об особенностях твоего дара и не знала, что для чародейства тебе нужно коснуться земли хотя бы кончиком пальца.

Или кончиком косы.

Твои волосы, протянувшиеся вдоль черной каменной кладки, как никогда яркие и живые, казались золотистыми змеями, ползущими по выжженному полу.

В тот день до соприкосновения с землей им нехватило ладони.

Сегодня, говорят, от них не скрыться даже в сотне verst от твоего дворца.

Трюм становится нашей каютой как-то незаметно и без лишних обсуждений.

Недовольны этим только Принц и Кайо.

Последнего я по-прежнему скрываю от команды и не выпускаю полетать даже ночью — не хочу, чтобы матросы болтали о том, кто я и что я. Три дня — недолгий срок для птицы, несколько месяцев путешествовавшей в мешке.

Кайо все понимает и послушно прячется, когда в трюм спускается долговязый боцман с очередной проверкой, не покусились ли мы на драгоценный груз. И все же с его уходом моя тьма снова начинает вредничать и возмущенно клекотать, точно курица, чем немало забавляет Искру.

Что касается его высочества... Подозреваю, его попросту терзает морская болезнь, которую Принц маскирует скверным настроением и необоснованными придираками ко всему и вся. Этим утром он о чем-то спорил с Охотником, да так, что тот уже несколько часов не расслабляет сдвинутых бровей, а теперь вот нацелился на меня.

Ему отчего-то до крайности интересно, о чем мы ночью говорили с Волком и почему тот так громко смеялся.

Ответ «да так...» не принимается.

— Юность... ревность, — бормочет Искра, раскачиваясь в гамаке.

Мы обе делаем вид, что вчерашней беседы не было.

— Глупости, — отмахиваюсь я. — Принц просто не в духе.

— А Ведьма слишком хорошо проводит время, — парирует тот, успокаивающе поглаживая перья Кайо, с которым они на удивление быстро нашли общий язык.

Я не сразу понимаю, что в трюме повисла тишина.

— Принц? — наконец переспрашивает Искра, невовко приподнявшись на локтях.

— Ведьма? — вторит ей Охотник из облюбованного угла под лестницей.

— О, это мы просто дали друг другу милые домашние прозвища, — отзывается его высочество. — Я — Принц, она — Ведьма. Каждому по способностям, так сказать.

Забавно. Я и не заметила, что при них мы умудрялись никак друг к другу не обращаться.

— Вот скажи, Охотник, — продолжает он, — какие у Ведьмы волосы?

— Можешь спросить у меня самой.

— И ты ответишь правду?

— Конечно, — уверяю я и тут же вру: — Рыжие.

— А глаза? — не унимается Принц.

Я снова вру:

— Зеленые.

— Какая-то ты ненастоящая ведьма, — делает он странный вывод.

— Почему? Во всех сказках ведьмы как раз рыжие и зеленоглазые.

Я стараюсь не смотреть на рыжую и зеленоглазую Искру.

— Вот именно что в сказках. Или ты веришь, что каждое слово в них — истина?

— Я верю, что ты пытаешься загнать меня в какую-то ловушку, поэтому перестаю отвечать на глупые вопросы.

Принц встает, и Кайо тут же вспархивает ему на плечо и гордо выпячивает угольную грудь, будто на трон уселся. Они сейчас даже чем-то похожи, что странно — тьма-то моя.

— Хорошо, тогда просто слушай, есть у меня для тебя одна сказка, — говорит Принц, расхаживая от стены к стене. — Вчера моряки рассказали, а уж они где только не побывали и всякого навидались. И когда на борт ступил Волк, все сразу вспомнили... даже не сказку — легенду об арьёнском огневике и трех девах.

Я фыркаю, но его это не останавливает.

— Были они сестрами, похожими как три капли воды, русоволосыми и сероглазыми да с кожей нежной, розовой, как у...

— Поросят, — услужливо подсказывает Искра.

— Да, вроде того, — не замечает издевки Принц. — И все три отказали огневику, и спряталась каждая от его гнева в своем домике, но ни одну это не спасло. Первая жила в хижине из соломы...

— Какая глупость! — возмущается Охотник, кажется, всерьез увлекшийся историей. — Огневик же сожжет солому за мгновение!

— Так и случилось. Правда, деве удалось выбраться и скрыться в домике второй сестры, сплетенном из прутьев.

— Но ведь прутья тоже легко горят!

Я едва сдерживаю смех, глядя на одухотворенное лицо Принца и встревоженное — Охотника. Искра отворачивается, но, судя по трясущимся плечам, ее тоже распирает от хохота.

Или от страха за нездачливых тройняшек, во что лично мне не верится.

— Щелкнул огневик пальцами — и домик из прутьев тоже занялся пламенем, а девы, растрепанные и обожженные, побежали к третьей сестре...

— Ну хоть этой хватило ума прятаться в нормальном доме? — с улыбкой уточняю я.

— Дом ее, крепкий, нерушимый, был сложен из камня, — повышает голос Принц, и Охотник облегченно вздыхает.

Зря. Нам же с самого начала сообщили, что девицы не спаслись, так что, очевидно, сейчас все трое и помрут.

Бьюсь об заклад, подвох в том, что дверь-то у дома деревянная... Я даже подаюсь вперед и закусываю губу в нетерпении — угадала или нет?

— Долго бродил вокруг дома огневик, море силы выплеснул, но упрямый камень так и не поддался пламени. — Принц на секунду умолкает и хитро улыбается. — Зато трава вокруг занялась, да деревья, да ставни резные. И пока они дымились, сестры медленно задыхались в каменной ловушке. Конец.

Я разочарованно откидываюсь на стену. И это всё? На Охотнике лица нет, будто он лично должен был спасти тройняшек, но не смог. Искра тоже выглядит расстроенной.

— И в чем мораль? — спрашивает она.

— Не связывайся с арьёнскими огневиками, — отвечает... не Принц.

Я поднимаю глаза на Волка — точнее, на его голову, торчащую из люка. Тени не дают оценить реакцию огневика на сказку, впрочем, боюсь, и на свету я бы с этой задачей не справилась. Но голос вроде бы звучит спокойно. Даже весело.

— Идемте, а то пропустите самое интересное, — зовет Волк, пока я пытаюсь подобрать слова, а Принц

(и Кайо вместе с ним) еще сильнее выпячивает грудь, словно готовится защищаться.

— Что может быть интересного посреди воды? — ворчит его высочество.

Волк только хмыкает и исчезает по ту сторону люка, и я, переглянувшись с остальными, поспешно карабкаюсь по лестнице вслед за ним.

До острова еще целых два дня, так что интересное нам не повредит.

Я совершенно не разбираюсь в мореходстве. Если честно, это первое мое путешествие на корабле, и прежде я не подозревала, что пересекать границу между морями так занимательно.

Что уж говорить: я не знала даже о том, что граница эта может быть столь буквальна и видна невооруженным глазом. Словно кто-то скрепил прочной нитью два полотна разных цветов, и во все стороны протянулся неровный белый шов.

Мы сейчас на ирманской половине, в Зеркальном море. Вода вокруг «Предназначения» все еще густая и темная и на фоне светло-бирюзовой глади моря Закатного, раскинувшегося за пенной границей, кажется совсем черной.

Почему они не смешиваются? Почему не сольются воедино, как и положено воде в одной миске?

Мучимая любопытством и желанием рассмотреть, нет ли там преграды попрочнее, я так сильно перегибаюсь через борт, что едва не падаю. Но кто-то мешает, оттаскивает меня прочь за шкирку. Судя по лейдфарским ругательствам, это капитан.

— Первый и последний раз, — рычит он, от раздражения утратив акцент, и толкает меня в объятия Принца. — Полезешь снова — позволю кракену тебя сожрать.

— Кракену? — шепчу я, но капитан уже марширует дальше по палубе и громко выкрикивает приказы.

Часть матросов болтается на веревочных лестницах, другая — возится с узлами, складывая одни паруса и поднимая другие. Я только теперь замечаю, как сильно разыгрался ветер. И чем ближе мы к границе, тем мощнее он становится и будто бы дует сразу со всех сторон.

— Кракен — глубинный страж, — отвечает вместо капитана Принц.

Голос его неестественно бесстрастен, а руки на моих плечах напряжены. Когда я пытаюсь отойти, Принц только стискивает пальцы, и я замираю.

— По легенде, его создала ведьма — любите вы таких питомцев — и поселила на границе морей, где он с тех пор топит корабли и собирает для нее сокровища, хотя той ведьмы и в живых-то нет давным-давно.

— И почему так радуется команда? — удивляюсь я, видя нетерпеливое предвкушение на лицах бегающих по палубе матросов. — Скорой встрече с чудовищем?

— Полагаю, они решили добыть щупальце кракена. — Принц издает короткий смешок. — Я-то гадал, чего это капитан сорвался с якоря на ночь глядя, как только заполучил личного огневика. Теперь понятно... хотел пересечь границу на закате — лишь в это время страж поднимается на поверхность. Он боится пла-

мени, и с такой защитой они вполне могут откромсать у бедолаги одну из конечностей.

— Да зачем она им?! — восклицаю я и слышу за спиной голос Охотника:

— В кракене сила древней ведьмы. И кровь сотен моряков. За кусочек его плоти любой зельевар отдаст все, что имеет, — можно озолотиться.

— Или умереть, — заканчивает Искра.

Выходит, они все стоят позади, но я не оборачиваюсь и больше не пытаюсь высвободиться из хватки Принца, не желая его нервировать.

И это Волк назвал интересным? Зачем он пригласил нас сюда?

Сомневаюсь, что дело в тщеславии и стремлении поразить нас своей силой. Для такого арьёнец слишком закрыт и равнодушен к чужому мнению, иначе не упустил бы случая покрасоваться еще в порту или в доме на утесе. Жестоким он мне тоже не показался, и вроде мы не успели ему слишком насолить, чтобы скормливать нас глубинной твари из мести.

Поглядывая по сторонам, я нахожу Волка на шканцах: вокруг него кружат потоки воздуха, вполне видимые, потому что искрятся, а то и вовсе горят синеватым пламенем. Лицо и поза его издалека кажутся расслабленными и безмятежными, будто Волк нежится на солнышке в цветущем саду, а не пытается устоять на кренящейся и уже скользкой от воды палубе под порывами огненных ветров.

Я и сама держусь на ногах только благодаря Принцу.

— Если хочешь, спустимся... — Он почти кричит, чтобы быть услышанным сквозь начинаящийся штурм.

При ясном-то небе.

Я мотаю головой:

— Нет! Возможно, мне это нужно.

— Сейчас начнется! Руби под корень, воительница! — вопит пробегающий мимо матрос, очевидно, обращаясь к Искре.

— Рискнем? — слышу я ее веселый голос, затем смех, и через мгновение они с Охотником, поскользываясь, подхватывают друг друга под локти и, на ходу обнажая клинки, несутся к правому борту.

Солнечный диск в воде уже наполовину, «Предназначение» вот-вот минует границу морей.

Мы с Принцем, замершие ближе к носу корабля, чувствуем переход одними из первых. На краткий миг пересечения со «швом» все звуки будто исчезают. Я по-прежнему вижу, как судорожно цепляются матросы за веревки и поручни, как скручивается сорвавшийся с мачты парус, точно постиранная простыня в руках прачки; как вздымаются за бортом волны — ежевично-черные и ярко-бирюзовые. Вижу, но словно сквозь толстое бутылочное стекло.

И это же стекло защищает меня от шторма.

Вроде и держаться уже не надо, и ладони Принца на плечах кажутся лишними.

Я вытягиваю руку перед собой, шевелю пальцами, поражаясь ощущению невесомости... и тут же едва не падаю под тяжестью вернувшихся звуков и ударами неутихающих ветров.

Нет, все-таки хорошо, что Принц держит, и держит крепко. Практически прижимает меня к своей груди.

— Обещай, что будешь слушаться! — кричит он мне прямо в ухо, но я все равно сомневаюсь, не получилось ли...

Слушаться? Он серьезно?

— Что?

— Выполняй все, что скажу, или запру в трюме, —
переходит Принц к угрозам, и мне становится так
смешно, что... я киваю.

— Обещаю! — кричу в ответ. — Шага без твоей
указки не сделаю! А что та...

Гигантское блестящее щупальце обрушивается
на палубу с грохотом и треском ломающихся досок.
Оно извивается, точно змей, и сочится слизью, от ко-
торой по дереву во все стороны расползаются черные
прожилки. Я шумно выдыхаю и цепляюсь за Принца,
а тот спокойно и уверенно тащит меня к ближайшей
мачте. И снова он полон той невероятной грации,
снова ловок и будто бы зряч, а может, и не просто
зряч — едва мы отходим на несколько шагов, как на до-
ски, еще хранящие следы наших ног, падает второе
щупальце.

К нему тут же с криками устремляются несколько
матросов, размахивая самым разнообразным оружием.
В руках одного даже поблескивает огромный топор,
сдается мне, это увеличивает шансы на успех.

Первое щупальце уже атакует другая команда
во главе с Искрой и Охотником. Полагаю, отсечь его
не проще, чем срубить толстенное дерево, которое
при этом еще и сопротивляется, так что быстрой
победы никто не ждет. И Волк не вмешивается, лишь
внимательно следит за ходом событий, чтобы выпу-
стить пламя на волю и обратить монстра в бегство,
как только дело будет сделано.

Принц сует мне в руку веревку, заставляет сжать
покрепче и ни на миг не выпускает меня из своей
хватки. Я яростно верчу головой и смаргиваю воду,
льющую на нас со всех сторон. Корабль так неистово

качет на волнах, что верх и низ уже несколько раз поменялись местами; палуба зияет дырами, а мачты хоть и стоят пока, но скрипят так натужно, будто силы их на исходе.

Кажется, прошло меньше секунды, я только успеваю в очередной раз моргнуть, прогоняя мутную пелену, а вокруг «Предназначения» уже змеится пять новых щупалец. Эти не пытаются проломить борт, не спешат напасть, только покачиваются в воздухе настороженными кобрами; склизкие розовые присоски, рассыпанные по всей длине, пульсируют, будто приюхиваются, выбирая жертву.

Застрявший где-то высоко на такелаже¹ юнга отлично для этого годится.

Он сам бросается в бой. Наматывает на руку вевревку, отталкивается посильнее и, обнажив саблю, с отчаянным криком, похожим скорее на песнь чайки, летит к ближайшему щупальцу. Принц не может этого видеть, но вздрагивает и выдыхает:

— Нет...

И вскоре я уже завидую его слепоте.

Матрос не наносит чудовищу ни единой царапины. Его перехватывают на лету сразу два щупальца: одно обвивает плечи, второе — ноги... и каждое с громким всплеском утаскивает под воду свою половину разодранного тела.

Я всхлипываю, зажимаю рот ладонью и делаю непроизвольный шаг вперед — туда, где вода смешалась с кровью, — но меня тут же притягивают обратно.

¹ Такелáж (от нидерл. *takelage*, от *takel* — «оснастка») — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами.

— Только здесь безопасно! — кричит Принц, и я ему верю.

Справа доносится истошный вопль, и я вижу, как еще одного матроса обвивает и вздергивает к верхушкам мачт новое щупальце. Крик его обрывается только под водой.

И то ли ребра мои сжимаются, грозя раздавить сердце, то ли оно само растет и набухает, но грудь вдруг пронзает острыя боль, и я никак не могу вдохнуть. Словно это меня сбросили за борт и тянут все глубже и глубже, на самое дно...

Я пастырь. Неправильный, слившийся с тьмой, но мы не созданы для того, чтобы стоять в стороне, пока вокруг гибнут люди.

«Прости, Принц».

Вслух за нарушенное обещание я не извиняюсь. Просто срываюсь с места, на бегу формирую длинную плеть из силы, не слишком заботясь о ее чистоте. Свет, тьма — главное, дотянуться. Не знаю, бежит ли Принц следом. Треск дерева, грохот волн, лязг металла и человеческие крики — за таким гвалтом ничего не рас слышишь, а оглядываться я не хочу. Надеюсь только, что он остался в безопасности.

Матrosы атакуют щупальца кучами, за их спинами не видно, отрублено ли уже хоть одно, но Волк все так же бездействует. Наверное, у него там наверху обзор получше. Свободные конечности монстра то уходя т под воду, то снова выныривают, и я молюсь, чтобы они окунались просто так, а не утаскивали в зубастую пасть новые жертвы.

Наконец передо мной сразу три вздыбленных щупальца и ни одного человека в зоне поражения. Не задумываясь, я резко взмахиваю едва светящейся пле-

тью. Воздух гудит, время замедляется; плеть скользит по сочащейся слизью плоти чудовища и на первый взгляд не причиняет ей вреда. Когда корабль начинает дрожать, я не сразу понимаю, что дрожит он от рева глубинной твари.

А потом на палубу падает одно отсеченное щупальце. Второе тоже отваливается, кусок падает на планширь, проламывая его, и переваливается за борт. А третье, едва задетое, взбешенной змейей бросается ко мне.

Пытаясь замахнуться второй раз, я поскользываюсь и опрокидываюсь на спину, ощутимо приложившись затылком. И тут же чувствую обжигающую боль в левой ноге, теперь словно объятой огненным кольцом, которое сжимается все туже и туже...

Небо и палуба вновь меняются местами, я силюсь зацепиться руками за торчащие обломки досок, но меня поднимают все выше и выше, только чудом не отрывая ногу от тела.

Про тебя часто говорят: «Она любого сожрет с потрохами». Что ж, похоже, мне предстоит стать отнюдь не твоим обедом...

— Пали! — внезапно орет совсем рядом Принц и, схватив меня за руки, тянет на себя.

Из-за попавшей в глаза слизи я почти ничего не вижу, но чувствую, как наверху становится жарко. Пятки просто огнем горят, и я не уверена, что от сапог и штанов не остался один пепел.

Зато под очередной волны монстра исчезает хватка щупальца. Сердце ухает, и я лечу в объятия Принца, который явно не рассчитал свои силы. Или мой вес.

Так что пока палуба ходит ходуном от конвульсий чудовища и команда что-то радостно вопит, мы лежим. Принц — на спине, я — на Принце. Затем, когда сердце

уже не пытается выскочить через рот, неуклюже сползаю, сажусь и протираю глаза.

Вокруг бушует пламя.

Удивительным образом огибая людей, паруса и снасти, оно жалит кракена, заставляя его убраться обратно под воду. Щупальца отшатываются, корчатся, сбивают закрепленные за бортом шлюпки и наконец с шипением скрываются в глубине.

И в тот же миг исчезает и огонь, и штурм, будто умелая иллюзия, наведенные чары, и вот уже потрепанное, но не сломленное «Предназначение» мирно покачивается на игриво-легких волнах Закатного моря.

Мы пересекли границу.

Солнце совсем скрылось, лишь слабое зарево пробивается из-за горизонта, словно путник уходит прочь под гору, унося с собой сияющий фонарь.

Я сижу на мокрой от воды и зеленоватой крови палубе; гниль из досок медленно испаряется, оставляя после себя выжженные борозды. Рядом тяжело дышит Принц. Остальные радостной гурьбой кружат возле трех отрубленных щупалец. Похоже, никто не ожидал такого улова.

Искра хлопает Охотника по плечу, капитан пытается ее обнять, но получает тычок в бок, матросы о чем-то перешучиваются. Будто и не было всех этих жутких криков. Будто как минимум двое из команды не отправились только что на корм морскому чудовищу.

— Хотел показать, — слышу я голос Волка и задираю голову.

Он возвышается над нами, уперев руки в бока, растрепанный и бледный, почти сияющий на фоне сгустившихся сумерек.

— Что ради наживы люди готовы на все? — спрашиваю я.

— Нет. Что одиночки выживают редко, а с поддержкой и помощью друзей можно одолеть любого монстра.

Очередная поразительно длинная фраза в его исполнении.

Я киваю, хотя урок кажется мне глупым и бессмысленным. Конечно же, с парой-тройкой соратников сражаться с тобой будет проще. Я это знаю. Никогда не страдала излишней самоуверенностью. Вопрос в том, смогу ли я так же легко пережить их смерть, как команда «Предназначения».

И какими секретами придется заплатить за чужую помощь.

Глава 10

Остров

Я никогда не спрашивала у матушки, почему король решил убить собственное дитя, еще совсем крохотное и неразумное.

Думаю, я боялась ответа.

Если ты в три года умудрилась поселить подобный невыразимый ужас в душе родного отца, то на что же способна теперь?

Оставшиеся два дня пути я почти не поднимаюсь на палубу.

Не думаю, что кто-то видел мою плеть, а третье добытое щупальце, судя по разговорам, приписали слаженной работе Волка и Принца, так что пугают меня отнюдь не косые взгляды. Плевать, если назовут ведь-

мой, плевать, даже если поймут, что пастырь, — я просто не могу смотреть на довольные лица матросов.

Как выяснилось, погибло пятеро. И ради чего? Во имя вечной славы? Я сомневаюсь, что через несколько дней про них хоть кто-то вспомнит. Команда выпила за покой павших на дне морском и... все. В ту ночь только и обсуждали, что цены на мерзкие присоски и как любая ведьма душу отдаст за кусочек плоти напитанного древними чарами кракена. Понятия не имею, зачем им ведьмовские души, но слушать подобную болтовню было невыносимо.

Отмывшись от слизи, я забилась в свой угол в трюме и с тех пор... сижу.

— Люди гибнут, — порой начинает Искра, пытаясь меня растормошить. — Моряки чаще прочих. Пять мертвцевов для такой славной битвы пустяк.

Охотник кивает в такт ее словам, но смотрит смущенно. Ему словно неловко передо мной за ту радость, что он испытывал, сражаясь. И я бы хотела заверить, что никого ни в чем не упрекаю и не сужу, да вот только нужные слова на ум не идут и язык не поворачивается.

Ибо я упрекаю и сужу. В первую очередь себя. Я слишком долго стояла в стороне. Смотрела. Ждала, что все решится без моего вмешательства.

Как всегда.

Вот и с тобой... все могло сложиться совсем иначе.

Интересно, ты тоже винишь меня?

— На остров мы с Принцем сойдем вдвоем, — говорю я, кажется, прервав Искру на полуслове.

Не знаю, что она пыталась втолковать мне на сей раз. Наверное, все ту же мысль о никчемности принесенной жертвы по сравнению с героической победой.

Охотник вскидывает голову, хмурится, кривит и без того искривленный шрамом рот.

— Она идет за тобой, — продолжаю я, кивком указав на Искру, — а вот что ведет тебя — это вопрос посложнее. Но даже не в нем дело.

— А в чем? — спрашивает... не Охотник. Принц, дремавший в гамаке. — По мне, так верный меч на острове не повредит.

— Меч можешь взять, а эти двое пусть плывут до Олвитана.

— Если бы не «эти двое», ты бы сейчас лихо работала веслами еще где-нибудь у берегов Бронака, — говорит Искра. — Не то чтобы я жаждала блуждать по землям диких тварей, но ты бы лучше дважды подумала, прежде чем...

— Я подумала трижды, — перебиваю я. — Остров возьмет плату. Отверженные возьмут. Они не делятся чарами и знаниями безвозмездно. Я не хочу приносить зверю в клетку кусок мяса, который он может потребовать в уплату. Хватит и того, что они выторгуют у нас с Принцем.

— Спасибо за предупреждение, что придется кормить собой зверей, — фыркает он.

Я молчу и прикрываю глаза, мысленно перебирая матушкины рассказы об отверженных. Если уж мне, буквально жившей в лесной глуши, довелось их услышать, то и Принц наверняка все прекрасно знает и понимает.

Плата может оказаться самой невообразимой: от ногтя с мизинца на левой ноге до воспоминания о первом поцелуе, от крови и слез до способности чувствовать солнечное тепло — зависит от того, с кем придется торговаться. Но кто бы это ни был, он заста-

вит заплатить всех явившихся, и я бы отправилась туда вообще одна, если бы могла выбраться с острова без Принца.

Я поднимаю взгляд и смотрю в сверкающие, словно черные бусины, глаза Кайо, успевшего натаскать себе на перекладину под потолком каких-то тряпок.

Будь моя воля, я бы и его отослала в Олвитан на корабле. Или спрятала бы глубоко-глубоко в груди, где он когда-то и зародился, лишь бы уберечь от жадных лап лесных тварей...

— Я не задаю вопросов, — наконец говорит Охотник. — Не пытаюсь выяснить, что вы надеетесь найти на острове и на чем хотите оттуда уплыть. Я не лезу с советами, ничего не требую, просто иду рядом, чтобы помочь в нужную минуту. Это мой долг.

Я опускаю глаза, но смотрю не на него — в стену, за которой гудят волны.

— Ты мне ничего не должен.

— Тебе — нет.

И на этом все. Охотник умолкает, а я следую его примеру и не задаю вопросов. Лишь говорю:

— Вдвоем нам будет проще. Если вам и правда суждено... помогать, то мы встретимся в Олвитане. В Абре. В ее... дворце. Дождитесь нас.

— Кому еще придется ждать, — бормочет Принц, и я понимаю, что остров мы будем покидать явно не вплавь.

Если, конечно, вообще его покинем.

Обсуждать это сейчас нет смысла. Искра глядит на меня не то довольно, не то глумливо; Охотник поджимает губы и снова уходит в себя. Помнится, в таверне он был поразговорчивее, а сейчас может поспорничать с Волком за звание главного молчуна.

Наверное, я бы радовалась, если б не переживала, что за молчанием таится отнюдь не согласие, а упрямое желание увязаться за нами.

Что ж, я тоже умею быть упрямой, да и Принцу в этом, кажется, нет равных.

Кайо я выпускаю заранее.

Земли на горизонте еще не видать, но я чувствую близость проклятого места каждой каплей дара. Чары натягиваются между нами, словно нити в руках прядильщицы судеб, готовой щелкнуть ножницами; звоном отдаются в груди.

Я и не знала, что ты вложила в защиту острова столько силы, — ведь именно на нее сейчас отзывается моя кровь, моя память, моя душа. Другое дело, кого именно ты защитила: отверженных от навязчивых гостей или наоборот? Куда мы так стремимся попасть: в неприступную крепость или в тюрьму?

Я выношу Кайо из трюма на плече не таясь, но на удивление никого не встречаю на пути. Слабый ветер гоняет по палубе голоса неспящих матросов, предупреждая, в какую сторону лучше неходить. В темной воде отражаются созвездия, и в одном из них мне даже видится копия моей крылатой тьмы, такая же взъерошенная и недовольная долгим заточением. И все же Кайо терпеливо ждет, не срывается прочь без приказа, только умоляюще хлопает огромными глазами.

— Лети, — наконец шепчу я, и он устремляется ввысь.

А я остаюсь внизу, до боли впиваясь пальцами в изъеденные морем перила и вглядываясь в ночь.

Остров где-то там. Совсем рядом. Надеюсь, он подарит мне хотя бы один ответ.

Тревогу я чувствую не сразу. Сначала усиливается ветер, взъерошивая мне волосы и бросая на глаза темные пряди, словно стремясь перекрыть обзор. Затем море, вздыбив волны, словно зверь шерсть, бросается на корабль и пытается сбить его с курса. Оттолкнуть от цели.

Когда разгорается штурм — на сей раз настоящий, с набежавшими тучами, ливнем и сверкающими молниями, — я так и стою у левого борта, крепко держась за перила. Лучше бы отойти, но кажется, если только на секунду расслаблю пальцы — сразу же попаду в холодные объятия моря.

Я слышу крики. На палубу высыпают матросы, выскаивают изо всех щелей, точно пчелы из потревоженного улья, и суматошно, но поразительно слаженно носятся от одного узла к другому. Снова поднимаются и складываются паруса. Я пригибаюсь, прячась от непогоды за фальшбортом¹, и рядом опускается на колени нас kvозь промокший Принц.

— Нам пора.

— Что?! — Я силюсь рассмотреть его лицо сквозь потоки воды, и, похоже, он вполне серьезен. — Кэп уже надирает сходни?

Принц поправляет повязку — потяжелевшая ткань так и норовит сползти вниз.

¹ Фальшборт (от нем. *Falschbord*; англ. *bulwark*) — ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стену без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и прочего. Это конструкция из дерева или стальных листов с подпирающим набором (в зависимости от того, из какого материала строилось плавучее средство).

— Нет, но готов пожертвовать нам последнюю шлюпку, не сорванную кракеном.

Да. Я тоже помню, что одна хлипкая лодчонка после битвы каким-то чудом удержалась в веревочной люльке, но если капитан думает, будто она нам чем-то поможет в такой шторм, то он безумен.

— Ты ведь шутишь? — говорю я, оглядываясь вокруг. — Он обещал доставить нас на остров!

— Он и доставил. Ближе не подойти. — Принц протягивает руку, находит на ощупь и сжимает мое плечо. — Погода испортилась не просто так. Это все остров. Защищается.

— Страж проснулся, хвостом махать! — раздается над нами крик капитана, и я вскидываю голову.

Он стоит совсем рядом: ноги широко расставлены, руки в боки, с полей шляпы ручьями стекает вода. Корабль кренится то в одну, то в другую сторону, и капитан легко подстраивается под этот ритм, ни на мгновение не теряя равновесия.

— Везет еще, мы в охвостье шторма! — снова кричит он. — В брюхо не лезть, дальше вы сами!

— Это безумие! — Я вскакиваю, судорожно цепляясь за перила, и вечерняя похлебка тут же подкатывает к горлу. — Эту вашу лодку в щепки разнесет!

— Значит, без нее идти, — отвечает капитан.

Я готова еще повоевать, но Принц встает, кладет руку поверх моей, вцепившейся в мокрое дерево, сжимает пальцы — и я захлопываю рот, уже полный морской и дождевой воды. И только теперь замечаю на его плече мой мешок. Очевидно, ход обратно в трюм закрыт, и если не сядем в шлюпку, нас просто вышвырнут за борт.

Собственно, и вышвыривают — заставляют спускаться по веревочной лестнице, которую так мотает

из стороны в сторону, что я пару раз соскальзываю и обжигаю ладони. А когда ноги касаются дна лодки, едва успеваю присесть и вцепиться в скамью.

Принцу не легче, хотя он идет вторым, и внизу я помогаю ему не промахнуться мимо цели.

Наконец мы сидим в крохотной по сравнению с кораблем посудине, раскачиваемся на ветру и тщетно пытаемся вычерпать успевшую набраться в шлюпку воду. А наверху темные силуэты матросов спиливают веревки.

— Верная смерть, — шепчу я, но Принц слышит.

Или думает о том же.

— Выживем, — заверяет он, а затем мы срываемся в пропасть.

Последнее, о чем я думаю, прежде чем вылететь из треклятой лодки и с головой погрузиться во мрак и холод бушующего моря: благо Охотник за нами не увязался.

Может, хоть он тебя остановит, если мы с Принцем не выплынем.

ЧАСТЬ II
ОТВЕРЖЕННЫЕ

Глава 11

Иди через лес

Отверженным может стать любой, кто не найдет своего места среди людей, говорила матушка. Мол, мы сами изгоняем всякого, кто на нас не похож, а потом дивимся его враждебности.

Я долго думала, что мы тоже отверженные, раз живем в лесу. И винила в этом тебя.

Боль в щеке такая, будто ее пропороло насквозь, и кажется, я могу языком изнутри нащупать сделавшее это острое лезвие.

Со стоном переворачиваюсь на спину, поднимаю вялую руку и осторожно касаюсь лица... Раны нет, только мелкие камешки, что намертво впились в кожу. Видимо, я слишком долго лежала на боку. Стряхиваю, отдираю

это крошево, затем вынимаю щепки из окровавленных и обожженных ладоней — я до последнего цеплялась за обломки лодки, лишь бы касаться хоть чего-то твердого и знакомого в этом убийственном водовороте.

Одна пережеванная морем дощечка все еще лежит рядом, и когда я с трудом встаю, отряхиваюсь и делаю шаг в сторону, требуются все силы, чтобы не прихватить ее с собой.

Берег залит лунным светом, таким ярким, что от солнечного его отличают лишь холодные серебристые отблески. Огромный голубой шар висит так низко, точно вот-вот окунется в воду. Волны мирно и лениво накатывают на гальку, ветер едва шевелит волосы, корабля на горизонте не видно. Будто я сюда с неба упала и не было окрест острова никакого шторма или же закончился он давним-давно.

Я какое-то время брожу вдоль берега, надеясь отыскать Принца, но не рискуя его окликать, ибо лес, черной стеной вздымающийся к небу буквально в сотне шагов от кромки воды, не внушает доверия. Я кошусь на него беспрестанно и порой не то замечаю, не то выдумываю мелькающие среди необъятных стволов алые огоньки звериных глаз.

Принца здесь нет — уже нет, — зато есть его жилетка. Встреча со штормом ее не пощадила, окончательно истончив и разодрав и без того ветхую ткань. Да и вообще она выглядит так, будто пролежала на прибрежной гальке не один день, омываемая всеми приливами и отливами. Половая тряпка, а не одеяние самого олвитанского принца.

Но одежда лишь метка, главная находка — выполненная поверх нее стрелка из камней. Простое и однозначное послание: Принц был здесь и ушел.

В лес.

И туда же тянется нить моей связи с Кайо, тонкая и дрожащая от долгой разлуки. Похоже, слишком долгой, хотя солнце не успело взойти, а я — проголодаться.

Я стою перед чащей, не решаясь сделать первый шаг, и, кажется, всего на миг прикрываю глаза, но когда открываю их — картина передо мной меняется. Деревья уже не сливаются в сплошную стену, они словно расступились и сплели в вышине вскинутые ветви-руки, образовав бесконечный темный коридор. Лунный свет пробивается сквозь его плетеную крышу и скользит по земле и шершавым стволам серебристыми бликами.

Лес будто распахнул передо мной свою пасть, и в диковинном танце теней мне видится метание сотен душ, сгинувших здесь навеки.

«Беги прочь!» — кричат одни.

«Иди к нам», — шепчут другие.

И я иду. Не потому, что заворожена призрачным зовом, а потому, что затем сюда и прибыла.

Чтобы войти в ощеренную пасть леса отверженных.

Я ни секунды не гадала, как ты умудрилась согнать их всех на один остров, — уверена, тебе достало бы силы и всех людей заточить в такую же клеть, — но теперь задаюсь иными вопросами. Как они уживаются друг с другом? Как поделили между собой один клочок земли? И кто встречает незваных гостей первым?

Торговцы рассказывали, что обычно дожидаются на берегу, а в лес не суются. Вроде как некоторым и любопытно, но кто ж их пустит. Порой приходится стоять по пояс в воде, потому что деревья подступают к самой кромке, оттесняя чужаков обратно в море.

Но в конце концов из чащи всегда выныривает какая-нибудь ведьма или ее рогатый-крылатый-уродливый прислужник и приносит нужные травы и зачарованные предметы.

Другие же говоривали, что их будто силой в лес затягивало. И такие, мол, там ужасы водятся, что можно и своим ходом помереть, от разрыва сердца, монстрам даже стараться ни к чему.

А еще есть те, кто и вовсе не вернулся и не сумел ничего рассказать...

— Дурное это место, гиблое, — говорил мне странник, встреченный полгода назад на границе с Лостадой. — Когда эти твари в наших лесах обитали, и то проще было. Прятались они, тряслись за свои шкуры. Изгои, одиночки. А теперь расцвели под крылом Королевы. Игры затянули.

Я все еще сомневаюсь, что ты даровала отверженным свое покровительство, скорее, как и всех прочих, загнала их под пяту, но в вашу общую любовь к играм верю. И иду по плетеному коридору осторожно, время от времени пытаясь свернуть с отмеченной кем-то неведомым тропы. Только деревья жмутся друг к другу все теснее. Движения я улавливать не успеваю, но вот зазор есть, а в следующий миг, стоит лишь подумать о другом пути, стволы будто срастаются.

Разок застряв между ними и еле высвободив разодранную в кровь ногу, я перестаю пытаться. Бездна с нею, со свободой выбора, главное, что я все отчеливее чувствую Кайо, а значит, иду в верном направлении.

Земля, усыпанная мертвой листвой, гнется, проседает под сапогами, точно перина. На стволах и в жухлой траве то и дело вспыхивают синевой и зеленью пан-

цири ночных жучков, спешащих в свои убежища, по- дальше от шумной чужачки.

Каждое мое движение и впрямь кажется слишком громким в неестественной тишине леса. Шорох плаща. Прерывистое, будто испуганное дыхание. Скрип сапог. Даже замерев и стараясь не шевелиться, я все равно нарушаю покой острова множеством звуков.

Так почему кроме насекомых и подозрительных лиан, порой уползающих вверх по стволам словно змеи, мне до сих пор никто не встретился? Почему ни один зверь не поспешил на этот невообразимый шум, чтобы поживиться? Где все местные чудовища?

Даже красные огоньки глаз, следившие — или не следившие — за мной на берегу, больше не мелькают за ажурными стенами коридора.

Отчего-то это пугает куда сильнее, чем все байки об отверженных вместе взятые. Я будто провалилась на изнанку мира, мертвую и пустую, и только крепнувшая с каждым шагом нить связи с Кайо не дает захлебнуться этой пустотой.

Главное — не бежать...

Оглянувшись, я не вижу воды — коридор извилист, я миновала уже сотню поворотов. И выхода впереди не вижу, если он вообще есть. Не удивлюсь, если лес ведет меня по кругу, а то и по спирали, чтобы измотать, прежде чем позволит наконец узреть свое черное сердце.

Когда ног что-то касается, обжигая мертвецким холодом даже сквозь плотную кожу сапог, я, не сдержавшись, вскрикиваю. Отскакиваю вперед, оборачиваюсь и теперь уже не могу выдавить ни звука через сжавшееся горло. По земле, стенам и ажурному потолку, отсекая безучастный, но хотя бы знакомый

лунный свет, на меня надвигается туман. Бледно-алый, как разбавленное вино, он подползает все ближе, медленно, но неотвратимо, искажая все, чего касается, превращая камни и кочки, ветви и стволы в силуэты жутких чудовищ.

Я не жду, когда вернется дар речи, — звать на помощь все равно некого. И встречи с туманом не жду. Разворачиваюсь и со всех ног бегу вперед. По кругу, по спирали, куда угодно, где может найтись хоть какой-то выход.

Кажется, туман тоже больше не мешкает. Краем глаза я вижу, как искривляются в плотной алоей дымке деревья слева и справа, и всем нутром чувствую, что только желание поиграть не дает туману укусить меня за пятки. Ребра, враги мои, от быстрого бега точно сжимаются, стремясь выдавить из меня остатки воздуха; я хриплю, уже практически ничего не вижу перед собой от набежавших слез, а потом и вовсе слепну от болезненной, невероятной белой вспышки и... тут же проваливаюсь по самый пояс во что-то холодное, рассыпчатое и хрустящее.

Снег.

Вроде даже настоящий, хотя в последний раз мне приходилось касаться его очень, очень давно.

Он тут же забирается в рукава и прорехи на одежде, льнет к телу, словно замерзший с дороги путник, и, тая, скользит по коже ледяными каплями. Я поднимаю руки повыше, трясу кистями, пытаясь вытряхнуть снег и воду, и оглядываюсь.

Туман рассеялся, очевидно, исполнив роль проводника, а лес снова изменился. Исчезли выонки и листва, и голые ветви заиндевевших деревьев теперь пронзают ясное утреннее небо, будто ледяные стрелы.

Поляна, на которую я выскочила, похожа на идеально круглый стол, накрытый кипенно-белой скатертью. И, кажется, я первая нарушила ее покой, взрыхлив снег, изуродовав неестественно гладкую, словно ру-котворную поверхность.

Я делаю еще один неуклюжий шаг, разгребая снег ладонями и с трудом пробивая путь коленями, и за-стываю, наконец осознав всю жестокость замысла незримого шутника, что привел меня сюда.

Как же я сразу не увидела?

Впереди уверенным черным мазком на тусклом фоне зимнего леса тянется ввысь хорошо знакомая мне башня.

Глава 12

Черная башня

Я помню, как преподнесла тебе свой первый и последний дар.

То был венок из неувядающих благодаря магии гаултерии¹ и аконита². Я представляла, сколь прелестно цветы будут смотреться в твоих дивных волосах, и жаждала твоей улыбки, но увидела лишь мрак, заполнивший любимые глаза.

Когда ты коснулась венка, бутоны осипались прахом, а гибкие прутья изогнулись, разрослись, погру-

¹ Гаултёрия, также гаултёрия, готьёрия, голтёрия (*лат. Gaultheria*) — декоративное растение семейства Вересковые, включающее в себя около 170–180 видов, распространенных в Азии, Австралии, Северной и Южной Америке.

² Аконйт (*лат. Aconitum*) — род ядовитых многолетних травянистых растений семейства Лютиковые с прямыми стеблями и с чередующимися дланевидными листьями. В просторечии именуется также как прострельная трава или прострел-трава.

зились в землю, всиоров ее, точно железные орудия садовника, и сомкнулись вокруг меня нерушимой клетью.

— Все, что ты даешь, — холодно сказала ты, пока я силилась выбраться из ловушки, — рано или поздно обернется против тебя.

И я усвоила этот урок.

Путь до двери кажется бесконечно долгим.

Снег густеет, смыкается вокруг меня, словно зыбучие пески, и с каждым шагом приходится прилагать все больше усилий, а башня меж тем будто и не приближается ни на сажень.

Я стараюсь не думать о времени, но оно немилосердно напоминает о себе болью, усталостью и голodom. И мыслями о том, что все бесполезно, ведь пока я иду — королевства рушатся и восстают из руин, династии меняются, герои и злодеи погибают, и тебя тоже уже наверняка нет в живых.

Тогда зачем все это?

Можно же просто остановиться. Позволить холодной бездне поглотить меня, растворить, вернуть к истокам...

Я так мечтаю об отдыхе, что готова поверить этому мороку, готова сдаться, и лишь дребезжащая от напряжения нить связи с Кайо помогает не забыть о том, кто я и где нахожусь.

Кругом обман. Кто-то привел меня сюда, показал башню, значит, до нее можно и нужно добраться. Или я и вовсе до сих пор лежу без чувств у кромки воды, а все прочее — внушение, видение, сон. Так или иначе,

кто-то из отверженных хозяйствничает в моей голове, и потворствовать ему я не собираюсь.

— Не дождешься! — кричу в небесный колодец, обрамленный заиндевелыми верхушками деревьев, и наконец обращаюсь к силе.

Она бежит по венам медленно, неохотно, как и моя загустевшая на морозе кровь, но все же приливают к кончикам пальцев и молниями расходится по поляне. Белая корка растрескивается, будто лед под сапогом, а потом снег начинает таять. Пядь за пядью он превращается в воду, которую тут же впитывает измученная земля, и лес вокруг потихоньку просыпается, встряхивается, сбрасывает с ветвей ледяные оковы.

Раз уж это сон — я сама буду выбирать погоду.

Время все еще растянуто, но теперь я хотя бы чувствую его ход. Чувствую, что жива и что каждый шаг по болотисто-вязкой поляне не напрасен. И вскоре нога наконец опускается не в грязь, а на широкую каменную ступеньку, и тело сразу становится легким, будто все эти минуты и вечности кто-то цеплялся за меня, удерживал, но теперь отпустил.

Впрочем, невесомость эта зыбкая, обманчивая. Она длится мгновение и тут же сменяется новым грузом и слабостью. Все затраченные силы сторицей отзываются в костях и мышцах, и посиневшая от мороза кожа горит.

Мокрая, дрожащая, я едва стою перед приоткрытой дверью, что беззвучно покачивается на ветру. В последний раз, когда я видела ее, изнутри валил черный дым, а теперь веет теплом и покоем, фальшиво, но так заманчиво, что я не могу удержаться. Хотя не удержалась бы, даже если б от башни тянуло затхлостью и могильным холодом — и не то чтобы мне предоставили выбор.

Я миную несколько ступенек и открываю дверь.

Воспоминания накатывают сразу, пусть поначалу я не вижу ничего, кроме сплошного мрака. Свет с улицы будто не может сюда прорваться, но вот у дальней стены вспыхивает огонек и разгорается все ярче и ярче, в конце концов превращаясь в уютное пламя очага. На полу, точно волшебный узор, проступает ковер, на стенах — неуклюжие детские рисунки. Кресло-качалка с любимым маминым пледом поскрипывает возле огня, на столике рядом исходит паром травяной отвар, пропитывая терпким запахом всю комнату. И грубая винтовая лестница ритуальной свечой вырывается из самого центра и устремляется ввысь, к вершине башни.

У нас никогда не было такой комнаты, но она будто соткана из лоскутов моих воспоминаний разных лет. Здесь даже есть частичка тебя: костяной гребень для волос, небрежно брошенный прямо на полу, такой ослепительно белый, что не заметить его невозможно. Он буквально светится.

Я жду, что незримый кукловод заставит меня взять его. Нашепчет на ухо, как сильно я этого хочу, жажду — неспроста же он так выделяется на общем фоне. И вот я стою, прислушиваюсь к своим ощущениям и... не испытываю никаких внезапных порывов. Гребень остается просто гребнем. Красивым. Твоим. И совершенно мне не нужным.

Зато голос я все же слышу. Даже голоса. Один — детский, серьезный и точно немного обиженный. Слов не разобрать, но интонации, кажется, вопросительные. А второй... второй я узнала бы в любой день, в любом состоянии, под любыми чарами. Даже полностью оглохнув, я все равно буду слышать его в своей голове, нежный и напевный.

Голос сказок и уроков, голос любви и недовольства.
Мамин голос.

Я понимаю, что это по-прежнему воспоминания, вытащенные на свет моим мучителем, но все равно с трудом сдерживаюсь, чтобы не побежать на звук. Вместо этого подхожу к лестнице медленно, с опаской и, задрав голову, прислушиваюсь.

Говорят и впрямь наверху.

Слова становятся отчетливее только на втором витке, а на третьем я различаю уже целые фразы.

— ...не потому, что всезнающие, а потому, что о будущем ведают, — говорит мама. — Видят его, как я тебя.

— И менять могут? — спрашивает детский голос.

— Как встретишь ведуна, узнай у него о своем будущем и поменяй все, что не по нраву придется.

Бесконечная спираль лестницы окружена мраком, и в нем же парит одинокая деревянная дверь с облупившейся бирюзовой краской. Именно за ней ведется беседа. И к ней же от ступенек тянется тонкая дощечка, на которую я никак не решаюсь ступить.

— А ведьмы?

— Ведьмы... — В мамином голосе слышится улыбка. — Увы, будущее нам, ведьмам, недоступно. Зато мы чувствуем природу. Каждую травинку в лесу, каждый камешек на дне озерного. Они говорят с нами, помогают чаровать и врачевать. Потому и не живется нам спокойно в городах, слишком там все... мертво.

Я выдыхаю и...

Шаг. Второй. Третий.

Доска скрипит, прогибается, а чернота под ней, безликая, безглазая, кажется живой и алчущей. Ожидющей моего падения.

— Про кого еще вам рассказать?

— Про пастырей! — пищит второй детский голосок, и я едва не срываюсь в пропасть, сбившись с шага.

Это... я. Мой голос. Узнаваемый не разумом, но сердцем. Значит, второй ребенок, постарше, это ты.

Мама смеется.

Я выравниваю дыхание и продолжаю переставлять ноги. Еще немного, совсем чуть-чуть, и пальцы вытянутой руки коснутся шершавой двери.

— Даря смертным власть над стихиями, боги знали, что свет и тьму нельзя помещать в разные сосуды — настолько крепко они связаны, настолько зависимы друг от друга. И появились в мире маги светотени. Но люди боялись тех, чьи глаза то горели солнцами, то наливались чернотой, поэтому мощью собственного дара маги сумели тьму отделить, но не изничтожить. С тех пор она всегда рядом, в образе зверя или птицы, верная помощница и подруга, а маг при ней — пастырь собственной тьме и тьме в сердцах всего человечества, потому что как никто чувствует зло. Как никто способен ему противостоять.

Я помню это.

Проклятье! Помню каждое слово, хотя сколько мне тогда было? Три? Четыре?

Наконец я стою не на хлипкой дощечке, а на островке неровного, будто изломанного пола и осторожно поворачиваю круглую блестящую ручку. Та легко поддается, дверь открывается даже не со скрипом — с едва слышным перезвоном, но троица в комнате не обращает на него внимания.

Как и на меня, застывшую на пороге.

Девочки лежат в кроватках, а мама сидит на колченогом стуле между ними и поглаживает то золоти-

стую головку, то темноволосую. Рядом со второй, прямо на подушке, укутавшись в собственные крылья, дремлет совсем юный Кайо. Я знаю, что здесь он едва родившийся птенец, даже именем еще не обзавелся, но выглядит довольно крупным.

И мама... мама такая молодая, такая красивая. Темные локоны струятся по плечам, янтарные глаза смеются. В те дни она часто улыбалась, по крайней мере в моей памяти время горестей наступило гораздо позже.

Но более всего меня поражают, конечно, стоящие так близко кроватки. Я почти забыла, что мы и правда жили в одной комнате. Забыла, как по ночам две маленькие девочки тянули друг к другу руки и переплетали пальцы, чтобы вместе противостоять темному и опасному миру сновидений.

— Значит, свет сильнее всех стихий? — с легкой обидой спрашиваешь ты, и длинные золотые косы, лежащие поверх одеяла, встревоженно шевелятся.

Вторая девочка, маленькая я, наблюдает за ними с приоткрытым от восторга ртом.

— Нет слабых и сильных, все вы разные. — Мама склоняется и целует тебя в лоб. — Восточные огневики, южные воздушники, северные водники... и такие как ты, кому подчиняется сама земля. Вас мало, и каждый уникален.

— Я уникальнее, чем она? — Ты киваешь на соседнюю кроватку, и мама чуть сдвигает брови, но тут же снова улыбается:

— Других пастырей я встречала, а магов земли — нет. — Затем встает, еще раз гладит по волосам, целует нас обеих и, распрямившись, хлопает в ладоши.

Комната заглатывает мрак.

Секунда, две, три — и я не знаю, стою ли еще перед открытой дверью или уже камнем погружаюсь в темные воды. А может, сижу в желудке великана, и чтобы хоть что-то разглядеть, ему надо открыть рот.

В этой мгле нет ни верха, ни низа, и выхода нет, есть только я и... чья-то крошечная ладошка, сжимающая мою руку.

Я вздрагиваю, опускаю взгляд и на удивление вижу.

Вижу светящуюся девочку, трехлетнюю себя, в белой ночной сорочке. Она смотрит на меня, задрав голову, серьезно, внимательно, без тени улыбки, и спрашивает тоненьким голоском:

— Понравилось?

— Что? — отзываюсь я хрипло, тихо, словно любой громкий звук может ее спугнуть.

Хотя, кажется, как раз ее и надо бояться. На моем детском лице переливаются алым чьи-то чужие, нечеловеческие глаза.

— Представление, — пожимает плечом девочка. — Все почти дословно. Она уже тогда жаждала быть уникальной. А чего хотела ты?

— Я?

Единственная буква эхом разносится в темноте:
я... я... я... я... Я-а-а...

— Или я. Или мы. Чего мы хотели? Коснуться ее волос? Послушать еще одну сказку? Вместе построить замок из грязи и веток? Глупо. Мелко. — Девочка дергает уголком рта, почти скалится, а заметив мою оторопь, недовольно кривится. — Все святоши такие тугие? Ладно, давай сменим декорации.

После чего стискивает мои пальцы до хруста, до боли такой силы, что глаза застилают слезы, и лишь

через несколько мгновений я могу оценить новое окружение.

Точнее, старое, ибо это снова лес. Вроде даже тот самый, что я видела с берега, когда искала Принца. Тот самый, что сплетался вокруг бесконечным коридором и вел меня неведомо куда. Я протягиваю свободную руку, касаюсь влажного мха на коре ближайшего дерева, растираю его на подушечках пальцев.

— Настоящий, настоящий, — ворчит девочка. — Теперь все настояще. Много удовольствия торчать в твоей пустой голове...

И с меня словно спадают цепи. Я отстраняюсь, выдергиваю руку из ее хватки и призываю в ладонь свет. Пусть не чистый и слишком тусклый, словно что-то здесь мешает ему разгореться в полную силу, но он все еще способен навредить, кем бы ни была эта тварь.

Вот только она, похоже, считает иначе и лишь смеется, заливисто, от души.

— Кто ты? — спрашиваю я, отступая еще на шаг и выставляя руку со световым шаром перед собой.

Тварь чуть успокаивается и глядит на меня, по-птичьи склонив голову набок.

— Кто ты? — повторяю громче, с трудом, по капле, вливая в шар силу.

— Не узнаешь? — ухмыляется девочка с алыми глазами и начинает расти.

За несколько секунд я вижу все этапы своего взросления — от трехлетней розовощекой малышки до себя нынешней, худой, бледной, угловатой, с зачесанными в хвост волосами и в мокрой после морских приключений одежде. Тварь копирует даже царапины на щеке,

оставленные то ли щепками, то ли прибрежной галькой. И только глаза остаются чужими, пугающими сильнее, чем все это наколдованное сходство.

— Я — это ты, — отвечает тварь. — Я та, кого ты не сможешь обмануть.

Глава 13

Отражение

Хороших дней было немало, и это самое жуткое в моих воспоминаниях. Тот разительный контраст, что разделял твои ипостаси. Словно у меня было две сестры.

А может, перемены наступили постепенно и разум просто играет со мной, подкидывая то ласковый твой образ, то жестокий, то оба в одном лице, половина которого освещена солнцем, а вторая — в тени.

Но на обеих неизменно сияет улыбка...

Другая я двигается мягче, плавнее и быстрее. Я не успеваю даже подумать о том, чтобы ее обойти, как она появляется слева, или справа, или за моей спиной. И в руке ее точно такой же шар силы, только если мой — это свет с темными прожилкам, то ее — почти чистый мрак, испещренный золотыми нитями.

— Между прочим, это самовредительство, — говорит Другая. — Ну... если одна из нас решится напасть.

— Мы не одно и то же, — возражаю я, уже не пытаясь занять более удобную позицию. Так и стою напротив нее, словно перед зеркалом, и она тоже замирает. — Ты просто лесная тварь, морочащая людям головы.

Мне хочется разозлить ее, содрать лицо, как маску, и обнажить истинную суть, но получается только развеселить пуще прежнего.

— Любишь ты отрицать очевидное и утешаться полуправдой, — ухмыляется она. — Но ответь на вопрос: если прежде я не имела ни тела, ни сознания, если создана твоими воспоминаниями и твоей сутью — кто же я?

— Паразит? — парирую я, несмотря на ледяную корку, сковавшую внутренности, и Другая заливается хохотом.

— Пусть будет так, Девочка-которая-боится-себя-внешнего-Я.

— Ты ничего не знаешь о моих страхах.

— Я знаю о них больше, чем ты осознаешь.

Меня утомляет эта игра. И пугает даже крошечная вероятность того, что Другая — и правда мое отражение, созданное островом, поэтому я позволяю усталости взять верх. Уж лучше она, чем напряжение и все нарастающий ужас.

Я опускаю руки, стряхиваю с пальцев свет, который расходится по земле у моих ног волнами и исчезает, и взываю:

— Ну, а что дальше?

Тварь явно чего-то от меня ждет, иначе к чему было вытаскивать из глубин памяти тот давний разговор

с мамой? Да и убить меня она могла уже тысячу раз — я ведь не сопротивлялась, покорно шла, куда вела тропа, и теперь нет смысла изображать великого воина.

— Дальше? — Она тоже сбрасывает с ладони силу, снова по-птичьи склоняет голову и хмурится. — А чего ты хочешь?

Я едва не смеюсь:

— О, так ты у нас исполнительница желаний?

— Я у нас дурочка, заблудившаяся в лесу. Ой, погоди, это же про тебя... или мы все же одно и то же?

— Бесполезный разговор. — Я тру виски.

— Бесполезный, если ты не разберешься в собственных целях. — Другая пожимает плечами, отступает на пару шагов и усаживается возле одного из деревьев, прижавшись спиной прямо к его покрытому влажным мхом стволу. — Вот она я, твое нутро. Тьма и свет, ложь и правда, сила и слабость. Я помогу во всем, только признай.

Наблюдать за собой со стороны до того странно, что я сосредоточиваю все внимание на ее глазах. Так проще не забывать о демонической природе этой твари...

— Признать, что мы одно?

— Нет, знаешь, я передумала. — Она вытягивает ноги и покачивает ступнями в такт какой-то беззвучной мелодии. — Я лучше. Я — та, кем ты могла бы стать, если бы так отчаянно не трусила. Фальшивая святоша... До сих пор цепляешься за свои светлые оковы, хотя сестрица давно уже нас освободила.

Я вздрагиваю, но не позволяю поднявшейся волне гнева выплеснуться наружу. Наверное, мы и впрямь похожи и тактику выбрали одинаковую: разозлить, лишить равновесия. Нет уж...

— Освободила? — прищуриваюсь я. — Скорее убила.

— Смерть. — Другая фыркает. — Большое дело. Ничего в ней нет особенного. А вот возвращение... еще и в более совершенном виде — вот он, истинный дар.

— Считаешь себя... меня...

— Нас, — заканчивает она, когда я сбиваюсь с мысли. — Ты и сама запуталась, верно? Да, теперь мы совершеннее. Свободнее. Не скованы обжигающим светом. Ведь в чем его суть, а? Держать в узде. Стала ли ты хуже, впитав тьму? Нет. Просто теперь можешь лгать и приносить вред, не испытывая боли. Но можешь — не значит, что будешь. Это просто свобода. Свобода выбора. Мало праведности в честности и доброте, если вызваны они не заботой о ближнем, а желанием спасти собственную шкуру от мучений.

— Ты все переворачиваешь с ног на голову... — возражаю я, но не слишком усердно.

Потому что ничего нового не слышу. Я и сама об этом думала. Когда-то давным-давно... С твоей подачи.

— Я говорю правду. — Другая встает одним неестественно плавным движением и делает шаг ко мне. — Пастыри — подделка.

Еще шаг.

— Для того я тебе и напомнила те мамины слова о противостоянии злу. Какая же чушь!

Шаг.

— Искусственно созданные воины, которые обязаны творить добро, иначе их выжжет изнутри их же дар.

Я не двигаюсь с места, хотя она уже может коснуться меня, просто вытянув руку.

— Ты стала свободна в своих решениях, сливвшись с тьмой. И скажи, разве она — зло? Разве твой... —

Другая замирает прямо передо мной и после секундной заминки выдыхает его имя: — Кайо... разве он — зло? Нет, он такая же часть тебя, как рука или нога. Вы рождены быть единым целым, но заклятье древних магов вырвало его из твоей груди. Из нашей...

Ее дыхание пахнет льдом и железом. Ее глаза заливают чернота, а зубы заостряются.

Я уже собираюсь оттолкнуть ее, правда собираюсь, но Другая и сама отступает, вновь нацепив на лицо усмешку.

— Так что не лги хотя бы сама себе. А чтобы доказать, что мы и запятнанные тьмой способны на подвиги, идем спасать его.

— Кайо? — оторопело переспрашиваю я.

— Кайо? — Она смеется. — О нет. Он ждет там, куда ты так стремишься. Прямо путеводная звезда. Лучше не дергай за нить, не призывай его понапрасну, если хочешь добраться до цели. Нет, Девочка-из-тьмы-и-света, нам с тобой положен настоящий подвиг. Мы идем спасать принца.

Глава 14

Видеть

После сожжения башни я провела в Кронбрежском лесу не один месяц, по капле восстанавливая силы. Увы, мамин дар распознавать целебные травы мне не передался, а родной свет помогать отказывался — ведь это так эгоистично, лечить собственные раны.

Тьма же, готовая прийти на выручку, меня пугала и отвращала. Она уже не была частью Кайо, и мне казалось неправильным пятнать свое тело темной магией.

Ты бы повеселилась, наблюдая за моими терзаниями и за тем, как в попытках сохранить минимум чистоту я позволила следу от клинка застыть на моей коже уродливым шрамом.

Луна так и висит над лесом, недвижимая, словно мерцающая заплатка. Когда мы с Другой только отправи-

лись в путь, я решила, что провела в мороке считанные минуты, вот небо и не думает менять окрас на предрассветный. Но мы все идем и идем, а звездное полотно над головами так и остается прежним.

Точно и впрямь нарисованное.

— Здесь всегда ночь? — спрашиваю я, и шагающая впереди Другая на миг замирает.

— Нет, — бросает неуверенно через плечо. — Кажется, нет. Я помню палящее солнце и утреннюю росу на траве.

— Помнишь... и дорогу знаешь. А говорила, что рождена моей сутью.

Она больше не останавливается и не оборачивается, только раздвигает ветви и переступает камни. Никто теперь не расстилает передо мной проторенных троп, не сплетает вокруг коридоров, и со всеми этими препядствиями мы вряд ли успели миновать хоть пару верст.

— Рождена — нынешняя я. А прежде, наверное, была кем-то еще. Полагаю, кем-то более наблюдательным и сообразительным.

Странно, но я улыбаюсь — слишком уж Другая напоминает мне Принца. Даже мелькает мысль, а точно ли она именно моя копия. Может, ухватила что-то и от него? К примеру, эту страсть к словесным уколам.

— И как это работает? — не отстаю я. — Ты просто открываешь глаза и — хоп! — осознаешь себя новым человеком?

А может, я и сама чего-то от него нахваталась — по крайней мере, раньше не замечала за собой подобной болтливости.

Другая разворачивается на пятках так внезапно, что я едва успеваю остановиться, и глядит на меня гневно, неприязненно.

— Я не знаю, понятно? Это просто... происходит. Сейчас я ощущаю себя тобой. Чувствую тебя. Вижу каждый твой выбор, каждое сомнение. И все же где-то на самом донышке осознаю, что... не совсем существую... — Она умолкает и вскидывает руки. — И реакции эти — твои. Глупые эмоции. Уверена, в прошлый раз я была кем-то мудрым и хладнокровным, не переживающим о подобной чепухе.

Мне хочется заметить, что любой бы переживал, осознавая себя лишь чьим-то отражением, но раздражать ее еще сильнее явно не стоит. Поэтому я молча смотрю на нее, пока Другая наконец не разворачивается, чтобы продолжить путь.

Она уже сказала, что Принц угодил в ловушку. В чью — непонятно, на острове их великое множество, но Другая «видит» направление. Я не исключаю, что в ловушку ведут именно меня, а все разговоры о «нас» не стоят и медяка, но, пока есть хоть малейший шанс отыскать Принца, стараюсь верить в лучшее.

Он бы на моем месте верил. И доставал бы сам себя историями о дружбе с кроликами и прочими неблагодарными злодеями.

— Почему больше никого нет? — снова нарушаю я молчание, когда ноги уже гудят от усталости.

Другая передергивает плечами.

— Это прибрежный лес. Ничей. Здесь только торговцев ловить, но сегодня кораблей не ожидалось. Только ты не радуйся раньше времени, пустая полоса скоро закончится.

— И дальше...

— Дальше лучше держать рот на замке. Колода все время тасуется, я не знаю, к кому нас выведет.

Я покорно затихаю. Даже дышать стараюсь беззвучно и внимательно смотрю под ноги, чтобы не хрустеть ветвями и не шуршать листвой.

— Лишь бы не к каменюке... — бормочет напоследок Другая и тоже умолкает.

Время снова растягивается, лишая меня всяческих ориентиров, так что, когда лес редеет и ощутимо преображается, я испытываю радость — хоть какая-то перемена. Деревья словно расступаются в неуловимом танце, стволы их становятся шире, кроны — гуще, а земля над корнями — ровнее, ухоженней. Будто это и не дикий лес, а дворцовый парк, того и гляди заявится садовник, чтобы состричь все лишнее и пристроить в уголке пару розовых кустов. Я даже успеваю разглядеть узкие бледные тропинки, сплетающиеся тут и там морскими узлами, прежде чем Другая хватает меня за плечо и медленно, осторожно тянет назад.

Шаг за шагом, подальше от простора и ровных дорожек, подальше от неестественной, а потому по-дозрительной идеальности.

Мне достает выдержки не сопротивляться.

— Не задели... — выдыхает Другая, когда от волшебного парка нас вновь отгораживает завесь из кривых ветвей.

— Каменюку? — шепчу я.

— Нет. Там... это...

— Кто?

— Да тише ты. Я вспоминаю. Не так-то это просто, знаешь ли.

Она зажмуривается, трет переносицу, поджимает губы, и я отвожу глаза. Смотреть на собственные жесты со стороны почти больно.

— Лишние, — в итоге говорит Другая, снова заглядывая в просвет меж ветвей. — Лишние души. Бездна, сколько их.

Я пристраиваюсь рядом, тоже всматриваюсь в раскинувшуюся перед нами рощу и вижу только деревья.

— Лишние? — переспрашиваю тихо. — То есть отверженные?

Другая фыркает:

— Отвергают тех, кто пугает. Внешностью, даром, проклятьем. Отвергают непохожих, и они сами рады уйти в леса, чтобы не терпеть людских издевок. А этих, — она кивает на парк, — сочли лишним грузом. Сейчас и не разберешь, кто есть кто, но раньше это были старики,увечные, дети, раненые... все, кого отволокли на верную смерть в чащу, но даже дикому зверью они оказались не нужны. Так и слились с землей, но не упокоились. Теперь сразу попадают сюда, сестрица расстаралась.

Я вглядываюсь до боли в глазах в надежде узреть то же, что и она, но лес кажется пустым и мирным.

— Какие они? — все же не удерживаюсь, и Другая поворачивает ко мне ошеломленное лицо.

— Ты... не видишь?

— Вижу лес, красивый.

Она моргает, что-то бормочет себе под нос и, расправившись, оттаскивает меня в сторону.

— Ты должна видеть, иначе не пройдем. Бездна... Так, хорошо. Я помню. Только ты это... не подумай ничего такого... — Она подступает ко мне вплотную и вдруг, залившись краской, закрывает лицо руками. — Боги, мы еще и смущаемся! Нет, мне определенно не нравится быть тобой.

А потом без предупреждения целует меня в левый глаз — я едва успеваю его закрыть.

В веко словно вонзается осколок. Я вскрикиваю и отшатываюсь, пытаясь его вытащить, но нашупываю только горячую кожу, а когда смотрю на пальцы, на них нет ни капли крови.

— Что ты сделала? — шиплю я, опасаясь, что и так уже могла привлечь тех, кто притаился в роще.

Глаз полыхает огнем, дергается и открывается с трудом.

— Успокойся, не торопись. — Другая хватает меня за руку, когда я снова тянусь к лицу. — Сейчас пройдет.

Хочется в ответ огрызнуться, но я стискиваю зубы и жду, и вскоре боль действительно утихает. Правда, веко остается все таким же горячим, и в уголке глаза словно тлеет уголек из костра, но я уже могу держать его открытым и вижу прекрасно.

— И что это было?

Другая молча указывает на заросли, сквозь которые мы всматривались в рощу. Я снова раздвигаю ветви и не могу сдержать громкого всхлипа.

«Милый и ухоженный парк» отнюдь не пуст. Взгляд мой мечется от одного лишнего к другому, к горлу подкатывает тошнота, и рот наполняется кислым привкусом желчи. Я зажимаю левый глаз ладонью в надежде, что все это лишь глупая шутка Другой, очередной морок, и уродливые фигуры, застывшие в неестественных позах, развеются, словно дым на ветру. Но стоит опустить руку...

— Я бы не стала так шутить, — угадывает мои мысли Другая и неловко сжимает мое плечо. — Когда ты была в мороке, то знала, что это он. А теперь просто... видишь.

Вижу.

Еще как вижу.

Скрюченные, изломанные и разорванные на части тела. Жгуты мышц под содранной кожей, руки, вросшие в стволы деревьев, головы, торчащие из земли. Десятки, сотни... не людей, но тех, что когда-то ими были.

Одним повезло чуть больше (если в данном случае вообще уместно говорить о везении): они остались при своем и стоят на двух ногах, но шеи их свернуты, суставы перекручены. Другие распластаны на траве, и та проросла сквозь них, пронзила плоть, словно мириады тончайших зеленых клинков. Трети будто силились дотянуться до своих утраченных конечностей, да так и замерли в этом жутком порыве.

Никто не шевелится. Я знаю, они мертвы, но отчего-то не сомневаюсь, что любой готов наброситься, если почуяет рядом живого.

— У них нет лиц, — бормочу я, глядя на абсолютно гладкие, лишенные черт и волос головы.

Будто кукольник еще не успел выточить на деревянных болванках рты, носы и глаза.

— Как и у Смерти, — отвечает Другая, так и не сняв руку с моего плеча. — Мы можем поискать иной путь.

— А в этом лесу есть кто-то менее опасный?

— Здесь не один лес. Тысячи. И у каждого свой хозяин...

— Мимо которого все равно придется идти, — заканчиваю я. — Эти хотя бы не шевелятся, если их не трогать, верно?

Она неуверенно кивает, и я снова смотрю на лишних, на сей раз оценивающие, стараясь не давать волю страху.

Их много, больше, чем деревьев в роще, и чем дальше, тем толпа плотнее, но пройти все же можно.

Где-то проскользнуть под выгнутой спиной, где-то переступить через голову...

— Мы справимся, — решаю я, и Другая фыркает.

— Не притворяйся. Я же знаю, что в тебе нет этой уверенности.

— Потому что ее нет в тебе? — Мы переглядываемся, и губы сами собой растягиваются в невеселую улыбку. — Что ж, по половинке с каждой, и наберется одна решительная героиня.

Она тут же серьезнеет и, разжав хватку, отходит.

— Во-первых, если вдруг... то никакой магии — ни света, ни тьмы. Она их привлечет и усилит. А во-вторых, если выберется только одна... — Я открываю рот, но Другая вскидывает руку, не давая вставить слово: — Если выберешься *только ты*, дальше иди прямо, строго на восток. Как бы ни изгибались тропы, как бы ни было сложно продираться сквозь заросли — не сворачивай. Я не знаю, в чьей ловушке Принц, но он жив. Страдает, напуган, но жив.

— Оказывается, я склонна к упадническому настроению, — неловко шучу я.

— О, мы крайне мрачная особа.

Она смотрит на меня еще мгновение, затем подносит палец к губам и первая выходит из нашего укрытия.

Я осторожно крадусь следом.

Несколько шагов удается сделать спокойно, а потом я оказываюсь возле ближайшего лишнего — и сердце вжимается в ребра. Он невысок — ребенок или старик? — и болезненно худ. Голова его откинута назад, горло разорвано, а кисти рук вросли в живот, будто он пытался что-то там отыскать, пока рана затягивалась.

Я слатываю и иду дальше, с трудом сдерживаясь от желания прикрыть левый глаз.

— Не вглядывайся, — слышу голос Другой, хоть он и не громче выдоха, и обхожу следующего лишнего — на сей раз широкого, как бочка, и наполовину вкопанного в землю.

«Не вглядывайся». Отличный совет.

Шаг за шагом мы минуем половину рощи, и вот уже протискиваться между лишними становится совсем сложно. Кажется, они повсюду: тянутся к нам из травы, свисают с деревьев, перегораживают тропы. Пару раз приходится подныривать под выставленные руки, еще несколько — переступать через скорчившиеся на земле тела.

И ведь хватает и других препятствий — кочки и камни так и лезут под сапоги, словно норовят нас опрокинуть.

Интересно, что будет, если я здесь умру? Стану одной из них или?..

Когда Другая все же запинается и падает прямо на одно из тел, при этом пошатнув стоящее рядом, я перестаю дышать. Она не издает ни звука, быстро вскакивает, и мы обе замираем.

Будто надеемся на чудо. Что никого не потревожили. Что можем спокойно идти дальше.

Но чудеса на острове Отверженных столь же уродливы, как его обитатели.

Лишние оживают одновременно, и хоть на лицах их нет глаз, все они поворачиваются к нам. Наверное, как Принц видит чары в темноте, так и монстры видят своих жертв. Чувствуют нутром.

— Беги! — кричит Другая, со всей силы отталкивая высокого безрукого лишнего.

Он покачивается, точно деревце на ветру, но не падает.

А я бегу.

Насколько это возможно, когда кругом такое столпотворение. Бегу, прыгаю, пригибаюсь, расталкиваю неповоротливые тела локтями. Когда торчащие из стволов руки хватаются за плащ — сбрасываю его, оборвав завязки.

Самое страшное в лишних — безмолвие. Они не рычат, как звери, не воют угрожающие и даже наступают так тихо, будто и не касаются земли. Разве что суставы потрескивают — щелк-щелк-щелк.

— Эй, сюда, уродцы! — вдруг зовет Другая. — Кому еще ручки-ножки недооторвали?

Я думала, она несется следом, но голос звучит в стороне.

— Не смей! — снова кричит она, когда я разворачиваюсь на звук. — Принц ждет!

Но я уже замедлилась, почти остановилась, и тут же попала в чьи-то смердящие объятия.

С предплечий, обхвативших мой живот, свисают куски плоти, и я вонзаю в них ногти, царапаюсь и лягаюсь, пока лишний не отступает. Но следующий уже тянется ко мне из-под земли.

— Да беги ты, дура! — вопит Другая. — Или я побегу, и делай что хочешь.

Вооруженная невесть где откопанной палкой и камнем, который тут же швыряет в толпу мертвецов, она выглядит весьма воинственно.

— Сюда, вонючки! Хорошие песики!

Я не заметила у лишних ушей, но они явно ее слышат и идут на зов, так что вокруг меня становится свободнее. А Другую меж тем берут в кольцо.

— Пошла вон! — снова приказывает она, и я вдавливаю сапогом в землю чью-то ладонь, пинаю подползающее ко мне тело и, перепрыгнув через пару сросшихся голов, мчусь дальше.

Я не смотрю на лишних, сосредоточив все силы на том, чтобы случайно не призвать магию. Меня хватают. Кажется, кусают за плечо и голень, обрывают рукав рубахи, царапают спину. Я чувствую боль и пламя, въедающееся в кожу, но продолжаю вырываться, бить, пинать и бежать.

«Никакой магии, никакой магии. Ни света, ни тьмы...»

— Сюда, сюда! Не проходите мимо! — все созывает мертвецов Другая и, кажется, нарушает собственный запрет.

Во мне что-то дергается, натягивается, ощущив родственную силу, а бежать становится еще легче — почти все мертвецы устремляются прочь, на запах чар.

— Передай Принцу, — кричит Другая будто совсем далеко, — у нужного треснута рама... Эх, в следующий раз поживу подольше... Только бы стать кем-то менее жертвенным и благор...

Голос ее обрывается.

Я чувствую горячие дорожки слез на щеках и готовый сорваться с губ вопль, но держусь, держусь до последнего. И только запутавшись в кривых, совсем не подходящих ухоженному парку ветвях, только обернувшись и осознав, что преследовавший меня лишний не смеет шагнуть дальше невидимой черты, я даю волю злости.

Рыдания рвутся из груди дикими птицами, отчего слов, которые я выкрикиваю, совсем не разобрать. Они сливаются в бессвязный вой боли и отчаяния.

Не знаю, кого я оплакиваю — лесную тварь, приявшую мой облик, себя саму или неупокоенных мертвцевов, ставших жертвой людского безразличия и твоих амбиций.

Время растягивается и сжимается. Луна и звезды висят над кронами нарисованной картинкой. Щелк-щелк — щелкают суставы.

Я стою на границе двух лесов, смотрю на безликого мертвца, который расхаживает меж широких стволов, словно привратник, и на шевелящуюся кучу тел за его спиной. Где-то под ними погребена Другая.

И я не уверена, что именно мне, а не ей стоило выбраться из рощи лишних.

FAWN

Глава 15

Как ты

Незадолго до смерти мама рассказывала, что давным-давно ты любила сидеть у колыбельки, наблюдая за моими неуклюжими попытками приподняться и слушая счастливый смех, когда все удавалось. И в те минуты волосы твои сияли ярче солнца.

Поэтому я знаю, что ты могла получать силы не только от боли и страданий, но предпочла иной путь.

Идти «строго на восток» сложно.

Я не доверяю ориентирам этого леса, не доверяю тропам и собственным глазам, и неподвижное небо не помогает, так что приходится обратиться к чарам.

И к свету, и к тьме.

Первый — серебряной нитью прорезает чащу, указывая дорогу, а вторая — медленно и неохотно затягивает раны, нанесенные зубами и когтями лишних. Привалов я не делаю, исцеляюсь прямо на ходу.

Другая сказала, здесь тысячи лесов, и каждый кому-то принадлежит, и я, кажется, прохожу минимум через два владения — настолько разные в них и деревья, и земля, и даже камни. Но никто не пытается меня пленить или убить, никто не выходит навстречу и не наблюдает за мной из кустов — я бы заметила, с таким-то глазом.

В нем все еще теплится огонь, но с каждым часом все слабее, и я надеюсь добраться до Принца прежде, чем действие поцелуя Другой закончится. Уверена, без второго зрения вытащить его из ловушки будет непросто.

Когда нить света внезапно обрывается, точно перерезанная ножницами, жжение уже едва ощутимо, но я все же вижу дверь, бросшую в землю, словно еще одно дерево. Ослепительно белая, с бронзовой, местами потертой круглой ручкой, она исчезает, стоит прикрыть левый глаз, и появляется снова, едва я убираю от лица ладонь. Все попытки ее обойти заканчиваются провалом — в какую бы сторону я ни повернулась, куда бы ни пошла, дверь снова встает на пути, окруженная ветвями и мерцающей, будто крошечные жужжащие фонарики, мошкарой.

Не знаю, это ли моя цель и можно ли прорваться дальше с закрытым глазом, но даже пробовать не собираюсь. От таких настойчивых приглашений не отказываются.

С какой-то потаенной радостью, замешанной со злостью на весь этот проклятый остров, я реши-

тельно поворачиваю ручку — и дверь покорно открывается, чтобы явить мне... все тот же лес. По крайней мере, так кажется в первую секунду.

И лишь когда я переступаю порог, когда отпускаю створку и та бесшумно растворяется за моей спиной, все вокруг преображается. Чаща расступается, оставив меня на широкой, усыпанной цветами поляне, в самом центре которой красуется небольшой бревенчатый дом. Треугольная крыша его скособочена, будто залихватски сдвинутая на одно ухо шляпа, а выкрашенные в оранжево-желтые оттенки ставни и крыльцо в лунном свете словно полыхают kostрами. Под одним оструганным боком юится поленница, под другим — ведра и метелки. Окна темны, но из заломленной трубы-молнии струится дымок.

Дом выглядит игрушкой, позабытой на поляне рассеянным ребенком, но игрушкой жутковатой, так что навстречу к ее хозяину я не тороплюсь. Вместо этого обхожу по кругу, стараясь держаться поближе к лесу, присматриваюсь, то закрывая, то открывая левый глаз — картина не меняется, — и уже направляюсь к крыльцу, когда наконец замечаю Принца.

Он здесь, он правда здесь, стоит среди цветов, утопая в них, будто в озере. Я бросаюсь к нему, не думая, не медля, но, когда ноги начинают вязнуть в земле, как в болоте, отступаю, пячусь, возвращаюсь на твердую почву и присматриваюсь. Принц и впрямь тонет в этой поляне. Тонет и не понимает, потому что видит перед собой нечто совсем иное.

Я тоже вижу. Ловлю насланный на него морок краешком поцелованного глаза, почти утратившего столь ценный дар Другой. Морок, в котором Принц не один.

Напротив него, сплетенная из тьмы и света, из ониксовых нитей и серебра, мерцает призрачная фигура, которую я сразу же узнаю, несмотря на минувшие годы, не пощадившие никого. Это твой спаситель, самолично пронзивший мамино сердце. Твой муж, положивший к твоим ногам королевство. Правитель Олвитана, безумный, отравленный твоим ядом.

Он нависает над Принцем мрачной тенью, но и ты, ты тоже здесь. Почти неразличимая — лишь сизый дым за спиной супруга. А вот голос твой, трагичный, как все поэмы мира, и прекрасный, звучит громко и отчетливо.

— Он смотрит на меня, — говоришь ты, и невесомый дым касается плеча Короля. — Сматривает, едва ты отворачиваешься...

— Не верь ей, брат, эта змея... — пытается оправдаться Принц, но ты всхлипываешь — и Король хватает его за горло.

— Он был... был в наших покоях, когда я проснулась, — продолжаешь ты. — Нет-нет, я не позволила себя коснуться, но эти глаза... эти жадные глаза...

— Больше они тебя не потревожат, — обещает Король, когда ты печально умолкаешь, и, продолжая удерживать брата, вскидывает вторую руку.

Что-то сверкает между пальцев. Что-то тонкое и острое. А в следующий миг образы тают, и я слышу только полный боли крик Принца.

Глаз мой остывает, словно брошенный в ледяную воду уголек, я больше не вижу того же, что и он, лишь снова и снова слышу:

— Не верь ей, брат, эта змея...

И следом этот нечеловеческий вопль.

Принц застрял в воспоминании, и страшно представить, сколько раз ему уже пришлось его пережить, пока я сюда добиралась. И сколько еще придется...

Я мечусь у края топкой поляны, зову его, тянусь светом и тьмой, но все чары упираются в невидимую преграду, каплями стекают вниз и впитываются в землю. Тогда я на пробу бросаю мелкие камешки — и они спокойно долетают до Принца.

Значит, нужно что-то... материальное. Длинная ветка или?..

Метла!

Я бросаюсь к дому, только в нескольких шагах от него замедлившись, затаив дыхание и даже пригнувшись. Конечно, если внутри кто-то есть, он мог уже слышать мои мольбы и проклятья, обращенные к Принцу, но даже запоздалая осторожность лучше, чем никакой. Так что я крадусь к целой охапке метел, торчащих из глубокого деревянного ведра, и даже успеваю ухватиться за черенок, когда сверху доносится спокойный мужской голос:

— Короткая, не дотянешься.

Я застываю, так и не разжав пальцы.

— Да отомри уже иди в дом, — продолжает голос. — Не съем.

Сомнительное обещание, будто быть съеденной — единственная опасность, но я все же иду — и иду быстро. Потому что Принц в земле уже по пояс, а метла и правда коротковата.

Крыльце до того чистое, что мне неловко ступать на него прошедшими полмира сапогами. Я подумываю их снять, но тут же отбрасываю эту мысль, лишь стучу подошвами друг о друга и поднимаюсь по огненным ступенькам.

— Надо же, — тянет бестелесный голос. — Бруни оценят.

Дверь распахивается сама, стоит к ней только приблизиться, и сама же закрывается за моей спиной. А я наконец вижу Хозяина.

Он сидит на низком стульчике у очага и ловко орудует спицами, под которыми пляшут и сплетаются в длинный шарф зеленые мерцающие нити. Шарф этот занимает уже всю комнату, змеями сворачивается по углам, свисает со стропил, теснит со стола посуду, и ходят вдоль него мелкие, не больше моей ладони, существа с не то мохнатыми, не то пушистыми, как одуванчики, телами, вполне человеческими руками и ногами и носами такими выдающимися, что и лица за ними не разглядеть. Они орошают шарф водой из крохотных леек — и на влажной шерсти проклевываются полевые цветы.

Пахнет в доме утренним ветром и свежими травами, медом, землей и смородиной. И светло здесь как днем, хотя снаружи окна наверняка все такие же темные.

Я теряюсь от этой сказочной картины и боюсь сделать шаг, чтобы не наступить на вездесущий шарф или одного из маленьких садовников, поэтому так и мнусь у порога, разглядывая хозяина.

Босого, в коротких, словно оборванных, штанах и свободной светлой тунике, вдоль и поперек расписанной грязными отпечатками крошечных ладоней. В одну секунду кажется, что он немыслимо стар, а в другую — что неприлично молод. Короткая борода его седа, но волосы, заплетенные в миллионы кос, переливаются всеми цветами радуги. Он улыбается в пышные перламутровые усы и не отрывается глаз от спиц, но явно замечает мое смятение.

— Не стесняйся, девочка, проходи, — говорит. И тут же кричит на своих помощников: — А ну, расчистите путь, ленивые бесы!

Те с возмущенным писком взмывают над полом, барахтаются в воздухе, точно в воде, и, опустившись через пару мгновений, начинают споро оттаскивать в стороны перекрывающий дорогу шарф.

— Давай-давай, девочка, — подбадривает Хозяин, когда я осторожно шагаю на узкую ленту чистого пола, — бруни не тронут, безобидные они. А у меня тут и стульчик есть. Устала, поди?

Еще как устала, но на стул, по щелчку пальцев возникший из ниоткуда, садиться не собираюсь. Как и подходить к старику-не-старику слишком близко.

— Отпустите моего друга, — прошу я, но получается слишком требовательно, так что добавляю: — Пожалуйста.

— О как. — Он наконец поднимает на меня глаза, пронзительно синие... или зеленые... или цвета мокрого дерева... и снова синие. — Не любишь вокруг да около расхаживать, значит. Похвально.

— Он мучается. И тонет в этой вашей ловушке. И скоро умрет.

— Может, умрет, — склоняет голову Хозяин — косы сталкиваются и звенят, словно колокольчики. — А может, и нет.

— И что нужно, чтобы «нет»? — прямо спрашиваю я.

— О, сущая мелочь...

Он встает. Без кряхтения и стонов, почти подскакивает по-молодецки, и спицы вместе с клубками пряжи застыают в воздухе, а по комнате снова разносится перезвон.

— Есть два варианта. Первый — твой друг сам спрашивается с прошлым, и тогда земля его отпустит. А второй — ты выполнишь какую-нибудь мою просьбу, а я его освобожу. — Хозяин щелкает пальцами. — Вот так.

— Какую-нибудь? — невесело хмыкаю я. — Думаю, вы прекрасно знаете, о чем будете просить.

— Умная. Вся в сестрицу.

Его осведомленность не удивляет. Вряд ли хоть одна из местных тварей не знает, не видит, не чувствует, кто я такая. Ты связала их всех, согнала на один остров, стала их повелительницей. Разумеется, они слышали о твоей недоубиенной сестре.

Но о сходстве нашем старик упоминает зря.

— А по-моему, у вас с ней гораздо больше общего, — замечаю я, кивнув на окно, за которым Принц снова и снова лишается глаз. — Получаете силу из чужих страданий.

— Или счастья! — Хозяин воздевает палец к потолку. — Мне, в общем-то, без разницы. Он сам угодил именно в этот капкан, а ведь мог раз за разом испытывать иное чувство.

Я молчу несколько мгновений и все же решаюсь спросить:

— Значит, и ей все равно?

— Думаешь, мы одинаковые?

Он вздыхает и вдруг опускает плечи, горбится, почти скучоживается и тяжело падает обратно на стул возле очага, а на колени его тут же взбирается пара встревоженных бруни. Они что-то пищат, будто мыши, и все поглядывают на меня — уверена, что возмущенно, хоть и не вижу за носами лиц.

— В чем-то... может быть... Но я отдался стихии, слился с ней, за что теперь и плачу. Вечный хозяин

леса, тьфу. А сестра твоя хочет властвовать, в том числе и над даром. Так что не знаю, девочка, поможет ли ей чужое счастье. Справится ли она с такой силой.

— И как же... — начинаю я, но Хозяин перебивает:

— Нет. Не смей. Я не скажу. И никто здесь не даст тебе ответа, если дорожит жизнью. Какая-никакая, а она у нас есть.

Пока мы говорим, свет тускнеет, сочный травяной шарф будто теряет краски, и покрывающие его цветы осыпаются пеплом. Заметив это, совсем подряхлевший на вид Хозяин снова вскакивает, отчего бруни кувырком летят на пол, и укоризненно качает головой:

— Заболтала старика, вогнала в уныние. И не стыдно? Негодница. А ну, говори, будешь ждать, когда другожок твой сам выберется, или выполнишь пустяковую просьбу?

Я сильно сомневаюсь, что просьба будет пустяковой, но иного выбора не вижу. Принц бы не увяз так глубоко, если бы мог справиться сам.

Так что я поджимаю губы и киваю:

— Второе. Что нужно сделать?

— О, всего-то наведаться к моей соседушке и принести мне яблоко из ее сада. Я тебе даже клубок путеводный дам, не заблудишься.

Обещанный клубок падает мне в руки прямо из воздуха, едва успеваю поймать. На вид — пряжа пряжей, а на ощупь — пучок свежесорванных трав. И пахнет так же.

Я мну пальцами твердые, хрусткие нити и поднимая взгляд на хитрого старика.

— И кто же ваша соседка?

Он ухмыляется:

— Каменная Дева.

Глава 16

Раз, два, три, четыре, пять

На самом-самом севере Лостады есть уголок, где о тебе очень долго ничего не слышали. Я добралась туда в поисках союзников, но осталась, пытаясь найти в себе решимость вернуться в мир, разоренный твоей жестокостью.

И лишь в свою шестнадцатую зиму, практикуя магию в промерзшей горной пещере, я поняла, отчего твой взор так долго не падал на эти земли.

Ты пока не стала страшнее холода и голода. Тебе пока нечем было сломить суровый северный народ.

Что Принца заберу с собой, я объявляю сразу.

Ведь вряд ли Хозяин леса отпустит его, если я погибну в пути. А еще я почти уверена, что Каменная Дева — это та самая «каменюка», которую Другая опасалась больше прочих отверженных, и идти к ней в одиночку мне совсем не хочется.

Но если первый аргумент я приберегаю для себя, то о втором говорю открыто:

— Если бы забрать яблоко из сада было так просто, вы бы и сами справились.

Хозяин только причмокивает губами и качает головой.

— Я даю слово, что вернусь, если слова в этом мире еще чего-то стоят. Или свяжите меня чарами для надежности.

А вот на это он прищуривается, принюхивается и кивает:

— Хорошо. Обойдемся без чар, но раз с тобой идет друг, возьмешь заодно и моего.

Заслышиав уже знакомый писк, я опускаю взгляд и вижу одного из бруни, карабкающегося по моей штанине. Затем он перебирается на рубаху, едва окончательно не оторвав рукав, надорванный лишними, и вскоре устраивается на правом плече.

И все же это мех, а не пух... плотный такой, сероватый мех. Наверное, поэтому и весит бруни немало, хотя с виду совсем кроха.

— Как сорвешь яблоко, — говорит Хозяин, когда мы выходим из дома, — передай бруни, и он вернется ко мне. А еще не смей ничего есть в ее саду. Дева хитра и жестока, обычных ягодок там не растет.

— Очень вдохновляет, — бормочу я, и он смеется.

И тут же расцветает, ступив босыми ногами в траву. В прямом смысле расцветает. Из коричневой кожи

его загорелых рук пробиваются листочки да бутончики, в радужных волосах набухают почки, а по лицу и шее ползут выюнки. Хозяин будто даже становится выше ростом и шире в плечах, и теперь язык не поворачивается назвать его стариком. От земли к нему тянутся длинные толстые стебли, по пути встречаясь, переплетаясь, и зеленым посохом ложатся в крепкую мужскую ладонь.

Тук-тук-тук — бьет Хозяин посохом о землю в такт своим шагам, и я вижу, как почти исчезнувшего в цветочном озере Принца буквально выплевывает на поверхность. И падает он не обратно в трясину, а на твердую почву.

Падает и не встает.

Я подбегаю к Принцу, опускаюсь рядом на колени, трясу его за плечи и, уловив ровное дыхание крепко спящего человека, гневно смотрю на подоспевшего Хозяина:

— Разбудите его.

— О таком уговора не было, — улыбается тот, и мне в ухо визгливо хохочет чудом не свалившийся бруни. — Хотела забрать — забирай такого.

«Не расслабляйся среди отверженных, — напоминаю я себе. — Он может казаться сказочным и милым, а потом посадить тебя в соседнюю с Принцем клетку памяти».

Я стискиваю зубы, встаю и, отступив на несколько шагов, призываю силу. Страшно, что она опять упрется в незримую преграду, но нет: обожающий форму свет толстыми гибкими лозами устремляется к Принцу, ныряет под него, окружает со всех сторон прозрачным коконом, внутри которого тонкой пропыней стелется тьма. Ее приходится выпустить почти целиком, на-

столько мало ее в моих жилах, но иначе свет может обжечь, поранить, навредить...

Когда готовый кокон взмывает над землей, поднимая Принца, я снова смотрю на Хозяина. Без злорадства или гордыни, скорее устало, а в ответном взгляде вижу бездну удивления.

— Маг светотени, — качает он головой. — И ты даже не попыталась меня одолеть, с такой-то силой?

— С какой?

Всегда считала свои силы довольно посредственными и бесполезными в большинстве испытаний. К тому же он не знает, что это *вся* моя тьма, а остальное где-то летает в облике птицы. Я порой тянусь к ней, осторожно нащупываю мерно бьющееся сердце Кайо и отступаю. Он жив и, кажется, доволен, поэтому пусть и правда остается на месте, как советовала Другая.

— Занятно, — бормочет Хозяин в усы. — Может, и добудешь мне яблочко...

— А прежде вы в успех не верили? — усмехаюсь я.

Он только плечами пожимает, и из покачнувшихся волос с писком вываливаются несколько бруни.

— Всякое случается... Сад совсем близко, всего один лесок миновать, но на этом пути хватает нечисти. Кого только не встретишь...

Действительно, кого только...

— Я встретила двойника, — вдруг выпаливаю, пока не передумала. — Она сказала, что рождена моей сутью, но прежде была кем-то другим. Другими. Она знала все обо мне, показывала прошлое и вела себя как мое... мое...

— Отражение, — заканчивает Хозяин, и изменчивые глаза его вспыхивают солнцами. — И где же она? Где?

— Сначала скажите, кто она такая.

Он щурится, клонит голову туда-сюда, и маленькие человечки качаются на косах, будто матросы на такелаже, и наконец отвечает:

— Королева свезла на остров немало волшебных зеркал. Одно из них разбилось, и ты повстречала его Осколок. Редкость в наших краях. Большая удача, коли готов смотреть в глаза правде. И страшная мука, если нутро твое гнилое, как прошлогодний паданец. А еще... ты задавала ей вопросы?

— Вопросы? — хмурюсь я. — О чем?

— Обо всем. Об острове. О себе. О том, о чём собиралась спросить меня. Зеркала связаны, многое видят и слышат, многое знают. И будучи тобой, Осколок мог и ответить.

А я потратила шанс на всякие глупости. От досады щиплет глаза. Или от необъяснимого, нелогичного чувства потери чего-то важного. Части себя...

— Если бы ты привела ее ко мне, — продолжает Хозяин, — мы бы сразу договорились. Отличный обмен, и не пришлось бы никуда идти.

— Она умерла, — говорю я резче, чем собиралась. — Пожертвовала собой, спасая меня.

Он опускает вмиг потухший взгляд:

— Ну, «умерла» — неверное слово. Впрочем, это делает тебе честь.

— Вряд ли я настолько благородна, — морщусь я.

— Стоило повнимательнее взглянуться в отражение.

И с тихим вздохом он отходит на несколько шагов, снова стучит посохом, и клубок, вырвавшись из моих рук, падает в траву и катится прочь.

Путь его отследить несложно по дрожанию бутонов и сломанным стебелькам, но проводник словно боится

быть потерянным, так что порой выпрыгивает на поверхность, крутится в воздухе, машет свободным концом и снова прячется.

Я не прощаюсь с Хозяином, ведь собираюсь сдержать обещание и вернуться, и все же он кричит мне в спину, стоит только оказаться у края поляны:

— Обманешь — и бруни тебя убьет!

Я улыбаюсь, слушая воинственный скрежет крошечных зубов возле уха, взмахом руки посылаю паящего Принца вперед и сама иду следом.

За клубком.

В новый лес.

Хозяин уверял, что «лесок» небольшой и минуем мы его быстро, но пару часов спустя просвета все еще нет. А вот в другом он не соврал — нечисти здесь и правда пруд пруди, встретить можно кого угодно.

Принцу хорошо: он спит в коконе, его не тревожат жадные взгляды из-за кустов и валунов и внезапные столкновения нос к носу с чересчур любопытными существами. Или чересчур голодными. А я разрываюсь между тем, чтобы не уронить его наземь, и тем, чтобы не дать погаснуть свету во второй руке. Он и зверье отпугивает, и путь озаряет, ведь в этом лесу намного темнее, чем в предыдущих. Звезды и луна будто сбежали с небес по каким-то более важным делам, и если бы не странные светлячки, гнездящиеся в кронах деревьев, мир бы погрузился в кромешный мрак.

Шар в ладони тает с каждой минутой — силы мои истощаются... И Хозяин думал, будто я способна его одолеть?

Я невесело хмыкаю, и задремавший на моем плече бруни недовольно ворчит.

А вот когда на тропинку выползла лысая старуха на паучьих лапах и мне пришлось обжечь ее плетью — даже не шелохнулся. И когда я криком и вспышками прогоняла с дороги призрачных детишек с опаленными лицами — тоже.

Когда страх и напряжение так долго сминают ребра, чувства притупляются, и теперь уже кажется, что я не иду, а плыву в полусне, не слишком переживая о том, кто еще выпрыгнет из чащи.

Главное — переставлять ноги. Снова и снова. Раз, два, три...

— Четыре, пять, — заканчивает за меня звонкий девичий голос, и среди деревьев мелькает что-то белое.

— Раз.

— Два.

— Три.

— Четыре.

— Пять, — доносится по очереди с разных сторон.

Я улавливаю еще одну белую вспышку. И еще. Слышу смех. А пустив во все концы световую волну, успеваю заметить, что это несколько девиц в бело-снежных сарафанах.

Свет обрывает их голоса, заставляет спрятаться за стволами, но едва волна затихает, как круги на воде, когда брошенный камень идет ко дну, и незнакомки снова начинают считать:

— Раз.

— Два.

— Три.

— Четыре.

— Пять.

- Вышла Ведьма погулять...
- Ведьме темень нипочем...
- Ведьма станет палачом...
- Ведьма Принца стережет...
- Ведьма нечисть обожжет...

Я кручусь на месте, стараясь уследить за мельканием сарафанов и заразительным смехом, но девицы передвигаются слишком быстро.

- Дай нам с Принцем поиграть...
- Принцев нужно целовать...
- Ну же, Ведьма-егоза...
- Мы вернем ему глаза...
- Пошли прочь! — кричу я и из последних сил посылаю еще одну волну, на сей раз желая не ослепить, а навредить.

Свет проносится по чаще золотым диском, спиливая ветви и даже тонкие деревца. И не только — судя по тому, как смех одной из девиц перетекает в визг.

Увы, боль не излечивает от страсти говорить стихами, потому что, едва вокруг снова сгущается тьма, отверженные заводят свою постылую песнь — разве что голоса теперь звучат гораздо злее:

- Раз.
- Два.
- Три.
- Четыре.
- Пять.
- Ведьму надо наказать...
- До смерти защекотать...
- Щекотать...
- Щекотать...
- Щекотать...

Они почти шипят, и, кажется, совсем близко, но как я ни вглядываюсь в застывший лес, как ни распаляю шар в руке, больше не вижу ни сарафанов, ни разевающихся за девичьими спинами длинных волос. А вскоре и шипящие обещания смерти, летевшие из-под каждого корня, из-за каждого куста, затихают. Почти обрываются.

Я поворачиваюсь к Принцу убедиться, в порядке ли он, и застываю под оглушительный визг бруни, который, похоже, первый заметил еще одного вышедшего навстречу местного обитателя.

Кто это, так сразу и не разобрать. Тело у него кошачье, но с тремя хвостами, голова — орлиная и рогатая, и таких длинных и изогнутых спиральными рогов я прежде не видела ни у одного зверя. Но больше всего пугает и поражает полностью прозрачное брюхо, в котором плещется лазурная вода и беззаботно плавают три золотые рыбки.

Зачарованная этим зрелищем, я не сразу замечаю, как один рог меняет форму, словно оплавившая свеча, и юркой змеей заползает к Принцу в кокон. А тот хватается за него как ни в чем не бывало и шепчет мне:

— Не нападай. Это горгобор. Пока он рядом, никто не тронет.

Зверь, дав Принцу секунду подержаться за рог, отступает. Рыбки кувыркаются в воде, бьют хвостами и сияют все ярче.

— И давно ты очнулся? — вкрадчиво спрашиваю я.

— Когда была паучиха, — признается Принц и тут же поднимает ладонь, к которой словно присосались золотые рыбки чешуйки. — Прикосновение к горгобору приносит удачу.

— Не в ближайшие минуты, — говорю я и развеиваю кокон.

Парил он не то чтобы на огромной высоте, но падение явно болезненное. Принц охает, с трудом садится, держась не позолоченной рукой за спину, и обиженно кривит губы:

— Я, между прочим, не прохлаждался, а вызывал нам защитника. — Он кивает на зверя. — Нельзя было отвлекаться.

— И как же ты его вызывал?

Я в ту сторону стараюсь не смотреть, настолько дико выглядит это озерное брюхо. Ни собственный двойник, ни лишние, ни старуха-паучиха и кровожадные детишки не пугали меня так сильно. И вместе с тем свет мой словно тянется к горгобору, признает в нем старшего брата и защитника и сам собою впитывается в кожу.

Без шара в ладони становится нервно и неуютно, и я прячу руки за спину.

— По легенде, его создал один из древних королей Олвитана, жаждущий ни в чем не знать поражений. — Принц с кряхтением поднимается и предупреждающе вскидывает подбородок, едва я делаю шаг, чтобы помочь. — Но зверь получился слишком умным и сбежал. В сказках говорится, что любой, в ком есть королевская кровь, может воззвать к горгобору, находясь в его лесу. И поскольку всех отверженных и просто странных существ согнали сюда, я решил...

— По легенде, в сказках, — повторяю я. — То есть ты просто лежал и взывал к монстру из баек, который мог даже не существовать?

— Ну так получилось же.

Ага, получилось.

Мне хочется сказать Принцу слишком многое, но клубок нетерпеливо подпрыгивает на тропинке, бруни, кажется, примеряется зубами к моему уху, а горгобор и вовсе, не дожидаясь нас, уходит вперед, бесшумно загребая землю кошачьими лапами. Только плеск воды и слышен...

— Он нас проводит, — объясняет Принц и шагает следом, а мне остается лишь замкнуть эту безумную процессию.

— Ты хоть представляешь, сколько воинов и авантюристов полегло в попытках отыскать удачу горгобора? — бросает Принц через плечо.

— Столько же, сколько и в поисках любого другого мифического сокровища, — отвечаю я.

— Где твой дух приключений?

— А где был твой, когда я отбивалась от каких-то щекотуний?

— Русалок, — поправляет он, и я хмурюсь.

— Это тоже что-то олвитанское?

— Скорее трогмеретское. Лесные девы, любят смертельную щекотку и не только. Если б рядом был водоем, они бы предложили тебя утопить.

— Ага, если бы нашли рифму.

Теперь мы идем бок о бок, и я, повинувшись странному порыву, хватаю Принца за руку. Так гораздо лучше. Спокойнее. Он замирает на мгновение, но потом сжимает мои пальцы в ответ.

Бруни похабно хихикает.

Что нужно сделать, чтобы он наконец с меня свалился?

— На самом деле они не очень-то старались. Так даже я могу. Ну, например... — Принц прокашливается

и декламирует: — Ведьмe надоело жить, Ведьмe надо утопить!

— Хочешь к ним? А то я устрою. Обсудите тонкости поэтического мастерства...

— Злая ты, — бормочет он.

— Я одно из добрейших существ в этих лесах.

— Вот был у меня один друг...

Закончить Принцу не удается — я начинаю смеяться, уткнувшись лбом в его плечо.

Потому что только теперь понимаю, что он и правда жив. Потому что одной тут до дрожи страшно, и я не останавливалась только из опаски, что уже не найду в себе силы снова пойти.

И потому что впереди, выпятив прозрачную грудь и лапой прижав к земле юркий клубок, гордо стоит горгобор, а меж его немыслимых рогов сверкает зеленью в солнечных лучах совсем другой лес.

Сад Каменной Девы.

Глава 17

Обменять удачу

В детстве ты была моим единственным другом и самым страшным врагом.

Я и представить не могла, что бывает как-то иначе. Что можно любить кого-то и не бояться его.

Смех мой, громкий и неуместный, довольно быстро переходит в легкие всхлипы и затихает, и я благодарна Принцу за отсутствие комментариев. Хотя, судя по лицу, его мое поведение явно тревожит. Он тянется ко мне свободной рукой, но то ли вспоминает о прикосновении к горгобору, то ли замечает сияние чар в вечном мраке — и позолоченные удачей пальцы замирают, так и не достигнув цели.

Дыхание перехватывает от облегчения и разочарования, и я отстраняюсь, наконец отпустив ладонь Принца.

— Мы пришли, — говорю хрипло. — Я вижу сад.

— Нам нужен сад? — удивляется он, и я понимаю, что так ничего и не рассказала о договоре с Хозяином.

Зато успела обсудить поэзию русалок. Молодец.

— Ты был в ловушке, — начинаю издалека.

— Это я запомнил.

— И тебя выпустили в обмен на яблоко из этого сада.

— Отличная сделка, — хвалит Принц. — А может, просто сбежим?

— Нет, — отвечаю я прежде, чем бруни успевает распищаться. Я прямо чувствую, как он набирает воздух в крошечную грудь. — Я дала слово.

Принц какое-то время молчит, осмысливая услышанное.

— Ладно, — вздыхает в итоге. — Значит, идем воровать яблоки. Дружил я с одним воришкой... но об этом потом. А сейчас лучше ответить на довольно неловкий вопрос... Что за мелочь пыхтит на твоем плече?

Бруни и правда пыхтит, а после слов Принца едва ли дым из ушей не пускает. Я бы его утешила, но боюсь даже палец протянуть — точно ведь откусит.

— Не переживай, — говорю обоим сразу. — Ты ему тоже не нравишься.

И с уверенностью, которой не испытываю, иду к горгобору.

Зверь мягко отступает, открывая просвет меж двух темных широких стволов, и выскоцившний из его лап клубок тут же прыгает ко мне в руки. Я крепко

прижимаю его к груди, пытаясь унять разогнавшееся сердце, и вглядываюсь в сад Каменной Девы.

Самый диковинный из всех, что мне доводилось видеть, о каких доводилось слышать.

Небо над ним все же ночное, все с той же застывшей луной, а то, что я приняла за солнечный свет, — это сияние сотен и сотен плодов, разбросанных по кронам выстроившихся в замысловатый лабиринт деревьев. Тропинки между ними ровные, каменные, будто припорошенные крошевом самоцветов, а в глубине центральной аллеи виднеется широкая площадь с резными колоннами, увенчанными невесомым белым облаком вместо крыши.

Деревья на вид кажутся одинаковыми, с изящными ветвями и идеальными листочками, похожими на крылья бабочек. Но фрукты на них самые разнообразные, словно кто-то шутя развесил их вперемешку, как праздничные игрушки. Вот апельсин прижимается солнечным боком к сочной груше, яблоки покачиваются на одной ветке со сливами, а где-то мне даже чудятся гроздья смородины и винограда, прямо так, на деревьях, словно тут они и родились.

Корни же вовсе не прячутся под землей, как им положено, а тянутся друг к другу над ней, встречаются вдоль каменных дорожек и даже сплетаются в искусные скамейки и столики, полные фруктово-ягодных угощений.

Я осознаю, что уже вошла в сад, только когда Принц хватает меня за руку и шепчет:

— Не торопись. Ты знаешь, кто здесь хозяин?

Я киваю.

— Каменная Дева.

— Горгобор не пошел за нами, — бормочет Принц, все еще крепко меня удерживая. — Мне это не нравится. Он избегает лишь тех, кто может одолеть его и забрать удачу силой.

— Думаю, таких немало.

Я верчу головой, пытаясь понять, что же не так со всем этим плодовым разноцветьем. И смущают меня вовсе не апельсиново-грушевые деревья и даже не виноградные. Просто здесь...

— Нет запахов, — говорю я вслух. — Совсем ничем не пахнет.

— А чем должно? — Принц ведет носом, принюхивается.

— Сливами и персиками. Зеленью. Корой. Чем угодно. Даже от камня чем-нибудь, да веет, а мы во фруктовом саду...

— И останетесь здесь навсегда... по частям, — проносится у нас над головами низкий женский голос, — если не проявите почтение.

Клубок в моей руке нервно дергается, бруни на удивление бесшумно прячется в волосах, а Принц только спину распрямляет да уверенно идет на звук, утягивая и меня за собой.

— Прошу прощения, госпожа, — громко говорит он, и налетевший ветер подхватывает его извинения, усиливает, разносит во все концы. — Мы лишь путники, измученные островом, и от усталости совсем забылись. Но с радостью поприветствуем вас лицом к лицу.

— Видимо, так ты и угодил в ловушку, — ворчу я, но ногами перебираю.

К счастью, до моих слов ветру дела нет.

— Поторопитесь, путники, — усмехается невидимая хозяйка сада. — Мое терпение так хрупко...

Мы все быстрее и быстрее идем по центральной аллее, под сапогами хрустит самоцветное крошево, а сама дорожка будто тоже движется, неизбежно приближая нас к укрытым облаком колоннам.

В самом сердце этой не то беседки, не то площади высится постамент с хрустальным троном, который я не разглядела издалека. А на троне сидит... каменная статуя.

Глаза ее закрыты, уголки губ приподняты в улыбке, в руках зажат букетик цветов, а волосы и ткани выполнены до того тонко, до того искусно, что я вижу каждую прядку, развевающуюся на ветру, каждый мельчайший узор на подоле. Кажется, это свадебное платье...

— Приветствуем, госпожа, — произносит Принц, когда живая дорожка практически выбрасывает нас к изножью трона. — Чрезвычайно рады оказаться в столь необычном саду.

Он еще и кланяется, точнее, по-королевски кивает, а вот меня заставляет согнуться, но я тут же выпрямляюсь.

— Так-так-так, — вместо ответной любезности тянет хозяйка. — Кто тут у нас...

Губы статуи остаются неподвижны, и я не знаю, ее ли это голос или кого-то, притаившегося за изящной хрустальной спинкой.

— Какие занятные гости. Принц без глаз и королевства и...

Голос умолкает, а во мне все сжимается. Вот сейчас, сейчас хозяйка сада откроет Принцу все, на что я не решилась. И я одновременно страшусь и жажду быть разоблаченной.

— Впрочем, об этом после, иначе какое тогда веселье, правда? — Женщина смеется, и слышится в этом

смехе тихий перестук, будто камешки в кармане бьются друг о друга. — Рассказывайте, зачем пожаловали.

— Слухами земля полнится, — светским тоном начинает Принц, — и мы не могли не слышать о ваших чудесных фруктах, вот и рискнули одолеть столь сложный путь, дабы их отведать.

Похоже, он и правда надеется на мирные переговоры: вот сейчас они с хозяйкой расшаркаются, взаимно потешат гордыню и она самолично вручит нам яблоко и отправит восьсяси. Мне хочется зажмуриться и для верности закрыть уши руками, чтобы ничего не видеть и не слышать, но я неотрывно смотрю на каменное лицо. Поэтому замечаю, как подрагивают серые губы, словно статуя сдерживает смех.

— Отведать? — с откровенной издевкой переспрашивает она. — Что ж, я весьма гостеприимна. Берите все, что видите на столах. Сливы и абрикосы, вишню и гранаты, персики и виноград...

— Признаться, я большой любитель яблок...

О боги.

Я уже собираюсь хорошенъко ткнуть Принца в бок, когда статуя вдруг распахивает глаза. Невероятно живые, человеческие глаза цвета штормового моря.

— Яблоки, — говорит она, и на сей раз каменные губы шевелятся. — Яблоки...

От этого движения по щекам и подбородку ползут трещины, лицо словно распадается на пластины, и они дрожат, трещат, сталкиваются, но что-то удерживает их вместе.

— Яблоки, — в третий раз повторяет Каменная Дева и встает с трона.

Теперь уже все ее тело растрескивается по суставам — грохот поднимается такой, будто мы застряли

в горах в разгар камнепада. Я вижу, как сгибаются и разгибаются локти статуи, и в подвижных трещинах мелькает алая человеческая плоть.

— Следовало догадаться, — до мурашек холодно и спокойно произносит Дева, возвышаясь над нами серым божеством. — Старый подлец никак не успокоится. Смотрю, и клубочек при вас, и мелкий демон наверняка где-то припрятан.

Я и впрямь все еще крепко сжимаю клубок в руке и чувствую, как бруни копошится где-то за шиворотом.

— Уж кого он сюда только не посыпал... Должна признать, вы самые интересные. Жаль только, вызвались помогать кому не следовало.

— Что стало с остальными? — подаю я голос, и Дева задумчиво склоняет голову.

— Одни сумели уйти. Другие помогли моим деревьям стать выше и сильнее.

— Нам бы первый вариант, — поднимает руку Принц.

Обычную руку. Вторую, позолоченную, он, оказывается, все это время прячет за спиной.

Я по-прежнему хочу хорошенъко его стукнуть, но полностью поддерживаю это решение.

— И разумеется, с яблоком. — Каменная Дева цокает языком. — Что ж, это может быть забавно.

А потом делает шаг. И еще один, и еще. Из постамента выдвигаются ступени, заставляя меня отшатнуться и оттащить назад Принца, и Дева спускается по ним, волоча за собой растрескавшийся шлейф свадебного платья.

— Одна загадка на двоих, по правдивому ответу с каждого и ценный обмен. Если все сделаете правильно, я позволю сорвать и вынести из моего сада

самое спелое из яблок, и пусть старый пень подавится.

Все во мне вопит, что соглашаться нельзя. Загадка, две правды, обмен... Что она желает узнать и получить от нас? Увы, из-за любезностей Принца выбора почти не остается, так что я сжимаю его запястье, мысленно умоляя не делать глупостей, и киваю:

— Хорошо.

Принц, поджав губы, повторяет кивок.

— Тогда начнем с загадки, — почти мурлычет Дева. — Пожалуй, если кто и способен понять мою боль, то это вы двое. Итак. Я должна была стать королевой Лейдфара. Меня лишили власти, любви, жизни. Кто же обратил меня в камень?

— Это не загадка! — возмущается Принц, чем тут же притягивает к себе прищуренный взгляд статуи. — Это вопрос, ответ на который либо знаешь, либо...

Я дергаю его за рукав.

Он не прав. Ведь загадка прозвучала до слова «итак», и касается она нас двоих. Что мы оба способны понять? Принц не знает обо мне ничего, но у меня на руках обе половинки истории, и наша общая боль... ты?

Ответ вертится на языке, но я сдерживаюсь, засмотревшись на платье Каменной Девы. Слишком оно старомодное. Даже среди маминых дворцовых нарядов уже не было столь пышных рукавов и юбок, а сейчас их, наверное, и вовсе встретишь только на старинных гравюрах.

Деву обратили давно, еще до твоего рождения, поэтому разгадка в другом.

— Если считаете игру нечестной, — тем временем отвечает она, — я ни к чему не принуждаю. Можете попробовать уйти.

И камешки перекатываются, стучат в каждом ее слове. Тук-тук-тук.

— Нет, стойте. — Я закрываю глаза, втягиваю носом воздух, лишенный ароматов, и медленно выдыхаю. — Вас предала и обратила... сестра.

И снова смотрю на Деву.

Ответ точно правильный. Лицо ее, даром что каменное, не скрывает ни единой эмоции, и сейчас я вижу одновременно досаду и удовлетворение. Она словно не хочет слышать о сестре, но радуется моей догадливости. Ведь это шаг прямо в расставленную ловушку.

— Да, — тянет Дева, — сестры, они такие. И братья, верно, Принц? Ох, как в тебе все бурлит! Прямо ведьмовской котел. Уверена, будь глаза на месте, ты бы их удивленно таращил на подружку.

Она смеется и начинает медленно обходить нас по кругу, громыхая подолом, а нам только и остается поворачиваться следом, чтобы не оставлять опасность за спиной.

— Хочешь ее о чем-нибудь спросить?

— Нет, — сипло отзыается Принц, и улыбка сползает с серых губ.

— Не ври. Ненавижу ложь. Ненавижу... — Дева смотрит на нас прямо и неотрывно, и пластины ее лица почти снова смыкаются в идеальную гладкую маску. — Все верно, милое дитя, меня предала та, с кем я делила детство и юность. Родная плоть и кровь. И я не буду рассказывать о том, как это больно, — каждый из вас испытал то же самое. Я расскажу о годах, десятилетиях неподвижности. О том, как сидела на парковой скамье под окнами дворца, где предательница жила моей жизнью. О том, как рядом миловались

парочки и кормили друг друга виноградом и мягкими грушами.

Дева вскидывает руку, в которой зажата виноградная гроздь, стискивает кулак — и по каменной растрескавшейся коже стекает густой темный сок.

— Сколько глупых признаний мне довелось услышать, сколько увидеть надуманных трагедий. Мой нос терли на удачу, а на ухо шептали заклинания на мертвых языках, поверив в сказки, что одно из них пробудит камень. Я кричала, прогоняя наглецов прочь, а потом молила вернуться и попробовать еще раз, вдруг получится, но оставалась все так же нема и неподвижна. И лишь обещание... обещание, данное сестрой, не давало мне сойти с ума. Она посулила мне свободу от этих неподъемных оков, но солгала. Солгала! Она сказала, что однажды я встану и пойду, но утаила, что каменный панцирь со мной навеки...

Дева замирает там же, откуда начинала свой путь, — за спиной ее взмывает ввысь зиккурат¹ ступеней и сверкает хрустальный трон.

— Ложь — это скверна, так что ваше второе испытание — очищение. Скажите мне правду.

— Задайте вопрос, — говорит Принц, и я обреченно вздыхаю.

Я знаю, чего она хочет, никакие вопросы тут не нужны, но все же жду.

— Какой ты скучный, мальчик. Разве не интереснее послушать, какая правда сама готова сорваться с ваших языков? Но так и быть, я ведь добрая хозяйка. — Дева

¹ Зиккурат (от аккадского слова *sigguratu* — «вершина», в том числе «вершина горы») — многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эlamской архитектуры.

поочередно указывает на нас пальцем, словно мысленно произносит детскую считалочку, и, естественно, останавливается на мне. — Начнем с тебя, милое дитя. И вопрос будет прост, как твое открытое сердце. Кто ты?

И на что я надеялась?

Кто я? Как просто и как сложно.

Я дочь ведьмы. Я пастырь, умерший и возрожденный, запятнанный... нет, исцеленный тьмой. Я сирота на дороге мести, которую боюсь не пройти до конца. Я твой верный враг и...

Все это ерунда. Я знаю, что должна сказать. Знаю, что жаждет услышать Каменная Дева.

Но, прежде чем ответить, снова беру Принца за руку — ту самую, которой он вонзил в меня клинок. Ту самую, что дрожала, когда я смывала с нее грязь на обрыве у дома Волка. Я утешительно сжимаю мозолистые пальцы и признаюсь:

— Я сестра Королевы Олвитана.

На Принца словно перекидывается проклятье Каменной Девы — он становится до того неподвижным, что мне страшно поворачивать голову. И все же я должна.

Я смотрю на его побледневшее лицо, на бескровные губы, и ненавижу Деву все сильнее. Из горла рвется крик, что это не его вина. Я помню каждый миг нашей первой встречи и знаю, что Принц не мог поступить иначе, что все это не он, а ты... Но я молчу, потому что каменная тварь и так получила от нас слишком много.

— Что ж, похоже, обсуждений не будет, — разочарованно вздыхает она после затянувшейся паузы. — Жаль, но нас ведь ждет еще одна правда. Не так ли,

Принц? Этот вопрос будет еще проще. Что ты прячешь за спиной?

Он не медлит, не размышляет, сразу же вытягивает перед собой позолоченную руку и говорит:

— Удачу горгобора.

Принцу, как и мне, не оставили выбора. Дева прекрасно знала оба ответа задолго до того, как мы открыли рты, и меня неимоверно злит эта игра.

— Хватит... — начинаю я, но она перебивает:

— Не говори того, что может превратить вас в прах за долю секунды до победы. Ведь тайн больше не осталось, верно? Лишь обмен. И в знак доброй воли я дозволяю тебе прямо сейчас сорвать яблоко и расплатиться со стариком.

— Я сорву, — вызывается Принц.

— Нет! — почти кричит Дева, отчего юное — слишком юное — лицо ее вновь трескается. — Нет, — повторяет она спокойнее. — Это *ее* сделка, *ее* обязательства. Ее выбор. Можешь сорвать любое, какое на тебя посмотрит.

Она взмахом руки указывает на сад, раскинувшийся по обе стороны центральной аллеи, но я не спешу уходить, не желая бросать Принца одного.

— Иди, — усмехается он, но пальцы его, которые я никак не могу отпустить, все так же холодны и безвольны. — Иди, пару минут я продержусь.

Я медленно отступаю, пячусь. Шаг, еще шаг. А потом разворачиваюсь и бегу со всех ног. «Первое же дерево, первое, — думаю заполошно. — Пусть это будет хоть паданец, хоть недозрелый плод».

Хозяин ведь не уточнял и просил просто «яблоко из сада». Явно не для еды. Вряд ли здесь вообще растет хоть что-то съедобное.

Но деревья словно издеваются. На первом нет не то что яблок, а вообще ничего, кроме пары веточек мелких зеленых ягод. На втором красуются спелые персики и незнакомые мне плоды с тонкой прозрачной фиолетовой кожицей, под которой пульсируют ряды крупных зерен. Третье собрало в своих объятиях чуть ли не все существующие фрукты... кроме яблок.

Снова и снова я вглядываюсь в кроны и взбираюсь по шатким лестницам, что стоят у каждого ствола, но не нахожу искомого. А в животе тем временем беснуется сосущая пустота, отчего спускаться на землю, ничего не сорвав, с каждым разом становится все сложнее.

Ведь что может быть страшного в одной ягодке, в одном укусе... Хозяин наверняка меня просто страшал...

Мысль эта, навязчивая, неотступная, вскоре заполняет собой разум, не оставляя ни единого просвета. Я уже не поднимаюсь по лестницам — зачем они, когда внизу есть сплетенные из корней столы, полные угощений. И про глупые яблоки больше не думаю — и без них тут есть чем подкрепиться. Хрустальные вазы с персиками, плоские узорчатые блюда с дольками апельсинов...

К ним-то я и примеряюсь, когда меня саму кусают. Кусают больно, вогнав в шею мелкие острые клыки на всю длину и чуть придавив. Я вскрикиваю и едва инстинктивно не бью по месту укуса, чтобы избавиться от зубастой пакости, но вовремя останавливаю ладонь. Бруни выпускает изо рта мою окровавленную плоть и, ворчливо попискивая, отползает на край плеча.

— Мог бы просто дернуть за волосы, — говорю я, чувствуя, как проясняется в голове, и потираю рану. — Ладно, спаситель, ты же можешь сказать, где это проклятое яблоко?

Он задумчиво вертит головой, к чему-то прислушивается и, наконец, указывает в нужную сторону. Я иду туда, стараясь не смотреть на другие деревья и изо всех сил заглушая разрастающийся голод, но вот рука бруни опускается.

— Пришли? — Я смотрю вверх, и в густой листве этого дерева не видно ни одного плода, а лестницы рядом нет. — Что дальше?

Бруни закатывает глаза и изображает стук в дверь, молотя крошечным кулаком по воздуху.

Я стучу по стволу.

И через мгновение и правда вижу яблоко. Спелое, наливное, оно само спускается ко мне на изогнутой ветви и застывает перед лицом, мол, полюбуйся на меня, разве не такое чудо ты искала. Вот только мне не до самовлюбленных фруктов. Они и так меня чуть не зачаровали, а там Принц один на один с Каменной Девой, там наши друзья, плывущие в Олвитан, там ты...

Я протягиваю руку.

Яблоко на ощупь холоднее льда — кончики пальцев немеют. Но я все же срываю его, и это оказывается самым легким, что я делала в жизни. Ветвь тут же исчезает из виду, а я разглядываю блестящие алые бока и недоумеваю:

— Столько шума...

Бруни отзывается привычным писком.

Он уже ползет по моей руке, нетерпеливо протягивая собственные к яблоку. Я усмехаюсь, ссаживаю

его на землю и, опустившись рядом на колени, вручаю долгожданный трофеей.

— Передай Хо...

Бруни и яблоко исчезают с легким хлопком прямо на середине слова, и в тот же миг клубок, который я все еще носила с собой, рассыпается сухой соломой.

Я вытряхиваю ее из кармана. Смотрю на правую ладонь, в которой держала яблоко, — холод и немота расползаются все дальше, но кожа выглядит обычной... Затем оглядываюсь, нахожу колонны под облаком — как-то слишком далеко — и бегу.

Сейчас главное — выбраться отсюда вместе с Принцем, остальное подождет.

Я уже вижу и трон на возвышении, и две фигуры — одну высокую и широкоплечую, а вторую серую и обманчиво хрупкую. Они стоят близко, лицом к лицу, и вдруг Принц падает.

Сначала на четвереньки, пытаясь отползти от Девы.

Потом заваливается на бок. Переворачивается на спину. Изгибается речным мостом и кричит.

Я бегу так быстро, что уже не чувствую ног, но этого все равно недостаточно. Когда я опускаюсь перед Принцем на колени, голос его уже сорван до хрипа, напряженное тело вытянуто струной, а из-под повязки сочится кровь.

Мне страшно к нему прикасаться, и пальцы мои застывают над бешено бьющейся жилой на его шее.

— Я бы не стала, — равнодушно замечает Каменная Дева. — Не этой рукой.

— Что?

Я смотрю на руку и убираю ее подальше от Принца. Значит, не показалось, и немота эта неспроста.

Плевать, плевать, все потом.

— Что ты с ним сделала? — спрашиваю я, обернувшись к Деве.

Она пожимает плечами, улыбается.

— Прости, мы провели обмен без тебя. Все по-честному. Чары горгобора за... глаза.

О нет.

Я дергаюсь к ней, чувствуя, как срывается с цепи тьма. Как несется по венам и пульсирует под кожей свет. Я готова выпустить их, натравить на проклятую статую, разнести ее в пыль, но не успеваю даже подняться — Принц хватает меня за запястье.

Слава богам, за левое.

— Не надо, — хрипит он. — Может... это и есть... моя удача... Я... воспользовался...

Дева хочет и встрыхивает внезапно живыми, не каменными волосами. Золотистые кудри рассыпаются по плечам, ниспадают до тонкой талии, искрятся в лучах света. И я вижу запутавшиеся в них чешуйки, что еще недавно украшали руку Принца.

— Им нельзя верить, — шепчу я ему. — Никому. Нельзя. Ты в детстве сказок не читал?

Он вымученно улыбается и поглаживает большим пальцем мое запястье.

— Я должен тебя увидеть.

— Зачем?

— Должен... знать... что ты правда... жива. — Принц тяжело сглатывает и, отпустив меня, поворачивает голову набок. — Сними повязку.

Одной рукой развязывая узел, я не отрываю взгляд от его лица и вижу, как избороздившие кожу струйки крови словно впитываются обратно. Как исчезают тонкие паутинки шрамов, что прежде виднелись из-под ткани. И когда алая лента соскальзывает наземь,

я всхлипываю, глядя на совершенно чистые опущенные веки и дрожащие от напряжения пышные ресницы.

— Посмотри на меня, — прошу я.

И Принц открывает глаза.

Бледно-голубые, словно затянутые мутной пеленой.

Глаза слепца.

Глава 18

По-прежнему

За три года после твоего «спасения» я побывала и в баматийской сельве¹, и в лостадских снегах. Я зализывала раны и мечтала о твоем свержении, но если быть честной, то... попросту пряталась.

От тебя, от себя, от боли и правды, которая впивалась в сердце оголодавшим хищником всякий раз, как до моих убежищ долетали отголоски твоих деяний.

Но именно ты заставила меня вернуться. Что бы ни произошло, какие бы пропасти меж нами ни разверзлись — меньшее всего на свете я хотела, чтобы ты сочла меня трусихой.

¹ Сельва (исп. selva от лат. silva — лес) — влажные экваториальные леса в Южной Америке, одни из дождевых лесов.

Принц настолько раздражающе спокоен, что его хочется встряхнуть. Поднявшись, он даже умудряется усмехнуться, в то время как мне все еще с трудом удается сдерживать силу. Какой бы невеликой она ни была — Дева все же может лишиться пары осколков каменной плоти...

— Забавно, — вдруг произносит Принц, огладив кончиками пальцев исцеленную кожу вокруг глаз. — Значит, слова о ненависти ко лжи тоже ложь. А ведь я почти поверил...

— Что?! — Дева, успевшая подняться на несколько ступеней к трону, разворачивается и глядит на нас сверху вниз. — Я не лгунья!

Ветер, словно призванный этим криком, подхватывает и раздувает ее ожившие волосы, и одна из золотистых прядей вдруг застывает в воздухе серой спиралью. Каменной змеей в прыжке. На ступеньку медленно опускается выпавшая из волос побледневшая чешуйка.

— Нет, не лгунья, — совсем тихо повторяет Дева, осторожно ощупывая голову, и вздыхает с облегчением. — Я обещала вернуть глаза и вернула.

— А твоя сестра обещала, что ты встанешь и пойдешь, — напоминаю я.

— Не сравнивай! — снова взвивается она, но тут же спохватывается и изображает улыбку: — Не сравнивай... Я вернула именно *его* глаза. Не знаю, отчего они слепы, меня это не касается.

— Конечно. Какое дело отверженным чудовищам до бед смертных, — бормочу я, но Дева слышит.

Она все слышит. И я почти хочу, чтобы она напала, потому что тогда смогу с чистой совестью ударить в ответ.

— Я. Не. Агунья, — чеканит Дева, шагая вниз по ступеням в такт словам. — Не. Чудовище.

Лицо и тело ее идут трещинами, волосы извиваются за спиной встревоженными кобрами. Наконец она снова замирает перед нами и протягивает вперед стиснутый кулак.

— Я ваша добрая фея. — Губы ее кривятся. — Не благодарите.

А затем Дева разжимает пальцы, и нам под ноги падают два светящихся зернышка.

Они тут же уходят под каменные плиты, точно под воду, и через мгновение прорываются обратно двумя зелеными стеблями, такими толстыми, что человеку не обхватить.

Принц реагирует даже раньше меня, словно наверняка знает, откуда ждать удар... как на корабле. Он отскакивает назад и, дернув меня следом, загораживает собой, чтобы защитить от острых осколков пола. Каменное крошево накрывает нас дождем, стебли все растут и растут, изгинаясь, разветвляясь, переплетаясь и выстраивая вокруг нас плотную стену, и в конце концов смыкаются над головами непроницаемым куполом.

Я жду, мысленно отсчитывая секунды и минуты, но больше ни один отросток не шевелится и не рвется в бой. Мы с Принцем, как пойманые пауки, сидим под неподвижной растительной чашкой.

Он первым распрямляется и протягивает руку к стене, но не касается ее.

— Тут какие-то чары, — говорит шепотом.

— Я догадалась.

Я тоже встаю, отряхиваюсь от каменной пыли и несколько раз сжимаю и разжимаю правую ладонь. Немота расползлась уже до самого локтя, кожа будто натянулась, а кончики пальцев потемнели. Я едва чувствую руку.

— Я не о том, — снова подает голос Принц. — Они что-то... излучают... Прямо сейчас. Все вокруг светится.

Я подхожу поближе к куполу, приглядываюсь и уже собираюсь призвать свет, когда вдруг тоже замечаю. Я не вижу магию, как Принц, но вижу мельчайшую голубую пыльцу, что осыпается со стеблей, застывает в воздухе, липнет к коже... И отмахиваться бесполезно — она повсюду. Она разгоняет мрак. Похоже, мы даже дышим ею и ее же выдыхаем обратно.

— Как думаешь, «добрая фея» могла посадить нас в клетку с ядом? — спрашиваю я.

— От добрых фей всего можно ожидать.

— Что ж, значит, будем выбираться. Отойди по дальше.

Принц послушно отступает к противоположной стене, а я, призвав силу, пытаюсь рассечь ею стебли, словно лезвием. Свет тут же принимает форму клинка, но от удара крошится и рассыпается, не оставив на куполе ни царапины. Я пробую снова и снова, бью по стене плетью и молотом, даже тьмой — результат один. Стебли не поглощают мою силу, но разрушают ее.

— Да что же вы такое? — бормочу я и, забывшись, упираюсь в купол правой рукой.

И с ужасом наблюдаю, как от моих бесчувственных пальцев по нему волной расходится серость. Будто я высасываю из зелени краски. Будто... превращаю живое в мертвое. В камень.

Я отшатываюсь — и волна замирает. Теперь передо мной большое темное пятно. Серая клякса. Мне не хочется, но приходится потянуться вперед, постучать по нему костяшками, убедиться.

Стебли и впрямь окаменели. Под куполом разносится глухой стук.

— Что ты делаешь? — спрашивает Принц.

— Убиваю.

Я снова прижимаю ладонь к стене, жду, когда клякса станет шире, разрастется во все стороны, а потом бью по ней светом.

Камень он рассекает как масло, легко и беспрепятственно, и несколькими точными ударами мне удается пробить проход.

— Мы уже не в саду, — говорю я Принцу, глядя на раскинувшийся по ту сторону лес.

Снова лес. Густой и мрачный, так крепко сросшийся, сцепившийся черными ветвями, что ни одной тропы не отыскать.

— Пахнет болотом, — замечает Принц, высовываясь в проем.

Я киваю:

— И смертью. Добрая фея расстаралась на славу...

А сама снова смотрю на правую руку и перебираю невидимые струны. Слышится тихий перестук. Пальцы еще шевелятся, но едва-едва — они уже наполовину каменные. Обмотать бы их чем-нибудь, спрятать, чтобы ненароком никому не навредить...

Я как раз обдумываю, не сорвать ли один рукав, который и так держится на паре стежков и честном слове, когда в груди вдруг натягивается-звенит-поет знакомая нить. Сердце радостно трепещет, и впервые за целую вечность на этом острове по телу разливается

уверенность, я даже улыбаюсь и говорю напряженному Принцу:

— Кайо близко.

— Что? — Он вертит головой, хмурится.

— Совсем рядом! — смеюсь я, и мы наконец выби-
раемся из-под купола. — Значит, мы нашли, правда
нашли!

— Что нашли?

— Того, кто создал пещеру под дворцом. Того, кто
может знать ответы. Кайо улетел вперед и ждал нас
здесь. Сейчас он...

— Подожди, — обрывает Принц мой порыв бро-
ситься в чащу и пытается взять меня за руку.

Я уворачиваюсь:

— В чем дело?

— Мне... жаль.

Нет. Нет, только не это.

— Нужно идти, — бормочу я. — Торопиться. Сил
уже нет блуждать по этому острову. Я...

— Просто выслушай! — повышает голос Принц
и заступает мне дорогу.

Так мы и стоим, лицом к лицу, за моей спиной раз-
битая клеть из волшебных стеблей, за его — темный
лес, пропахший смертью и болотом.

— Мне было шестнадцать, — начинает Принц. —
Я воображал себя великим воином и спасителем
и не мешкал ни секунды, когда выпал шанс сразить
чудовище и вызволить принцессу. Но, кажется, все
перепутал.

Я молчу. Каменеющая рука дрожит, раздражая про-
клятым перестуком.

— Может, если бы было время разобраться...
Но ведьма встретила нас на пороге, и брат сразу же

ее убил. Потом сорвал с ее шеи ключ и пошел на вершину башни, а я стоял, смотрел на тело молодой прекрасной женщины и с ужасом понимал, что что-то здесь не так. Тогда-то и появилась ты.

Я помню этот момент. Слишком отчетливо помню. Как бросилась сначала к маме, пытаясь исцелить ее рану, но только перепачкалась в крови. А потом перекинулась на Принца, застывшего столбом с кинжалом в вытянутой руке.

— До сих пор не уверен, был ли удар, или ты сама... — Он закрывает слепые глаза, трет лоб, ерошил волосы. — Но я вытащил тебя. Когда солдаты подожгли башню, я...

— Знаю.

Принц усмехается:

— Так странно... — Затем резко наклоняется и, вынув из-за голенища сапога кинжал, протягивает его мне. — Держи. Тот самый.

Я едва не отшатываюсь, но он находит мою левую руку, дергает на себя, силой сжимает пальцы на рукояти. Слишком простой, без узоров и каменьев, словно это охотничий нож простолюдина, а не оружие настоящего принца.

— Хочешь — ударь, — говорит он, и я чувствую, как по щекам бегут горячие слезы. — Пронзи, порежь. Сделай что угодно.

— Не буду.

— Я правда не против пасть от твоей руки. Особенно теперь, когда знаю твое имя.

Я замираю, пальцы на рукояти сводит судорогой.

— Да?

— Да. Она часто о тебе говорила.

Этого я тоже не ожидала и поэтому снова молчу.

— Судьба та еще шутница. Самая ужасная женщина в моей жизни носит имя нежнейшего колокольчика, а самая прекрасная — колючего куста.

— Замолчи.

— Когда брат лишил меня зрения, я вспоминал лишь твое лицо и думал, что заслужил это. И в нынешнем вечном мраке мне всюду видятся твои глаза, янтарные, как мед в солнечных лучах...

— Замолчи! — Я кричу.

По крайней мере, стараюсь. Но из горла вырывается лишь жалкий сип.

Мне не нужны его признания, не нужна его боль — своей предостаточно. И тьма его не нужна, потому что двум слепцам с этим делом точно не справиться. Мне нужен наглый, ехидный, несгибаемый Принц, которого не сломило даже предательство брата. Мне нужна опора, без которой мои ноги увязнут в болоте сомнений и страхов.

Мне нужен тот, кто убьет тебя, если я не смогу.

— Я по-прежнему Ведьма, — шепчу я, наконец выпуская рукоять из влажных пальцев.

Оружие падает и вонзается в землю между нами.

— Я по-прежнему Принц, — соглашается он с грустной улыбкой, и на миг мне кажется, что я только что погубила нечто важное.

Но затем над головой проносится уханье Кайо, и становится не до размышлений.

Всё же добрались.

Глава 19

Мертвые не лгут

Ты с детства презирала ведунов и ненавидела пророчества, и я тоже перестала верить в предсказанное. Но с моей стороны то было глупое подражание и желание угодить, а вот тобой двигал... страх, ведь правда?

Ты уже тогда знала все, что мне откроется лишь годы спустя. Знала и пыталась заглушить назойливые голоса.

— Мы здесь увязнем, — говорит Принц, погружая в трясину длинную палку.

Мы бредем уже очень долго, и Кайо вновь и вновь поднимается ввысь и показывает мне дорогу, но то, что сверху кажется проторенной тропой, внизу либо

заросло непроходимым колючим кустарником, либо превратилось в болото.

Я тоже вооружена палкой, но все же иду второй. Следую за слепцом, ибо давно догадываюсь, что ему открыто гораздо больше, только с разговорами не лезу.

Пока.

Настанет и их черед.

— Дом впереди, буквально полверсты. — Я снова смотрю на топи глазами Кайо — после долгой разлуки ни ему, ни мне не хочется разрывать связь. — Даже меньше. Может, как-нибудь по кочкам?

— Ага, по кочкам, — передразнивает Принц. — Уверен, у половины из них есть зубы, а вторая половина — просто морок. Тут некуда наступать.

Проклятое место.

Я уже пыталась использовать дар, и, в отличие от купола из стеблей, заросли легко поддаются тьме и свету, но вновь смыкают ряды за считанные мгновения — сделаешь шаг, и они проглотят тебя заживо. Второй дар, страшный и непрошеный, тоже оказался бесполезен — ни на что вокруг прикосновения моей каменеющей руки не действуют, только перепачкалась зря.

Ты как-то сказала: «Мертвое бессмертно». Похоже, именно в мир бессмертия мы и угодили. В мир, где на полусгнивших кувшинках вместо лягушек квакают их обглоданные скелеты.

— Опиши, что видишь, — просит Принц, и я в тысячный раз осматриваюсь в надежде заметить что-то новое, но лес все тот же.

Черные, будто горевшие стволы, серые, припорощенные пеплом листья. Шипы, кости и грязь. Троп вроде много, но все обрываются (как наша) или уводят

в мутную густую воду — полагаю, тем, кто по ним ходит, этого достаточно. Повсюду слизь и трясины. Кажется, она рождает деревья, питает их, как и всякого, чьи впалые глазницы следят за нами из клочков тумана, чьи обнаженные косточки, клыки и когти поджидают жертв в вонючей тине.

Я вижу останки зверей, что ходят на переломанных гниющих лапах. Вижу на ветках птичьи черепа, до сих пор открывающие клювы в поисках пищи. Вижу лица мертвых людей в грязной воде, будто она забрала их плоть и сохранила только отражения заблудших душ в назидание другим путникам. И вижу... мотыльков. Призрачно-серых и настолько крупных, что можно разглядеть не только их крылья, но и мохнатые тела.

Кажется, за последние минуты их стало больше. Они перелетают с горелых стволов на шипастые стебли, торчащие из трясины, замирают неподвижными пепельными кляксами и снова взлетают, будто подбираются к нам поближе.

— Похоже, мы понравились мотылькам, — говорю я Принцу.

Он вертит головой и хмурится:

— И много их?

— Сотни.

Я протягиваю руку, и один мотылек смело усаживается на мою ладонь, окаменевшую уже до самого запястья и отяжелевшую настолько, что почти невозможно долго держивать ее на весу. Но от прикосновения лапок мотылька мне будто становится легче. Я едва чувствую тяжесть камня, хотя пальцы все равно не шевелятся.

А вот призрачные крыльышки продолжают трепетать.

Ты была права: мертвое бессмертно.

— Спутники смерти, — бормочет Принц. — Предвестники... Они слетаются к нам?

Я снова кошусь по сторонам, а когда смотрю на руку, на ней уже три мотылька.

— Ну... скорее, ко мне.

— Ты ранена? — Принц подходит ближе, и я поворачиваюсь к нему левым боком.

— Нет.

— А что с рукой? Ты не даешь прикасаться к правой, я же чувствую...

— Со мной все в порядке, — вру я.

— Тогда почему мотыльки принимают тебя за часть этого мертвого леса?

— Может, тоже видят будущее. Как ты.

Он замирает, так меня и не коснувшись.

— Что?

Не самое подходящее время для этих откровений, но лучше они, чем разговоры о моей проклятой руке.

— Я же не слепая... прости, и замечаю, как легко ты обходишь препятствия, как предугадываешь события. Не было ведь никакого ведуна? Ты сам. Сам предвидел мое появление на руинах.

Принц молчит, смотрит на меня жуткими белесыми глазами, словно и правда что-то видит, и наконец отворачивается.

— Нужно искать выход.

— Так загляни в будущее и узри.

— Это не так работает, ясно? — Он со злостью отшвыривает палку, и чья-то костлявая лапа тут же утягивает ее в трясину. — Я не «вижу» в прямом смысле и уж тем более не выбираю, куда заглянуть. О, я был бы рад получать хотя бы мысленные образы мира, но это

просто... знание. Предчувствия. Не более. Иначе я бы сразу «увидел», кто ты такая.

— Было бы неловко, — фыркаю я, и Принц не то смеется, не то стонет в ответ.

— Гибкие болота... — Он трет лицо ладонями. — Твоя птица не может помочь?

Кайо, закладывавший над нам уже тысячный круг, на этих словах спускается и с размаху усаживается мне на плечо. Вид у него встрепанный и усталый, но уж очень довольный. Давненько он не летал столько часов кряду, так что остров вечной ночи ему явно по нраву.

— Он знает дорогу, ведет нас к дому и не понимает, почему мы не можем пройти. — Я чешу черную пернатую макушку, и Кайо прикрывает глаза. — Можно использовать его силу... это все-таки тьма, но... слишком опасно.

Короткий прыжок, когда Кайо вытащил меня на поверхность из подземной пещеры, истощил его, и я сомневаюсь, что перекинуть двоих на полверсты сквозь мертвую чащу ему вообще по крылу.

— Это все-таки тьма, — повторяет Принц с горькой усмешкой. — Точно. Ты же пастьярь. Никак не привыкну.

— И не привыкай.

— А если... — начинает он, но сразу же замолкает, к чему-то прислушиваясь. — Что это?

Я тоже навостряю уши, но ответ дают глаза.

«Этим» оказываются все те же мотыльки, собравшиеся в огромный призрачный рой. От трепетания сотен и сотен крылышек поднимается ветер и уносит шумную серую ленту мотылькового роя в чащу. Я вижу, как по пути в эту реку вливаются все новые и новые «спутники смерти», как она становится плотнее, шире,

и как расступаются перед ее сокрушительным ревом заросли, сквозь которые мы силились прорваться.

— А может, не спутники, — бормочу я. — Может, проводники.

И схватив Принца за руку, бегу вслед за ветром и мотыльками, пока лес снова не сомкнул пасть.

Бежать приходится быстро, буквально выдирая пятки из сплетающихся позади ветвей и чьих-то острых зубов, и возмущенный тряской Кайо взмывает в небо. Но разлука наша вышла недолгой — дом и впрямь оказался совсем рядом, и мы вываливаемся из чащи прямо к его порогу, не успев даже толком запыхаться. Ветер тут же стихает, и мотыльки, словно лишившись опоры и цели, рассыпаются прахом, укрыв серым покрывалом деревянные ступеньки скособоченного крыльца.

— Мы на месте? — хрипло спрашивает Принц, держась за бок.

Кажется, про «не запыхались» это я зря...

— Вроде бы, — отвечаю шепотом. — По крайней мере, Кайо показывал именно этот дом.

— И на что он похож?

— На болотную кочку.

Домишко и правда своеобразный: круглый, приземистый, припорощенный грязной соломой — если бы не размеры и светящиеся оконца, от болотной кочки точно не отличишь.

— Что ж... — Принц распрямляется и вытягивает согнутую в локте руку, на которую горделиво опускается Кайо. — Отступать в прямом смысле некуда. Только вперед.

Я вздыхаю, и мы одновременно шагаем на первую ступеньку.

Открывая дверь, я не жду ничего: ни ароматной, укутанной травяным шарфом комнаты, как у Хозяина, ни резных колонн и облаков над ними, как в чертогах Каменной Девы. Но все же удивленно замираю, когда внутри дом оказывается совершенно пустым. Свечи на подоконниках, мотыльки на стенах и сгорбленная человеческая фигура на стуле между ними — вот и все, на что здесь можно посмотреть.

— Так-так-так, и кого ты ко мне привел, пернатый? — произносит сиплый, но определенно женский голос, и некто на стуле протягивает к нам руку. — Пойдите поближе, детки, дайте на вас поглядеть.

Я стискиваю ладонь Принца, но, похоже, урок Каменной Девы усвоен: он не спешит выполнять просьбу, не заливается соловьем и шагок делает совсем крошечный, вслед за мной. Однако и этого хватает, чтобы окружавшие женщину тени расступились и я узрела ее во всей красе, мгновенно узнав.

Узнав струящийся, хоть и сильно истлевший балахон, почти не скрывающий голого дряблого тела, но главное — узнав голову, лежащую не на плечах, а на коленях.

Иллюзия, под которой мы нашли пещеру с детскими костями, держала голову в руках, но на губах ее играла такая же зловещая улыбка, а в черных проvalах глазниц точно так же копошились жуки и черви.

Я сглатываю тошноту.

— Надо же, какие нерешительные, — бормочет голова, и меж тонких губ сверкают ровные ряды мелких и будто наточенных клыков. — Ну хоть ты, дружок, поздоровайся со старушкой.

Я не успеваю остановить Кайо: он спархивает с руки Принца и, перелетев на плечо женщины, сверху вниз глядит на ее морщинистое лицо.

— Умница, — хвалит та и тут же снова переключается на нас: — А вот вы... Уж как он вас ждал, как летал кругами, как нервничал... Могли бы и поблагодарить ту, что позаботилась о вашем питомце.

Она вдруг начинает хрипеть и закашливается, и кашляет долго, надсадно, сотрясаясь всем телом, а потом из приоткрытого рта вылетает крупный, с мой кулак, мотылек, и его тут же с хрустом заглатывает Кайо.

— Он не питомец, — решаясь заговорить я.

Трепыхающийся мотылек, исчезающий в солнечно-рыжем клове, так и стоит перед глазами.

— Знаю-знаю. Не птица, не зверь, но сила темная. — Женщина смеется. — Чего только живые не придумают.

— А ты... ты не живая? — спрашивает Принц.

— Ее голова отделена от тела, — сообщаю я и чувствую, как он вздрагивает.

— Что есть, то есть, — пожимает плечами безголовая. — Прокляли меня вечностью, но не бессмертием. Вот и хожу даже мертвая, и будет так, пока условие не исполню.

— Какое? — не удерживается Принц.

— Будто тебе и впрямь интересно, — отмахивается она, и от этого движения из глазниц ее выпадают несколько крупных жуков с полосатыми панцирями да разбегаются по углам. — Давайте уж поговорим о том, зачем вы пришли. Я, может, и вечная, но у вас времени почти не осталось.

Она снова вытягивает руку, и я вижу на раскрытой ладони знакомый лоскуток.

— Тьма твоя передала, — говорит Мертвая. — Я уж думала, никогда этого не увижу снова.

— Что там? — хмурится Принц, и мне приходится признаться:

— В той шкатулке из пещеры был клочок ткани с именем Королевы. — Он грустно улыбается, словно и не ждал от меня откровенности, и я продолжаю, глядя прямо в червивые глазницы Мертвой: — Думаю, вы провели какой-то ритуал, чтобы даровать королевскому ребенку силу, но вместо этого призвали в наш мир чудовище.

Она снова смеется:

— Тебя бы это успокоило, правда? Мерзкая тварь призывала монстра, и больше никто ни в чем не виноват.

Плечи ее все еще сотрясаются, грудь ходит ходуном, но лицо вдруг становится серьезным, хищным, жутким.

— Но, увы, все не так просто. Я не умею призывать демонов и превращать златокудрых девочек в чудовищ. Я лишь даю советы, и король пришел ко мне сам. Без свиты. Три ночи бродил по болотам, растерял весь свой дворцовый блеск и сапоги и на порог мой ступил босыми грязными ногами. Но смотрел все равно гордо, свысока. И не просил — покупал услугу. Обещал горы золота за сына, воина и стратега, который одолеет любого врага, с кем Ирмания будет процветать, не зная бедствий. Да только к чему мне сверкающие побрякушки?

— И все же ты помогла, — цедит Принц, крепче сжимая мою руку.

Я ему завидую — он не видит этой гниющей плоти, трясущихся складок серой кожи и головы, живущей отдельно от тела.

— Я пообещала королю дочь. Не воина, а ту, что возьмет в руки оружие лишь дважды, но все равно сможет подарить семи королевствам мир и благополучие. Когда дочь твоя станет невестой, сказала я, Ирмания получит свою сильную и благородную правительницу. Когда дочь твоя станет женой, предрекла я, Ирмания получит мудрого и всеведущего короля.

— Ты его обманула, — шепчу я, и голова на дряблых коленях презрительно кривится:

— Мертвые не лгут. Все мои слова сбылись, просто вы этого еще не поняли.

— Что было потом? — спрашивает Принц. — Как ты исполнила обещанное? В чем суть ритуала?

Дряхлое тело в истлевшей хламиде вдруг встает, да так резко, что Кайо едва успевает слететь с плеча Мертвой, а ее руки — подхватить голову. Кажется, не все у них гладко со взаимопониманием... Но падения не случается, тело удерживает голову перед собой, сжимая растопыренными ладонями виски, и Мертвая вновь ощеривает острые зубы.

— Я велела ему собирать под дворцом кости мертворожденных магов. Я сказала ему, каких зверей убивать в лесах отверженных и под какой луной съедать их сердца. А последнее сердце, сердце живого и здорового младенца, должна была съесть бесплодная королева. — Она усмехается и сплевывает на пол очередного мотылька. — Кости и сердца не призывают чудовищ, глупая, они хранят силу, а сила требует платы. Король пожадничал и создал дитя, которому нет равных, но и груз, что лег на плечи этой девочки, тоже ни с чем не сравним.

— И как ее... освободить? — с трудом выдавливаю я.

— О-х-х, как теперь только не называют убийство. — Руки качают голову из стороны в сторону. — Тебе уже предложили помочь, просто прими ее, не отталкивай. Древняя сила к древней силе, камень к плоти, смерть к смерти. Землю сожжет спящий огонь, познавший горе.

— Она серьезно? — Принц вздыхает и, прикрыв слепые глаза, сжимает пальцами переносицу. — К чему эти загадки? Почему не сказать прямо, мол, Королеву убьет ножичек, закопанный вон под тем кустом?

— Потому что я вам не книжка с картинками! — рявкает голова, и челюсть ее распахивается на добрый локоть, выпуская на волю с десяток мотыльков.

Сидевший в засаде Кайо ловит парочку и наконец-то возвращается на мое плечо.

— Я даю советы и подсказки, которые вижу в хаосе судеб, — чуть спокойнее продолжает Мертвая. — Простых ответов больше не будет, ваше высочество. Как и простых решений. А теперь...

— Чем он заплатил? — перебиваю я.

Копошение в глазницах на миг замирает, будто от удивления.

— Кто?

— Король. Золото Мертввой ни к чему, камни тоже. Так что он дал вам в обмен на совет?

Она ухмыляется широко, злобно и повыше поднимает голову, почти подставляя ее к пустым плечам:

— Вот это. Я была мертва уже сотни лет и устала. Я попросила отрубить мне голову мечом, умытым жаровым пламенем, но Король решил, что и обычный сойдет.

— И ты не стала мстить? — не поверил Принц.

— Зачем? Он все сделал сам.

Я жду, что она еще что-то скажет, но Мертвая теряет к нам интерес.

— Идите, — велит она, опускаясь обратно на стул. — Ночь скоро кончится, и тогда блуждать вам тут до следующей.

Я охотно отступаю к двери, Кайо ухает, будто прощаясь, и Мертвая бросает в воздух тот самый потрепанный лоскуток с твоим именем. Он бы тут же опустился к ее ногам, но, подхваченный с двух сторон мотыльками, все же долетает до нас и вновь исчезает в темном птичьем чреве.

— Когда ты увидишь его в следующий раз, — говорит Мертвая, — Королева падет.

И это одно из самых простых и ясных предсказаний, какие я когда-либо слышала.

Глава 20

Тайный путь

«Что бы ни случилось, вы всегда будете друг у друга, — говорила мама. — Кровь к крови тянетя».

Она не знала, что годы спустя ты с упоением начнешь уничтожать всякого, кто с тобой в родстве. Всякого, в ком есть хоть капля королевской крови.

Я рада вновь оказаться на улице, хотя здесь по-прежнему пахнет грязью и болотом, и из-за каждой кочки на нас глядят впалые глаза мертвых лесных тварей. Но они не страшнее той, что в доме. Они не говорят о тебе как о бедном ребенке, ставшем жертвой отцовской жадности.

«Я не умею превращать златокудрых девочек в чудовищ...»

«Тебя бы это успокоило, правда?»

«...Груз, что лег на плечи этой девочки, ни с чем не сравним».

Слова безголовой Мертвой потрошают меня острыми клинками, вскрывают старые шрамы, пронзают до самого нутра. Потому что они мне знакомы. Не один год они звучали в моей голове далеким слабым эхом, пробирались во сны и мимолетные мысли, но я не позволяла ни одному задержаться.

Это ты научила меня отсекать сомнения и не различать оттенков зла. Ты заставила выбрать путь. Но чем дольше я по нему иду, тем сильнее мне хочется остановиться, закричать и забиться о землю.

Стержни плавятся внутри, лишь проклятая рука, окаменевшая уже на четверть, остается твердой.

— Ты ей веришь? — спрашивает Принц, не видя слез, стекающих по моим грязным щекам.

Он вышел на пару мгновений позже — Мертвая пожелала что-то ему рассказать, и я даже не собираюсь уточнять, что именно. Наверное...

Я обтираю лицо рваным рукавом, тихонько шмыгаю и усмехаюсь:

— Верю? Для начала бы разобраться, что она вообще имела в виду.

— Ну... давай по порядку. — Принц усаживается на деревянное крыльце и оттопыривает указательный палец: — Первое, вроде как пророчество про невесту, жену и все такое прочее. Думаю, речь там не о Королеве.

— А о ком?

— О дочери короля. О другой дочери. Да, ему дали рецепт могучего отпрыска, но вдруг привести Ирманию к миру должен второй ребенок?

Я качаю головой, догадываясь, к чему он клонит:

— Нет никакой другой дочери.

— А я почти уверен, что есть. — Принц начинает разгибать остальные пальцы, и устроившийся на шатких перилах Кайо с интересом за ним наблюдает. — Я же знаю, что вы с ней в кровном родстве, а не просто воспитаны одной женщиной. Знаю, что твоя матушка была фрейлиной при дворе. Знаю, что после смерти жены король перебрал немало юбок, и без обид, но...

— Король. Мне. Не. Отец, — раздельно произношу я и, вздохнув, присаживаюсь рядом. — Он был моим дядей.

Кажется, мне удается удивить. Настолько, что Принц не может вымолвить ни слова.

— Говорят, дед тоже был гулякой, — объясняю я, — и как-то влюбился в ведьму. Дочь ей подарил, а из леса вытащить не смог, только и отстроил замок прямо там. А перед смертью наказал законному сыну и наследнику престола забрать сестру во дворец, если та захочет. Мама попыталась ужиться среди золота и шелков, и молодой король был к ней добр, хоть и запрещал называть себя «братьем», но...

— Появилась *Она*, — заканчивает Принц.

— Не совсем. Думаю, мы бы все равно ушли. Мама связалась со стражником, понесла, король гневался, и она думала, что этот гнев он изливал на дочь. Винила себя в ее страданиях, считала, что ребенок сам по себе не может быть злом.

— Она ошибалась.

— Нет.

Нет. Она была права. Как и Мертвая. Чудовищами не рождаются. Чудовищем тебя сделали мы.

Король, поднявший клинок на трехлетнюю дочь.

Моя мать, которая хоть и воспротивилась ему, хоть и верила в светлое, но все равно подспудно опасалась твоего дара.

И я, перенявшая этот страх и оттолкнувшая тебя в час нужды.

Конечно, ты не взывала о помощи, но я многое замечала и на многое закрывала глаза. На перемены в тебе, на мамину напряженность, на то, как легко ты считывала ее эмоции сквозь добродушную маску, и как все ярче разгорался огонек ненависти в твоих глазах.

Твоя сила пугала, и страх в сердцах людей отвернул тебя от них, а я позволила этому свершиться.

— Все самое важное произошло еще до твоего рождения, — говорит Принц, словно заглянув в мои мысли, и легонько толкает меня плечом. — А остальное — пока ты пускала слюнявые пузыри и пачкала пеленки.

Он добивается своего — я фыркаю:

— Будто ты не пачкал.

— Послушать нянек, — приосанивается Принц, — так я осыпал пеленки чистым золотом, хоть в казну неси.

— Теперь твое предложение озолотить меня за счет олвитанской казны видится в новом свете.

Он смеется, но слышится в этом смехе что-то чуждое, инородное, страшное. Словно Принц готов смириться и...

— Думаешь, они с моим братцем и правда те самые благородные и мудрые правители, которых напророчили королю? — тихо спрашивает он.

— Думаю, это изначально был обман. А потом король еще и нарушил слово, не добив Мертвую, за что теперь расплачивается весь мир. — Я оглядываюсь

на дверь, за которой все так же сидит в ожидании новых глупцов безголовая тварь, и решительно поднимаюсь. — Пора убираться отсюда. Если, конечно, болото отпустит...

— Вот болото мы спрашивать не будем. — Принц вдруг стягивает сапог и, перевернув его, вытряхивает на землю пару монет, пригоршню пыли и темно-зеленый бархатный мешочек на пол-ладони.

Я осторожно его поднимаю:

— Что это?

На ощупь в мешочке что-то мелкое, рассыпчатое.

— Наша волшебная дверь с острова. Точнее... — Принц ловко забрасывает монеты обратно в сапог и обувается. — Это дверь в одно местечко на острове, а уже оттуда мы отправимся прямиком в Абру.

Затем встает и забирает у меня мешочек, и на миг чудится, что слепые глаза его наливаются небесной синевой.

— Он был у тебя все это время?

— Разумеется. Я же сказал, что вытащу нас отсюда, когда найдем ответы.

— Но мы ничего не нашли...

Я слегка дергаю за нить, подзываю Кайо, и он лениво перебирается ко мне на плечо.

— Ошибаешься. — Принц развязывает тесьму. — Мы узнали главное. Королеву победит спящий огонь. Некто, кто уже вызвался помочь, и отказывать ему не стоит. Поняла?

Он проказливо улыбается и быстро высыпает в ладонь горсть радужной пыли. Та искрится в лунном свете и будто хочет улететь, рассеяться по ветру, но Принц сжимает кулак.

— То есть... Волк?

Если честно, я пока не думала над загадками Мертвой, но огненный доброволец у нас и правда только один...

— Знаю, ты ей не веришь, — говорит Принц, шагнув ко мне вплотную и едва не коснувшись моей проклятой руки. — Но мертвые действительно не лгут. А значит... мы победим.

После чего разжимает кулак и сдувает мерцающую пыль прямо мне в лицо.

— *Nibirtu...*

Я бывала во всякого рода темноте и знаю, что между «ничего не вижу» и беспространной паникой есть еще десятки вариантов.

Ты часто запирала меня, бросала в ночной чаще, заманивала в лесные пещеры, укутывала волосами так, что ни один лучик не пробьется, и все же я понимала,чувствовала присутствие света. Где-то там, за пределами, надо только потерпеть, добраться...

Но чернильная мгла, в которую меня погружают Принц и его волшебная пыльца, не похожа ни на что другое. Всеобъемлющая, всепоглощающая, она прощачивается под кожу, заливает глаза и уши, забивается в горло. Я не могу не то что вскрикнуть — даже вздохнуть и, раздирая шею, падаю на колени.

Все длится не дольше пары ударов сердца, но я успеваю поверить, что это и есть смерть. Смерть от руки человека, которого я...

А потом мгла отступает, будто склынувшая волна. Падает вниз, на миг пронзая холодом ноги, и безвозвратно уходит в землю.

Вокруг по-прежнему темно, но это уже обычный мрак замкнутого пространства без источников света. Силясь выровнять дыхание, я ощупываю земляной пол, совсем не похожий на лесной покров, натыкаюсь на неровные каменные стены с острыми выступами и медленно встаю.

— Ты в порядке? — хрипит в темноте Принц, и в первую секунду мне хочется броситься на звук и от души ему врезать.

Но ноги так трясутся, что я скорее запнусь и разобью себе голову.

— Где Кайо? — спрашиваю вместо ответа.

— Со мной. Ты в порядке? — повторяет Принц.

Судя по голосу, ему тоже пришлось несладко, но мою злость это почти не сглаживает.

— Какого демона это было?

— Личное изобретение твоей сестрицы — не мог же я покинуть родное королевство с пустыми руками. Прости... я не думал, что будет так...

— Ты ни разу не пользовался этой... этой... — У меня кончаются слова, только что-то трещит в груди, будто в костер подбрасывают поленья.

— Пыльцой, — помогает Принц. — Нет, но я следил за Королевой и десятки раз видел, как она...

— Я тебя убью, — перебиваю я.

— Хорошо. Только для начала покинем остров.

Я замечаю его приближение по горящим во мгле глазам Кайо, который, очевидно, привычно устроился на плече принца. Оба не нуждаются в свете, а мне приходится призвать в ладонь силу и только потом оглядеться.

Как я и думала, мы в пещере.

Довольно узкой и с низким потолком — я могу коснуться его, даже не вставая на цыпочки. Камень вокруг черный с тонкими лазурными прожилками, которые мерцают на свету и гаснут, стоит только убрать руку.

Я иду вдоль стены до ближайшего поворота, и там пещера разветвляется на несколько тоннелей. Возвращаюсь обратно, и с другой стороны их еще больше.

— Где мы?

Принц, следующий за мной по пятам, улыбается.

— В тайнике.

— Больше похоже на лабиринт.

— Ну да. Лабиринт, который ведет к тайнику.

Забывшись, я пытаюсь потереть лоб правой ладонью, но только бьюсь головой о камень. Рука стала еще тяжелее, впрочем, не такой, как могла бы быть, учитывая, что серость расползлась еще дальше. Я по-прежнему могу сгибать локоть, хоть и с трудом, а вот пальцы так и не шевелятся.

— Итак, ты осыпал нас непонятной дрянью, которой можно убивать врагов, и перенес в пещеру с множеством ходов, — устало подытоживаю я. — Сейчас я задам вопрос и очень надеюсь услышать в ответ «да». Ты знаешь, куда идти?

Принц все еще улыбается.

— Да. — Но не успеваю я с облегчение вздохнуть, как он добавляет: — Куда течет река.

— Река... река? Откуда здесь взяться реке?

Злости уже нет, только горький привкус поражения на языке. Мне хочется спать и есть, а главное — чтобы все поскорее закончилось.

Так или иначе.

— Я видел чертежи. И вижу реку. — Принц кивает на стену и, похоже, цитирует: — Незримая в ночи, под солнцем оживает... Река течет туда, где зеркало сверкает.

— В этом мире не осталось хороших поэтов, — бормочу я и подношу светящуюся руку к камням.

Загадка несложная, и раз принц видит реку, значит, это чары. Те самые лазурные прожилки действительно движутся, словно вода в трещинах. Где-то они пересекаются и сливаются в единый поток, чтобы через пару шагов снова разделиться.

А мы просто идем следом.

— Скажи, что я молодец, — требует Принц, когда я окончательно запутываюсь в поворотах и перестаю их считать.

Летающий вокруг нас Кайо издает что-то среднее между уханьем и карканьем — то ли смеется, то ли все еще надеется стать вороном, как истинная ведьмовская птица.

— Ты молодец, — послушно говорю я, потому что и правда так думаю.

И потому что вовсе не Принц источник той злости, что я беспрестанно испытываю на этом острове, а я сама. Все началось еще три года назад, когда первая капля тьмы попала в мою кровь, но поначалу разум пастыря сопротивлялся. Я не желала признавать всю свою прежнюю жизнь ложью, цеплялась за нее из последних сил, но после встречи с отражением сил не осталось.

Она была права: чистый свет — это оковы, и без них я, похоже, оказалась не самым хорошим человеком.

Порывистым. Едким. Нервным. Гневливым. Какое там благородство Другой...

И тьма тут явно ни при чем.

— Ну что ты, не надо лести, — отмахивается Принц. — Это просто мой скромный вклад в общее дело...

Губы мои дрожат, но растягиваются в улыбке, и внезапно даже для себя я говорю:

— Если вытащишь нас с острова целыми и невредимыми, я тебя расцелую.

— Идет! — так быстро соглашается Принц, будто ждал этого предложения вечность. — А что значит «невредимыми»? Лично меня здорово потрепало, и я не вижу, но ты наверняка тоже вся в ушибах и царапинах. Предлагаю все их задокументировать, чтобы ты уже не отверте...

— Принц, — зову я, а когда он замолкает, стряхиваю с ладони магию, хватаю его за шею и, притянув ближе, целую.

Это невинный поцелуй, просто касание губ губами, но Принц содрогается всем телом и отстраняется первым. Чтобы уже через мгновение сжать мое лицо руками и поцеловать по-настоящему.

Ты говорила, что это приятно. Говорила, что перепцеловала десятки путников, рвавшихся спасти принцессу из башни, но все они были слишком незначительными, поэтому твоими стараниями сгинули в лесу. Помню, как сидела под запертой дверью, а ты шептала с той стороны:

— Иные поцелуи способны снимать заклятья и воскрешать мертвых. Но будь осторожна, малышка, потому что они же могут и убивать. О, скольких сгубили эти презренные чувства...

Поцелуй Принца убивает. Не только мою решимость, но и меня саму. Стук сердца заглушает все

прочие звуки, я задыхаюсь, но продолжаю инстинктивно повторять каждое движение его губ.

Ты соглашаешься: это вовсе не «приятно». Это как добровольно прыгнуть в костер и жаждать, чтобы пламя поднималось выше, разгоралось ярче, проникало глубже. Вскоре от меня останутся одни угольки...

На сей раз мы отстраняемся одновременно, но Принц еще пару мгновений оглаживает пальцами мое лицо, словно запоминает черты, а потом убирает руки.

— Ты же понимаешь, что это не считается? — Даже в темноте, по голосу, я слышу, что он улыбается. — Платить придется все равно.

— Заплачу, — обещаю я, призывая свет.

Если уж сгорать, то до пепла.

Река все течет и течет, прожилки сначала становятся толще, заметнее, а потом тают на глазах и вскоре окончательно растворяются в камне. Нам остается только идти до упора в надежде, что новых ответвлений не будет.

Уже через пару минут я замечаю вдали тусклое свечение и невольно ускоряю шаг. Вряд ли это выход, но, может, тот самый тайник? Мгла будто истончается, становится серой, прозрачной, а сияние впереди, наоборот, набирает силы.

— Там... комната, — говорю я, наконец разглядев широкий арочный проем и раскинувшееся за ним пространство, наполненное стеклом и светом.

— Вижу, — улыбается Принц. — Там столько магии, что можно второй раз ослепнуть.

Мы уже почти бежим, но Кайо все равно оказывается быстрее и с радостным вскриком первый влетает в тайник. Сердце мое пропускает удар — а вдруг

это солнечный свет, опасный? — но Кайо безболезненно закладывает по комнате пару кругов и горделиво усаживается на стоящий по центру пьедестал с широкой круглой чашей. В чаше плещется магический огонь, и языки его тянутся к черным крыльям и ласково ерошают перья, похоже, не причиняя вреда. Огня совсем немного, но расставленные вокруг зеркала — десятки, сотни зеркал всех размеров и форм — отражают его, умножают, разбрасывают по углам, отчего в тайнике светло, как ясным летним днем. И убаюканный пламенем Кайо тоже появляется в каждом зеркале, а вот нас с Принцем они будто не замечают.

— Мы невидимки, — хмыкаю я.

— Если хочешь на себя полюбоваться, я подарю тебе нормальное зеркало. В эти лучше подолгу не глядеть, — отвечает Принц. — А сейчас нам нужны твои глазки. Ищи раму с красным камнем.

Я не задаю вопросов и, не мешкая, приступаю к поискам. Зеркала, отражающие друг друга, но не людей, откровенно пугают — нас будто окружают миллиарды комнат и путей в неизведанное. К тому же я ни на миг не забываю, что это твой тайник. Здесь точно нет ни одной безобидной безделушки.

— Красные камни повсюду, — говорю я, оглядевшись.

— Этот большой и треугольный. И зеркало в полный рост.

Уже легче.

Я отметаю все настенные овальные и все маленькие круглые, парящие прямо в воздухе, и внимательно присматриваюсь к высоким прямоугольным рамам. Они стоят рядами, точно бравые солдаты, без всяких

подпорок или нитей, и армия их кажется бесконечной. Я пробираюсь вглубь и вдоль тайника по узким проходам, стараясь ничего не задеть и не уронить и попутно отмахиваясь каменной рукой от мелких острых осколков, что назойливыми пчелами вьются вокруг и пытаются ужалить.

— Ну что? — подгоняет Принц.

— Ищу, — отзываюсь я и слышу, что он идет на мой голос.

И судя по тихой ругани, его осколки тоже достают.

Нужное зеркало я замечаю в тот миг, когда шаги Принца звучат уже совсем близко.

— Нашла, — говорю я громко, давая ему новый ориентир. — Более того... их тут три.

— Что? — Принц выныривает из-за широкого мутного зеркала в черно-сиреневой раме и останавливается рядом. — В каком смысле?

— В прямом. Три брата-близнеца. И камни один в один, и золотые вензеля. Есть еще какие-то приметы?

Принц хмурился и поджимает губы, и я понимаю, что нет.

— Отлично, — вздыхаю. — Пробуем все?

Он качает головой:

— Мы не можем. Это дорога в один конец, и я... Проклятье! Я же своими ушами слышал про уникальное зеркало...

— Или ты слышал то, что она хотела.

Я тру висок, в котором начинает пульсировать боль. Слишком много отражений, слишком много света, все вокруг слишком...

Заскучавший в одиночестве Кайо как ни в чем не было пролетает над полчищем зеркал и усаживается на одного из близнецов с красным камнем. Когти его,

способные разрывать металл, скребут по золоту, оставляя глубокие царапины, и я усмехаюсь. Такое ты точно заметишь. А потом приходит озарение...

«Ты задавала ей вопросы? — спросил меня Хозяин леса, когда я рассказала про встречу с Осколком. — Обо всем. Об острове. О себе... Зеркала связаны, многое видят и слышат, многое знают...»

Но Другая и без всяких вопросов дала мне подсказку. Она ведь когда-то тоже была частью твоего тайника.

«Передай Принцу...»

— Трещина! На нужном нам трещина!

— С чего ты взяла? — удивляется Принц, а я уже оглядываю рамы, не рискуя к ним прикасаться.

— Одна... девушка из леса сказала.

— Ей можно доверять?

— А мне ты доверяешь?

Ничего. Ничего. Золото и россыпь камней, завитки и лепестки...

— Эй, я даже поцеловать себя позволил. Что это, как не высшая степень доверия?

Я смеюсь — не столько над его возвышенными интонациями, сколько от облегчения, потому что на третьей раме трещина все же есть. Глубокая и ветвистая, она тянется из верхнего правого угла вниз, рассекая узор почти до середины.

— Оно, — говорю я, подталкивая Принца к нужному зеркалу. — Точно оно. Что теперь?

— Теперь... — Он вытаскивает из-за голенища сапога уже знакомый кинжал и под мой испуганный взгляд одним резким движением проводит лезвием по своей ладони. — Теперь можешь попрощаться с этим милым островом. Мы идем в Олвитан.

После чего уверенно прижимает окровавленную руку к треугольному камню в навершии рамы, замирает на секунду и отступает.

Я не задумываясь призываю силу и тянусь к Принцу, и он не сопротивляется. Через два удара сердца рана начинает затягиваться, а камень меж тем продолжает сочиться кровью.

Ее так много, что это явно не с одного пореза настекло. Густая и темная, она пузырится на поверхности и поначалу тонкими, а потом все более и более мощными струйками соскальзывает с рамы на зеркало.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, — шепотом считает Принц, пока перед нами разливается кровавое озеро.

И в тот миг, когда он доходит до десяти, зеркало становится непроглядно багровым.

— Пора.

Он подставляет руку для спорхнувшего вниз Кайо и протягивает вторую мне, но я никак не могу решиться.

— Где мы окажемся? — спрашиваю тихо.

— В Абре. Во дворце.

— Там тоже зеркало?

— Да. Королева любит наведываться к своим любимым отверженным зверушкам. Ей никуда без их знаний и силы.

— А ты уверен, что мы не вывалимся прямо в королевские покои и в ее объятия?

Принц пожимает плечами, будто такой расклад его вполне бы устроил, но тут же добавляет:

— Она не держит свои игрушки на виду, так что нас ждет подземелье.

— Но встреча все же вероятна...

— Не бойся. Она может заполонить своими космами все залы и коридоры, но это *мой* дом. Даже слепого ей меня не поймать.

Меня ты как раз ловила всегда и везде, как бы хорошо я ни изучила наш лес, как бы ни пыталась прикрыться магией. Но я молчу, не желая в этом признаваться. Тем более выбора все равно нет, ведь так? Даже если ты и впрямь ждешь по другую сторону, я все равно шагну в эту кровавую бездну, все равно рискну всем, несмотря на усталость и недавние упаднические мысли.

Нет, я не уверовала в предназначение, но по-прежнему верю в долг. Ты — мой долг этому миру, мое проклятье.

Я сжимаю протянутую руку Принца и закрываю глаза.

До скорой встречи, сестрица...

ЧАСТЬ III
СЕСТРА

Глава 21

По ту сторону зеркала

Я не сомневалась: ты узнаешь, что я выжила. Поймешь, почувствуешь, выяснишь. Поэтому сама отправила тебе письмо с баматийскими торговцами.

Крепко запечатанный сургучом и чарами конверт преодолел сотни тысяч верст по земле и по морю, сменил десятки рук, дважды был потерян и возвращен и трижды — надорван из любопытства, но магия не позволила заглянуть дальше.

Ты получила мое послание. Мое признание. Три слова и многоточие, в которое я вложила громкое и незыблемое «но».

Оказывается, войти в залитое кровью зеркало — все равно что в открытую дверь: я жду мрака и боли,

как после пыльцы, но ощущаю лишь легкое сопротивление воздуха и резкую смену запахов. В пещере пахло сталью и нагретым камнем, а здесь — пылью и дождем.

Что мы вовсе не в подземелье, становится ясно сразу. Во-первых, я вижу грязное зарешеченное окно, за которым в вечернем небе сверкают молнии, а во-вторых, комната слишком заброшенная и захламленная, чтобы быть еще одним твоим тайником. Обстановка напоминает... лавку старьевщика, в которую снесли всю окрестную рухлядь да оставили на несколько месяцев обрасти пылью и паутиной. Я не могу и шага сделать без риска запнуться об обломки резной мебели, раздробленные черепки и прочие скрытые тряпьем вещицы, и Принц тоже застыает и ведет носом.

— Что-то не так... — бормочет он и, как всегда ловко и безошибочно, пробирается к двери. — Мы не...

Сорванная с петель и державшаяся на силе воли створка падает плашмя от малейшего прикосновения, окатив Принца водой из лужи и впустив в комнату шум грозы.

Похоже, этого он не предвидел.

А вот Кайо — очень даже, поэтому заранее переместился подальше, облюбовав полусгнивший шкаф.

— Ага, — соглашаюсь я. — «Мы не».

— Это Внешний город. — Принц упирается рукой в косяк и сгибается едва ли не пополам. Кажется, ему нечем дышать. — Дворец и Внутренняя Абра — за стеной.

Косой дождь бьет по его склоненной макушке, заливает пыльный пол у ног, а гром гремит так близко, словно боги дерутся прямо над нашими головами.

— Почему зеркало здесь?.. — шепчет Принц, но я слышу даже сквозь оглушительные раскаты.

— Потому что она знает. Знает, что мы идем. — Я подхожу ближе и легко касаюсь его спины левой рукой. — Она могла заметить твою слежку. Или пропажу пыльцы. Да и я не скрывала, что...

Молния бьет в мостовую прямо перед рухнувшей дверью — и мы отскакиваем обратно в лавку. Кайо уходит и садится мне на плечо. Надо бы найти для него новый мешок...

— Тогда проще было опустить зеркало на дно морское, — говорит Принц. — Или поставить на краю обрыва.

— Какое тогда веселье? — с усмешкой повторяю я слова Каменной Девы. — Нет, Королева ждет нас. Может, не вместе, но... это лишь мелкие препятствия, разбросанные ею на пути, чтобы поиздеваться.

— Слепой дурень, — цедит он. — И как теперь пребраться во дворец?

— Это сложно?

— Стена неприступна. Вход только через главные ворота, где перетряхивают всех, от бродяг до послов. А дальше — наводненный черной стражей Внутренний город, каждый житель которого сдаст тебя, лишь бы самого не тронули.

— Не знала, что в Олвитане так весело, — вздыхаю я.

— Только последние три года.

Разумеется.

Я переглядываюсь с Кайо и в светящихся в полу-мраке глазах читаю уверенность, которой так не хватает нам с Принцем. Тьма тычется клювом мне

в щеку, проводит по волосам крылом, щекочет перьями и выпархивает на улицу, прямо под мощные струи дождя.

Я кручу головой, нахожу пыльную плотную тряпку, когда-то явно игравшую роль занавески, и набрасываю ее на плечи, прикрыв заодно правую руку. Не плащ, но сойдет, чтобы не привлекать лишнее внимание. Хотя вид у нас с Принцем наверняка настолько дикий, что каменную конечность могут и без того не заметить.

— Идем, — говорю, убедившись, что ткань не сползает. — Изучим обстановку. Сможешь точно определить, где мы?

Принц кивает и первым выходит под дождь.

Мы стоим посреди мокрой мощеной улички, с обеих сторон облепленной двух- и трехэтажными домами. Молнии все еще сверкают над черепичными крышами, но гром будто немного притих и отдалился. Свет в выстроившихся рядами фонарях едва теплится, окна же и вовсе темны все до единого — похоже, ночь уже глубокая. Дождь хлещет без промежука, и по канавкам текут даже не ручьи — целые реки, наверняка затопившие бы округу, не сбегай улица вдаль под небольшим уклоном.

Принц какое-то время просто стоит, пропитываясь дождем, затем растерянно оглядывается и тоже направляется вниз, следом за водой. Я шагаю за ним, а Кайо парит над нами черной тенью, пытаясь прикрыть нас от капель увеличившимися в несколько раз крыльями, но не очень-то успешно.

— Это Торговка, — объясняет Принц. Слова его едва различимы за шумом дождя. — Торговая улица. Лавки, пекарни, мастерские. Внизу она пересекается с Порто-

вой. До порта, конечно, сотня верст, но приезжающие оттуда купцы и путешественники всегда искали здесь еду и ночлег, вот так и обозвали... И нам надо перedoхнуть.

— И узнать, как долго мы проторчали на острове, — напоминаю я.

Вернуться в реальный мир странно, особенно когда выходишь из зеркала по другую сторону двух морей. Прежде я не бывала в Олвитане, и несмотря на такие же дома, такой же камень под ногами и наконец-то живое небо над головой, все вокруг дышит чуждостью. Может, наши королевства и впрямь настолько разные, а может, отверженные продержали нас куда дольше, чем кажется.

Принц кивает, обтирает ладонью лицо, которое тут же снова становится мокрым, и убирает налипшие на лоб пряди волос.

— Ощущение, что я не спал и не ел месяц.

— Если не больше, — соглашаюсь я.

Испытанный во фруктовом саду голод меркнет по сравнению с тем, что навалился на меня по эту сторону зеркала. И возникни сейчас на пути мягкая постель и блюдо с мясом, я бы забралась под одеяло с куском во рту. Так что дождь в каком-то смысле даже выручает — бодрит и не дает свернуться клубком у ближайшей стены.

Возможно, стоило переждать ночь в той заброшенной лавке, но вряд ли мне удалось бы сомкнуть глаза рядом с твоей кровавой игрушкой.

Принц чуть ускоряет шаг, я стараюсь не отставать, а Кайо сжимается до обычных размеров и улетает вперед, словно что-то учゅяв. Я хочу взглянуть на Абру его глазами, но боюсь потратить на слияние последние

силы, так что лишь нащупываю нить, чтобы знать: с ним все хорошо.

Когда мы добираемся до перекрестка Торговки и Портовой, ливень почти утихает и лишь мелкая противная морось все еще забирается под воротник. Дома здесь такие же темные от воды и безжизненные с виду, и я уже собираюсь сказать, что вряд ли кто-то пустит нас на постой посреди ночи, когда воздух сотрясается... бой часов. Принц морщится и зажимает уши, а я считаю. Внимательно. Один, два, три...

— Десять, — удивленно говорю я, когда Внешняя Абра снова погружается в тишину. — Всего десять? Здесь вообще хоть кто-то живет?

Принц кивает:

— Я чувствую мелкие бытовые чары. Я слышу... людей.

Я же слышу только уханье Кайо где-то во мраке и дробь капель, срывающихся с карнизов. По крайней мере, пока не подхожу к ближайшей двери. На мой стук никто не откликается, но я знаю, что в доме кто-то есть — кто-то замерший, почти переставший дышать. Я иду к следующему дому, и к следующему, и везде повторяется одно и то же: стоит постучать, как внутри становится настолько тихо, будто даже занавески на окнах боятся шелохнуться.

— Никто не откроет, — говорит шагающий за мной Принц. Плечи его сгорблены, челюсть напряжена. — Лучше вернемся в лавку. Нам нужно поспать.

— Нам нужен хоть один человек, которому хватит духу подать голос, — нарочито громко возражаю я, опуская кулак на очередную дверь.

И тут же слышу с другой стороны приглушенное:

— Уходите.

Судя по удаляющимся шагам, сказавшая это женщина отступает прочь, и я зову, продолжая стучать по дереву растопыренной ладонью:

— Эй, стойте, стойте! Пожалуйста. Мы просто... ищем приют на ночь. Мы заплатим.

Из денег у нас только несчастные три монетки в сапоге Принца, но сейчас главное — удержать этот единственный на всю улицу человеческий голос.

Ответа нет так долго, что я теряю всякую надежду, но наконец дверь, чуть скрипнув, приоткрывается и в щель просачивается мерцание свечи, зажатой в сухой, морщинистой ладони.

— Шумные. Тише надо быть, пока черные не набежали, — ворчит женщина.

Лица ее по-прежнему не видно, только руку со свечой.

— Простите, — вступает заметно оживившийся Принц, подходя ближе. — Мы лишь ищем...

— Знаю я, чего вы ищете. Смерти, раз шатаетесь тут потемку. Коли есть деньги, так шуруйте на двор, а нам не велено чужаков у себя привечать.

— Двор? — переспрашиваю я.

— Постоялый, — объясняет Принц. — Раньше был в конце улицы...

— И сейчас там, куда ж ему деться, — перебивает женщина. — Все с кораблей там торчат, пока не пустят за стену. Но от порта уже три дня никто не приезжал, так что...

Она не заканчивает, но все и так ясно. Слишком мы подозрительные и взялись неизвестно откуда.

— Спасибо, — благодарю я. — А что...

— Только тряпицу какую на этого накиньте, — снова перебивает женщина, и свеча чуть склоняется в сторону Принца. — Уж больно на кого-то похож.

После чего дверь резко, но почти беззвучно закрывается, отсекая свет.

Что ж, не самая продуктивная беседа, но кое-что можно сказать наверняка. Независимо от того, насколько обманчиво время на острове Отверженных, наших спутников стоило ждать — или искать — только в одном месте.

Глава 22

Дружеское плечо

Ты умела любить — в этом я никогда не сомневалась.
Любить неистово, всем нутром, ведь никакая ненависть не рождается из пустоты.

Пожалуй, будь ты чуть холоднее, равнодушнее —
и мир не нуждался бы в спасении.

До постоянного двора мы бы добрались, даже не зная
Принц куда идти, потому что Кайо, кажется, уже там.
Он зовет, дергает, тянет за нить нашей связи, словно
чем-то встревожен или взбудоражен, и каждый шаг
в том направлении усиливает и мое волнение.

Я стараюсь не бежать и на миг проникаю в голову друга, дабы взглянуть вокруг его глазами, но вижу лишь коновязь с дремлющими лошадьми и размытую дождем дорогу.

Вижу с высоты человеческого роста, будто Кайо по обыкновению сидит на чьем-то плече.

«Свой», — улавливаю отчетливую мысль и чуть успокаиваюсь.

Своих у нас не так много.

— Нас ждут, — говорю я Принцу, едва не запнувшись из-за резкой смены зрения.

Фонарей на пути по-прежнему мало, и светят они еле-еле. Безликие дома горбятся вдоль обочины черными гоблинами из сказок, и обитатели их все так же не спешат подавать признаки жизни.

— Кто?

— Судя по росту — Охотник.

Принц вздыхает:

— Значит, не один день...

Да, далеко не один. Уверена, ты вдоволь наигралась со временем, создавая остров. Поднимая его из черных вод. Сколько силы на это ушло? Сколько чужой боли ты впитала?

Я удерживаю накинутую на плечи занавеску каменной рукой, второй сжимаю ладонь Принца и заставляю его ускориться. Когда из-за поворота показывается озаренная факелами подъездная дорога и крылатое двухэтажное здание, окруженное хозяйственными постройками, в ее конце, мы уже практически бежим.

— Хочешь появиться поэффектнее? — бормочет Принц, но шаг не сбавляет.

— Наоборот.

Мы слишком долго бродим по этим улицам у всех на виду. Чужаки, прибывшие отдельно от кораблей. Лучше поскорее слиться с обитателями постоянного двора, и сделать это в тени Охотника будет проще, он-то уже наверняка примелькался.

Широкоплечую темную фигуру с птицей на плече я замечаю сразу и именно там, где показывал Кайо. Человек стоит напротив коновязи, прислонившись плечом к неоструганной стене какого-то сарая, и почти сливаются с ночной мглой. Выдают его только горящие глаза циккабы да блеск пряжек на плаще. На миг сердце испуганно замирает. А вдруг это все же не Охотник? Твой приспешник мог зачаровать, захватить мою тьму... Но мужчина наконец выходит в мутный свет факелов, и я вижу знакомый темный ежик волос и покрытое шрамами лицо.

— Вы не торопились, — говорит он, ероша перья Кайо кончиками пальцев.

Тот в ответ жмурится и урчит совсем по-кошачьи, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не броситься к здоровяку с объятиями. Останавливают лишь руки: одна проклятая и вторая, занятая Принцем.

— Я бы нагрубил, — улыбается он, — но слишком рад тебя слышать. Давно вы здесь?

— Почти седмицу. — Охотник вглядывается в его слепые глаза без повязки, затем вдруг напрягается, словно что-то услышав, и жестом подзывает нас к себе: — Идемте скорее, пока кто-нибудь не увидел этого белобрысого.

У меня на языке вертится сотня вопросов, но приходится их слогнуть и идти следом. Тут он прав, Принца надо спрятать побыстрее. Главное — чтобы было где...

— За стену никого не пускают с самого нашего прибытия, так что народ здесь все копится и комнат нет.

Но мы заняли амбар, — развеивает мои страхи Охотник. — Искра еще нашептала тут и там о двух больных, поэтому к нам никто особо не суется и вашему появлению не удивится, если что...

Он так деловито обо всем рассказывает, словно не сомневался в нашей встрече. Будто все это и впрямь предназначено и Охотник знал обо всем заранее. Это одновременно злит и умиляет, но я не выказываю ни первого, ни второго.

Мы минуем две совсем крошечные лачуги, выходим к основному зданию и сворачиваем на едва заметную во мраке тропу, огибающую постоянный двор по кругу. Вдоль нее тоже тянутся какие-то сараи, и в каждом мерцает свет — похоже, гости столицы разместились как смогли.

— Волк с вами? — чуть слышно спрашивает Принц, и Охотник кивает:

— От него поди избавься.

Судя по тону, отношения у этих двоих не самые радужные, но новость все же прекрасная. Не то чтобы я поверила словам Мертвой про огонь, который тебя одолеет, просто помочь огневику в любом случае пригодится.

Наконец мы подходим к самому неказистому на вид строению из всех, что попадались по пути. Оно вдоль и поперек изрезано щелями, окон нет, накрененная крыша будто вот-вот свалится нам на головы, а чтобы пройти в дверь, надо быть ростом с бруни.

Ладно, может, и не настолько маленьким, но даже мне приходится пригнуться, а Охотник и вовсе едва ли не пополам складывается.

Благо внутри довольно просторно и не так холодно, как я ожидала, — наверное, благодаря тюкам соломы,

прикрывающим дырявые стены, и разогретым камням, выложенным кругом на земле. Именно возле них сидят Искра и Волк. Сидят молча, на почтительном расстоянии друг от друга, настолько нарочито глядя в разные стороны, что сомнений в только что затихшей скоре не остается.

Что все-таки случилось у этой троицы?

При нашем появлении Искра вскакивает, а Волк остается на месте, но напряженное лицо его разглагивается. Кажется, я даже вижу улыбку, но не поручусь.

— Живые... — Искра безуспешно пытается прикрыть проявленные эмоции холодным тоном и прокашливается. — Мы уж решили, остров вас пожрал.

Она делает шаг навстречу и замирает, видимо, как следует разглядев Принца.

— Ты...

— Все так же слеп, — отмахивается он, без труда сообразив, чем вызвана заминка. — Просто бесполезный подарочек отверженных. Ну хоть от повязки избавился, а то кожа чесалась неимоверно.

Вряд ли его беззаботный тон кого-то обманывает, но Искра переводит взгляд на меня:

— А с тобой что?

По дороге занавеска совсем сползла с плеч, и я по просту обмотала ею каменную руку и теперь прижимаю ее к груди.

— Ничего.

— Ранена? — склоняется ко мне Охотник.

— Нет.

— Я так и знал! — одновременно со мной воскликнул Принц. — Что-то с правой рукой. Ведьма не говорит и трогать не дает.

— Это просто... — Я вздыхаю и все же срываю ткань. — Вот.

От рукава мало что осталось, и в свете фонарей, свисающих с потолка на цепях, серый камень вместо кожи в обрамлении белых обрывков рубахи смотрится особенно впечатляюще. Я могла бы и дальше скрывать, но зрячих провести сложнее, да и уворачиваться от одного только Принца не то же самое, что избегать прикосновений сразу нескольких людей.

Они должны знать.

— Твою ж... — Как ни странно, первым высказываеться Волк. Даже подходит поближе. — Проклятье?

Я пожимаю плечами:

— Скорее всего. Я просто сорвала яблоко...

— Каменной Девы, — шепчет Искра.

Она совсем бледна и на руку мою смотрит с ужасом.

— Кто это? — хмурится Охотник.

— Добрая фея из Лейдфара, — фыркает Принц. — Так что там с рукой?

Он тянется ко мне — и я отшатываюсь.

— Рука окаменела. И превращает в камень все живое.

— Это только начало. — Искра сглатывает и трет лицо обеими ладонями. — Бездна... Проклятье поглотит тебя целиком, если не накормить его чьей-то жизнью.

— Что? — Сердце замирает, и прижатая к груди рука будто становится еще тяжелее. — Я должна кого-то убить?

— Коснуться... И тогда оно не поползет дальше. Но то, что окаменело, уже не вернуть.

— Прекрасно.

Коснуться. Как просто. Спасти себя ценой чьей-то жизни или застыть каменным изваянием, так до тебя

и не добравшись. Если подобное случится, ты, верно, украсишь моей статуей свои сады. Или разобьешь ее на осколки одним точным ударом.

Сколько у меня времени? Есть ли оно вообще?

Мир расплывается, мысли сбиваются на полуслове. Тепло ли тому виной, мерцание фонарей или мнимое чувство безопасных стен впервые за долгие часы... Я тру висок и пытаюсь зацепиться за что-нибудь взглядом, но вижу только уютный соломенный угол, который так и манит если не прилечь, то хотя бы присесть.

— Нужно спать, — бормочу я и иду туда.

Проклятье подождет.

Может, во внешнем мире оно будет расползаться медленнее, а может, сожрет меня за ночь... В любом случае я сейчас не то что тебя — даже неуклюжее дитя не одолею.

«Ясная голова важнее умелых рук», — говорила ты и сплетала пальцами такие чары, что я тебе не верила.

Однако сейчас совет кажется мудрым, а сон — жизненно необходимым.

Остальные продолжают обсуждать не то Каменную Деву и поразительную осведомленность Искры, не то мои шансы на пробуждение. Я не вслушиваюсь, но голос Принца, непривычно резкий, напряженный, то и дело пробивается сквозь шум в голове и не дает совсем отключиться.

Как ни странно, мне спокойнее, пока он звучит.

Я снова прячу проклятую руку под слоями ткани, практически падаю в облюбованный угол и откидываюсь спиной на солому. Кажется, стоит закрыть глаза — и мир исчезнет, но проходит минута, две, десять (я считаю), а спор все не смолкает и сон никак не идет.

Вскоре на тюк возле моей головы опускается Кайо, какое-то время увлеченно мнет-рвет когтями солому и наконец затихает, накрывшись крылом. Всегда поражалась этой его позе — уверена, нормальные совы спят совсем иначе.

А затем рядом, прямо на земляной пол, усаживается Принц, и я — инстинктивно, не иначе, — прижимаюсь к нему ближе, кладу голову на его плечо.

— Вот теперь мне по-настоящему страшно, — шепчет Принц, шевеля дыханием мои волосы.

— Не бойся, я только чуть-чуть вздренму...

— Ты меня поняла.

— Я всегда тебя понимаю.

Он хмыкает и заправляет непослушную прядь мне за ухо.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я, не открывая глаз. — Как видишь не магию?

— Никак. Услышал, как ты пытаешься ее сдуть.

Я фыркаю, но веселья в этом нет ни капли.

— А руку мою видишь?

Принц отвечает не сразу:

— Нет. Я бы сразу сказал, но там будто... нет чар.

— Или, вернув глаза, каменная тварь что-то отняла.

— Или так. — Он вздыхает. — Искра говорит, у лейдфарцев о Деве множество легенд. И жила она сотни лет назад...

— Не надо, — перебиваю я. — И без сказок спать хочется.

Мы снова молчим. Правда, недолго.

— Далеко забралось проклятье? — не унимается Принц.

— Выше локтя.

— За несколько часов...

— Слушай, я все обдумала. Без отдыха не обойтись. И сейчас я каменею медленнее, так что могу еще успеть свершить пару подвигов и добрых дел.

— Ты можешь коснуться ме...

Я опять перебиваю:

— Если закончишь это предложение, я коснусь тебя сапогом.

Принц смеется, а я удобнее устраиваюсь на трясу-щемся плече.

— Все трое готовы идти с нами дальше, — говорит он, успокоившись. — Вместе мы найдем решение.

— Непременно, — вяло отзываюсь я, не веря ни ему, ни себе.

Сон наконец протягивает ко мне мягкие руки, гладит по щеке, накрывает пальцами веки, и, уже опускаясь вместе с ним на тихое темное дно, я слышу сквозь толщу воды голос Принца:

— Ведьма?

— М?

— Я снова дома.

— Да.

Он дома. А я ухожу все дальше от своего.

Глава 23

Пять на пять

Если мама и сожалела о том, что остановила руку короля, вслух мы это никогда не обсуждали.

Да, порой я видела тень терзавшей ее вины, но отчего-то думала, что, выпади шанс, она бы снова тебя спасла. Все изменилось в день, когда ливень смыл к нашему порогу кости несчастных путников.

Тех, кем ты кормила своего лесного монстра. Тех, кто заплатил жизнью за мамину доброту.

— Расплата грядет.

Вот что она отныне шептала мне перед сном.

Утро облегчения не приносит, разве что желудку.

К моменту пробуждения ночная мгла едва успевает уступить место предрассветной серости, а нас уже ждут хлеб, овощи и горячий травяной отвар.

— Искра подружилась с хозяином, — так объясняет это изобилие Охотник. Самой добытчицы в амбаре нет.

Принц выглядит еще более уставшим, чем вчера, не уверена, что он вообще спал. Да я и сама из страха случайно задеть его проклятой рукой, пусть даже надежно укутанной, то и дело вскакивала и в конце концов отодвинулась подальше. В итоге ночь выдалась нервной и холодной, но даже такой отдых хоть немного прояснил голову.

— Почему никого не пускают за стену? — спрашиваю я, утолив первый голод.

Волк только фыркает, но Охотник отвечает, бросив на него суровый взгляд:

— Не то чтобы не пускают... скорее, никто не может пройти.

— Но почему?

— На воротах стоит ведьмовской страж.

Принц закашливается, поперхнувшись отваром, а я застываю с поднесенной ко рту кружкой.

— Вроде кракена?

— Морской страж по сравнению с местным просто душка, — раздается от двери голос Искры. — Кракен предсказуем и молчалив, а этот...

Она кривится, будто от неприятного запаха, и, про-маршировав через амбар, бросает мне на колени плотный мешок с крепкой лямкой.

— Для твоей тьмы.

— Спасибо. — Я благодарно улыбаюсь, а Кайо ворчит откуда-то из соломы, явно недовольный своим скорым будущим. — Так этот страж говорит?

— Загадывает загадки, — вздыхает Охотник. — Ответишь — пройдешь. Сколько мы здесь, еще никому не повезло.

— А в чем смысл? — недоумевает Принц. — Ведь все путники прибыли с дарами для Королевы. Зачем держать их на задворках?

Искра пожимает плечами и усаживается в круг из камней напротив меня.

— Думаешь, кто-то станет объяснять? Есть ворота, возле них два черных прихвостня Экзарха с отрезанными языками да мерзкий пятиглавый страж. Хочешь попасть на ту сторону — угадывай.

— И отправиться восвояси никто не рискнет, — продолжает Охотник. — Есть участь пострашнее, чем провести в таверне лишнюю неделю.

Я хмурюсь все сильнее, в висках начинает ломить.

— Пятиглавый? — переспрашиваю так тихо, что даже не рассчитываю на ответ. — Не змей, слушаем?

— Ага. Вы знакомы?

Я слабо дергаю плечом и молчу.

Кто знает?

Ты могла создать и нового монстра по образу и подобию прежнего...

— Все равно глупо, — не унимается Принц. — Никто не станет вечно сидеть у стены...

— Это испытание, — впервые за утро подает голос Волк. — Проверка терпения. И преданности. Если прогуляетесь до границы Внешней Абры, найдете головы пожелавших уйти.

Они продолжают обсуждать стену. И стражу. И почему он ведьмовской, если сотворила его не ведьма, а маг. Я улавливаю отдельные слова и смыслы, но вместе с тем слышу и другой диалог.

— Мне страшно. Идем домой.

— Игра не окончена.

— Не буду больше играть!

— Будешь. Ты будешь играть, пока мне не наскучит.

Похоже, не наскучило тебе до сих пор.

Я встаю и расправляю мешок для Кайо.

— Никак иначе за стену не пробраться? — спрашиваю, кажется, прервав Искру на полуслове.

Все смотрят на меня, даже Принц поворачивает голову на звук.

— Нет, — отвечает Охотник. — Когда увидишь — поймешь.

Я киваю, и так понимая, что ты не могла создать обычную каменную стену, подвластную крючьям и ве-ревкам. От недостатка фантазии ты никогда не страдала.

— Значит, пора разгадывать загадки стражи.

— Ну а если разгадаем? — Искра тоже встает и складывает руки на груди. — Думаешь, за воротами на-ждет радушный прием и усыпанная лепестками роз дорога прямиком к тронному залу?

— Нет. Думаю, там ждет армия. А еще думаю, что это ловушка специально для меня. Меня и будут ло-вить, поэтому я иду одна, а вы ждете, когда уберут стражи, и проникаете во Внутренний город с потоком торговцев и дарителей.

Искра прищуривается:

— Уберут? Чем же ты так ценна для Королевы?

— Свихнулась? — чуть запоздало вскакивает Принц, словно не сразу верит в услышанное, и я решаю отве-тить именно ему:

— Это единственный вариант. Может, меня и не схватят, но если вдруг... Она не станет сразу меня убивать, но расставленные преграды точно уберет, а вы тем временем придумаете, как к ней подобраться. Сам знаешь, что из нас пятерых только один способен убить Королеву. И это не я.

— Ты же не веришь в пророческие бредни отверженных! — почти кричит он, размахивая руками так яростно, что всем приходится отступить. — Мы найдем другой способ попасть во дворец. Мы...

— Я пройду через ворота, — перебиваю. — Это старая игра, пора уже ее закончить. Уверена, Королева ждет меня одну, и в этом наше преимущество.

— Кто-нибудь объяснит, о чем речь? — вклинивается Охотник.

— Принц расскажет все, что мы узнали. — Я отхожу к стене и раскрываю мешок перед Кайо, который ворчит, но все же забирается внутрь. — А мне пора, пока все вокруг не проснулись и не отправились пытать удачу у стены.

— Одну не пущу. — Принц заступает дорогу, хмурится и в кои-то веки ошибается с направлением взгляда — слепые глаза устремлены гораздо левее, чем стою я с мешком на плече.

— Не глупи.

— Это я глуплю?! — От возмущения голос его ломается. — Ты не знаешь, кто встретит за стеной. Не можешь утверждать наверняка, что Королева сразу же снимет охрану. И если это ваши старые игры, то без тебя мы просто застрянем здесь, не в силах разгадать загадки. А ты... одна там долго не протянешь.

— Она уберет заслон, — уверяю я. — Почти не со мне...

— Это «почти» может дорого обойтись всему живому.

— По-твоему, лучше, если мы всей честной компанией прибежим к ней прямо в лапы? — Я тоже начинаю злиться и повышаю голос, но это не сравнить с ревом, который вдруг издает Волк:

— Молчать!

Я вздрагиваю, застываю, а потом медленно поворачиваюсь в его сторону. Как и остальные.

— Кто ты? — прямо спрашивает он уже привычным шелестящим голосом, не отрывая от меня взгляда. — Зачем ты ей?

Я молчу. Не то чтобы эта тайна так уж важна теперь, но говорить о тебе вслух по-прежнему сложно. Почти невыносимо.

Наконец я решаюсь:

— В нас одна кровь. Мы росли вместе. А потом она призвала врага в наш дом, убила нашу мать, почти убила меня. И знает, что я приду. Ждет.

Я смотрю на всех по очереди и замечаю, как бледнеет Охотник, отчего шрамы на его лице становятся будто еще глубже. Темнее. Как беззвучно охает и тянет к нему руку Искра. Как закрывает глаза Принц, словно ему больно от слова «враг», но иного я не нашла.

Только Волк остается невозмутим и собран.

— Сестра, — коротко подытоживает он и, что-то обдумав, уверенно кивает: — Иду с тобой.

— Нет, вам лучше...

— Я тоже, — хрипит Охотник и делает шаг ко мне, но тут же, словно опомнившись, отступает.

Искра что-то бормочет себе под нос, смотрит на друга с упреком и жалостью и сплевывает:

— Отлично. Идем вместе.

Ну хоть ее эта идея не воодушевляет.

— Да что с вами? — удивляюсь я. — Так не терпится умереть?

— Не терпится домой, — говорит Волк, и в лице его что-то меняется, словно захлопывается дверь.

Кажется, все сказано, и в следующий раз мы услышим его нескоро.

Искра трет лоб и теребит косу, уже до того взлохмаченную, что я только теперь замечаю вплетенные в нее бусины и золотистые перья.

— Он, — кивает она на Охотника, — не отступит, тем более теперь, можешь даже не сотрясать воздух. А я его не оставлю.

Я растерянно смотрю на Принца и вздыхаю, оценив его счастливую улыбку.

— Глупцы и безумцы. Постарайтесь хотя бы не попасться.

Надо было настоять на своем. Спорить, убеждать, угрожать. Или даже ослепить, оглушить их светом и сбежать, пусть сила во мне по-прежнему едва теплится, будто и не было этой ночи отдыха.

Я могла что-то сделать, объяснить, но сдалась, и теперь не могу смотреть им в глаза. Потому что сердце восторженно трепещет: я не одна. Потому что с плеч каменным крошевом осыпается часть неподъемного груза.

А потом я вижу стену и понимаю, что врата — и впрямь единственный путь. И удивляюсь, как не заметила этот костяной частокол еще ночью: белый, пронзающий небеса, он наверняка просматривается из любой точки города.

Чем ближе мы подходим, тем яснее становится, что эти бесконечно длинные заостренные столбы, чуть изогнутые к сердцу города, отнюдь не вкапывали в землю, скорее они выросли из нее. Словно костяные

деревья. Или клыки, готовые сомкнуться над Внутренней Аброй и дворцом.

Обрамленные золотом арочные черные врата в три человеческих роста тоже заметны издали, как и свернувшееся перед ними чудовище, а вот пара твоих верных солдат совсем теряется на этом фоне. Так что когда они вдруг выходят из тени и преграждают нам путь скрещенными секирами, я от неожиданности замираю и цепляюсь за Принца. Он тоже останавливается.

Так вот они какие, прихвостни Экзарха с отрезанными языками, о которых предупреждала Искра. Бледные, темноволосые, почти безликие — похожие на размытые дождем портреты вроде бы молодых людей, но черты до того смазаны, что не скажешь наверняка. По левой стороне их черных мундиров вьется узор — пять золотых прядей на каждого.

Они смотрят на нас светящимися зеленью глазами и вытягивают свободные руки с выставленными указательными пальцами.

Понять безмолвный жест несложно.

«По одному».

— Нет, мы пойдем вместе, — отвечаю я и вижу, как изгибается за их спинами огромный чешуйчатый страж.

Цвет его, цвет мха и гнили, течет и меняется в лучах рассветного солнца — это то почти прозрачный изумруд, то ведьмовское зелье, то болотный ил. Змей ползет, но не двигается с места, только затягивает и ослабляет узел длинного тела, и наконец из-под его изогнутых арок одна за другой высываются все пять голов.

— Про...

— Пус...

— Тить... — по очереди шипят три из них, и солдаты в тот же миг расходятся, беспрекословно, без раздумий, лишь звякнув напоследок секирами.

— Вы точно знакомы, — бормочет позади Искра, а Принц крепче стискивает мою здоровую руку.

— В кои-то веки я рад, что слеп...

Да, я бы тоже не отказалась ослепнуть, ибо облик стражи, его увенчанные острыми гребнями головы, покачивающиеся над запутанным узлом тела, пробуждают не самые приятные воспоминания.

«— Почему их пять?

— Чтобы связно говорить. Одной голове нужен перерыв после каждой гласной. Это так раздражает...»

— Я...

— Ску...

— Чал... — выдыхает змей тремя пастями, пока мы медленно к нему приближаемся.

Мы с Принцем первые, а следом Искра, Охотник и Волк.

— Вы...

— Рос...

— Ла...

— Мы хотим пройти в город! — почти кричу я в ответ, потому что страж тоже будто подрос и на такой высоте головы явно не услышат обычную речь.

— За...

— Гад...

— Ки... — оживляются они, танцуя на ветру, а парочка даже спускается пониже, пощелкивает языками перед нашими лицами.

— Иг...

— Ра...

— Ра...
— Ра...
— Ра...
— Мы готовы, — говорит Принц.
— Что ж-ж-ж-шишишишиш...
— Мно...
— Го...
— Пут...
— Ни...
— Ков...
— Три...
— Воп...
— Ро...
— Са...
— О...
— Дна...
— О...
— Шиб...
— Ка...
— Ни...
— Кто...
— Не...
— Прой...
— Дет...

Головы молниеносно подхватывают слоги друг за другом, поэтому речь их вполне плавна и понятна, разве что разные голоса сбивают с толку. Голоса, украшенные у людей. Молодые и старые, мужские и женские, искаженные змеиными пастьями, стражу они все равно не подходят.

— Согласны, — отвечаю я за всех, потому что выбора нет, и стискиваю обмотанную тряпкой каменную руку, которую так хочется пустить в дело...

Думаю, ты бы оценила статую змея перед вратами. Вот только что-то подсказывает, что живым его можно считать весьма условно, а значит, проклятье бесполезно.

— А обсуждать версии можно? — тихо спрашивает Охотник почему-то у меня.

Я гляжу на него через плечо:

— Сейчас и узнаем.

— Первая... первая... — прерывает нас шипение змеиных голов.

Они вновь пускаются в танец, исчезая в переливающемся подвижном узле и выныривая из новых просветов.

— Ее боится стар и нов,

И рыцарь, и батрак.

Лишь тем, кто с нею заодно,

Неведом этот страх.

Голоса сливаются в единую песнь, и трудно отличить, какая голова какой слог произносит. В какой-то миг кажется, что все они говорят одновременно, пусть даже это невозможно.

— А ты еще русалок ругала, — ворчит Принц, чуть склонившись к моему уху, и я фыркаю.

Не только из-за его замечания, но и потому, что знаю ответ. Ты сама его подсказала.

Мертвое бессмертно, а вот остальным от этого страха никуда не деться.

— Смерть, — шепчет Волк, тоже догадавшись.

— Смерть! — говорю я громко, игнорируя задущенный возглас Искры за спиной.

— Верно-о-о-ош-ш-ш, — шипят головы и тут же выдают следующую загадку:

— Король с девицей поиграл,

Король ребенка нагулял
И выгнал. А она весь срок
Все рвется к замку на порог
И ходит-бродит ночью, днем...
Что будет с этим королем?

Я моргаю, растерянно смотрю на остальных,
но лица у них такие же недоумевающие.

— Он умрет? — предполагает Искра шепотом,
чтобы страж не услышал. — Рано или поздно, с уча-
стием девицы или нет. Все умирают.

— Кроме тех, кто со смертью заодно, — напоминает
Принц про первую загадку.

Я киваю, бормочу:

— Он станет отцом... — Но тут же сама себя оспа-
риваю: — Нет-нет-нет, не то.

Столько слов, и все ради путаницы. Здесь дело
не в девице, а в тебе. А значит, важен лишь король
и его проступок. Самый страшный, с твоей точки
зрения, брошенное дитя. И наказание за подобное
тоже полагается самое жестокое, в твоем же пони-
мании.

*«Они не боятся пасть в битве или быть отрав-
ленными коварными друзьями и любовницами. Не бо-
ятся боли и потерь. Королей страшит лишь одно —
забвение».*

— Я знаю, — говорю вслух и добавляю уже громче,
для змея: — Он будет забыт.

— Помнишь наши игры, — недовольно тянет он. —
Не растеряла остроту ума...

— Объяснишь потом, в чем тут логика, — шепчет
Принц. — Я заинтригован.

А я качаю головой, сомневаясь, что во всем этом
есть логика. Да и ума особого здесь не надо — доста-

точно знать тебя. Одно время я верила, что ты придумала лесные забавы со змеем и загадками, потому что искала понимания. Хотела раскрыть мне образ своих мыслей. Но нет, все было затем, чтобы заставить меня думать так же. Извратить, изломать мое нутро.

Вероятно, тебе бы удалось, не запрети мама те прогулки.

— Пос-с-следний, — шипит змей, вырывая меня из размышлений, — последний вопрос-с-с. Цените доброту. Вас пятеро, и загадок могло быть пять...

— Угу, сейчас паду ниц в припадке благодарности, — бормочет Искра.

Я не оборачиваюсь, но уверена, что Волк на это закатывает глаза. Он так реагирует почти на каждую ее реплику, но думать об их странных отношениях совершенно некогда. Страж продолжает:

— Пусть голод мне не господин,
Но плоть слаба и сладок грех...
У вас их сотня штук на всех —
Откроет путь всего один.

И с последним звуком головы застывают на длинных изогнутых шеях, будто я все же коснулась их проклятой рукой, и только толстый чешуйчатый хвост, торчащий из узла, все метет и метет пыльную землю.

Я выдыхаю и по очереди смотрю на Принца, Волка, Искру, Охотника. На лицах их понимание и неверие одновременно. Да, загадка проста как пять... нет, как сто наших пальцев, один из которых нужно скормить стражу в уплату за открытие врат.

Принц стискивает зубы и протягивает в круг растопыренную ладонь.

— Только указательный не трогайте, еще пригодится тыкать в неугодных...

— Спятил? — Искра шлепает его по руке и оставляет в круге свою. — Слепой и беспалый — это перебор. А мне не повредит особая примета.

— Дура, — рычит Волк, отталкивает ее и, разумеется, тянет вперед кулак с выставленным мизинцем.

Хоть кто-то знает, чего готов лишиться.

Я слатываю:

— Вы извините, но это мой бой и...

Искра хохочет, запрокинув голову:

— Ой, не могу, серьезно? Одна рука каменная, а тебе все мало? Чем биться-то собралась, вояка?

Звук стали, рассекающей плоть и кость, мы узнаем сразу и все смотрим на Охотника, который уже вытирает кинжал о штаны, прижимая к груди окровавленный левый кулак. В пыли у его ног лежит отрезанный палец.

— Только покормите эту тварь сами, — бормочет он побелевшими губами и слегка покачивается, убирая оружие в ножны на поясе.

Думаю, если б не эта неприкрытая слабость, Искра бы ему врезала — такой гнев плещется в ее глазах. Но она лишь стискивает на мгновение плечо друга, ругается сквозь зубы и, наклонившись, подбирает палец. Затем к ним подходит Волк и прижимает к ране ребро ладони — явно раскаленной, потому что Охотник шипит не хуже стражи, а до нас доносится запах жженой плоти.

— Какой хоть оттяпал? — тихо спрашивает у меня Принц.

Я приглядываюсь:

— Безымянный.

— Ловко. Был у меня один друг...

Выслушать еще одну поучительную историю мне не дают: с воинственным кличем Искра выскакивает

вперед и швыряет подношение прямиком в среднюю голову.

Та подхватывает палец на лету, и тут уже все пять голов отмирают и шипящие смеются на разные голоса.

— Отвашиш-шный смертный. Виной гонимый...
Вкус-с-сная вина...

— Ты получил, что хотел! — кричит Искра. — Открывай ворота.

— Как пош-шелаете...

Страж не отползает в сторону, как я ожидала, лишь сворачивается в еще более сложный и многослойный узел, пряча головы и хвост, зато безмолвные солдаты, о которых я успела позабыть, вдруг ожидают. Стремительным шагом они обходят его с двух сторон и, добравшись до врат, синхронно замахиваются секирами.

Сверкающие лезвия одновременно вонзаются в kostяные столбы, примыкающие к черным створкам, и в тот же миг те с громким скрипом начинают открываться.

— Топ-топ-топ-топ-топ, — приглушенно произносит страж, изгибаясь дугами, пока мы вслед за солдатами обходим его по кругу. — Берегитесь-с-сь пса о двух ногах. С-с-сердце его с-с-съедено. Руки его длиннее ее волос-с-с.

Я смотрю на него чуть дольше необходимого, почти любясь переливчатой зеленью блестящей шкуры, а потом трясу головой и, стиснув ладонь Принца, шагаю в туман, разлившийся по ту сторону черных врат.

Глава 24

Верный пес

Боль и страх — важнейшие источники твоих сил, однако есть и иные, верно?

Нет, не счастье, от которого ты давным-давно отмахнулась, но трепет и безмолвное поклонение. Поэтому у воинов твоих нет языков, а сердца их уни-заны иглами ядовитой магии.

Это даже не туман — дым, плотный, едкий, вездесущий. Такой густой, что ворота исчезают, стоит только сделять несколько шагов, и лишь по противному скрежету ясно, что они закрываются.

Я щурюсь, кашляю, пытаюсь развеять дым ладонью и инстинктивно жмусь ближе к Принцу, чувствуя спины и плечи остальных. Расходиться опасно, все это понимают.

— Ну и что дальше? — хрипло спрашивает Искра, явно с трудом сдерживая кашель.

Я пихаю Принца в бок.

— Ты видишь какие-нибудь чары?

— Они... повсюду... что это? — Он прячет нос в стибе локтя и продолжает глухо и гнусаво: — Дым? Ненастоящий. Магия.

— Спасибо, что просветил, — бормочет Охотник.

Магия — это плохо, с природой мой свет спрятался бы наверняка, а так приходится действовать на свой страх и риск. Я на ощупь перевешиваю мешок с притихшим Кайо на плечо Принца, уже довольно споро орудя единственной рукой, и призываю силу к кончикам пальцев.

— Если что, не выпускайте его на солнце, — прошу всех. — Даже если будет рваться...

— Эй, ты куда это собралась? — возмущается Искра.

— Пока никуда. Просто предосторожность...

Кайо дергается, бьет меня клювом сквозь мешковину, клекочет — и Принц поудобнее перехватывает лямку.

— Не забыла, что он — часть твоей магии? Не лучше ли...

— Нет, — перебиваю я. — Не лучше.

И выпускаю свет.

Поначалу он мечется из стороны в сторону бесконтрольным лучом, довольно тусклым и рассеянным. Будто проклятье вытянуло из меня все силы, приговорив к роли дорожного фонаря. Но затем в груди поднимается волна жара, и он выплескивается оттуда ослепительно белыми кольцами, что вспышками проносятся по окружности, впитывая дым.

— Я думала, нужно быть тихими и незаметными, —
хмыкает Искра.

— Нужно видеть врага, — отвечаю я. — А про нас
они узнали, едва мы заговорили со стражем.

— Они?

— Они. — Дрожащей рукой я указываю на черные
тени, плывущие к нам по медленно проступающим
из дыма улицам.

Теперь видно, что Внутренняя Абра мало отличается
от Внешней. Все те же сгорбленные дома и темные
окна, все тот же запах пустоты и страха. И острое
чувство, что вокруг нет никого и ничего живого, все
давно сгорело дотла, и только дым еще сползает с по-
катых крыш, стелется по земле и льнет к ногам бро-
дячей псиной.

Мы словно шагнули в мир мертвых, и беззвучно
идущий навстречу отряд твоей черной армии лишь
дополняет картину.

Отряд всего один, кстати, человек тридцать — впору
обижаться на столь нелестное мнение о моих способ-
ностях. Но затем я вижу, кто шагает во главе, и пони-
маю, что ты меня даже переоценила, раз послала сюда
самого Экзарха.

Того, кто принес твое слово в каждый дом. Того,
кто убивал во имя твое и миловал твою властью.

Я не встречала его прежде, но узнаю сразу, издалека,
потому что Экзарх не воин. В его руках нет ни меча,
ни секиры, только тонкая белая трость, на которую он
совсем не опирается при ходьбе. И одет он иначе,
не в мундир, а в длиннополый кафтан с расшитым во-
ротом и золотым кругом на груди. Безликие солдаты
за его спиной кажутся размытой кляксой, и на этом
фоне его острые черты особенно резки и заметны,

а собранные в хвост черные волосы довершают образ хищной птицы.

Экзарх улыбается, не отрывая от меня закрашенных темной полосой глаз, словно не чаял дождаться этой встречи.

А я улыбаюсь в ответ, потому что только теперь осознаю, насколько близок финал. Наконец-то.

— Волк? — зову я.

— Ага. — Волк тут же оказывается рядом. — Согреть их?

— Да. Сеем хаос и прорываемся в город. Принц, найдешь для нас укрытие?

— Если сумеем их обойти и пересечь главную улицу — уже никто не поймает.

— Хорошо.

Спрашивать, готовы ли Искра и Охотник, не приходится, они уже выступают вперед с обнаженными клинками.

— Помните главное? Уходите, даже если я отстану.

— Ну уж нет, — цедит Принц.

— Не будь идиотом. Сам хвалился, что знаешь тайные подступы к дворцу, вот и вытащишь меня, если что. А если схватят всех, все и сгинем.

Он недовольно поджимает губы, но хоть не спорит больше, только достает свой неизменный кинжал.

— И береги мою тьму, — добавляю я, а потом киваю Волку: — Давай!

Пламя подчиняется ему куда лучше, чем свет — мне. Оно срывается с изящных тонких пальцев и десятком стрел устремляется к подошедшему совсем близко отряду.

Сердце замирает, и хоть я не надеюсь так просто сразить Экзарха, все же не могу сдержать разочаро-

вания, когда огонь огибает его, словно столкнувшись с незримой стеной, и бросается на шагающих позади воинов. Один из них всыхивает, будто лучина, но продолжает идти, пока кожа его пузырится и сползает, обнажая плоть, а затем и кости.

Солдат не издает ни звука.

— Какого?.. — Искра выставляет перед собой меч. — Что это за демоны?!

— Люди, — отвечаю я, уверенная, что где-то внутри этих холодных оболочек живут и вопят от боли плененные души.

А потом бросаюсь вперед, на ходу формируя плеть.

Орудовать левой рукой непривычно, и с первой попытки я промахиваюсь, лишь вспарываю землю у ног Экзарха, впрочем, это его не останавливает. Он даже с шага не сбивается — просто переступает через появившийся на пути шрам да смахивает с кафана куски земли и травы.

Я снова опускаю плеть, но Экзарх поднимает руку и перехватывает конец, который должен был полоснуть его по груди. Вот так просто, голой ладонью, он удерживает мой свет и словно впитывает его под кожу. За секунды плеть тускнеет и истончается, а рука Экзарха, напротив, сияет все ярче. Хватка его сильна, непоколебима, и мне остается лишь рассеять остатки чар, пока через них он не исчерпал всю меня до капли.

Я вижу, как сыплются на отряд огненные стрелы, как часть воинов выступает вперед, но здесь их уже встречают проворные клинки Искры и Охотника. Вижу, как Принц с ловкостью того, кто многое знает загодя, уворачивается от ударов и обходит поле боя по флангу. Вижу все, но, похоже, ничем не могу помочь и продолжаю следить за Экзархом.

Улыбка его безмятежна, а рука — полна моего света. Он подносит ее к губам, дует на ладонь — и украденная магия разлетается по ветру крупными хлопьями пепла.

— Мы пришли встретить долгожданную гостью, — говорит... почти поет Экзарх глубоким, бархатистым голосом, — но угодили в коварную засаду. Уверен, Королева разделит мое негодование и простит, если гостья прибудет во дворец по частям.

Нас разделяют считаные шаги, и теперь я могу разглядеть, что в золотом круге на его груди вышито пронзенное иглой сердце, а за черной краской мерцают светло-голубые глаза. Но самое главное — я вижу на хищном лице сомнение, которого нет в голосе, поэтому отвечаю:

— Уверена, ты не посмеешь так сильно разочаровать свою Королеву.

Экзарх смеется:

— Ты ровно такая, как она говорила.

А затем отводит в сторону руку с тростью — и мир снова заволакивает едва успевший развеяться дым. Серый, прогорклый, он сочится прямо из-под земли и, кажется, обходит стороной только нас двоих. Вскоре я уже не вижу ничего, кроме Экзарха и вспышек пламени где-то в дымной мгле, но по-прежнему слышу звон стали и выкрики моих друзей, которые пытаются не потеряться.

— Занятная у тебя компания, — говорит Экзарх, без усилий перехватив сгусток волчьего огня, прорвавшийся в наш кокон.

Он вертит его в ладони, пропускает сквозь пальцы, играет с ним, даже позволяет обхватить руку целиком, явно не испытывая боли. А потом стряхивает, будто

безобидную воду, и язычки пламени серой пылью оседают у черных сапог.

— Знаешь, почему ты и твой арьёнец бесполезны? Почему светом и огнем меня не одолеть? — Экзарх делает шаг ко мне и снова останавливается. — Потому что я — то, что остается после огня. Я — дым и пепел. Я — обугленные кости и выжженная земля.

— Ты — сама скромность, — фыркаю я и призываю в ладонь затерявшиеся во мне крохи тьмы.

Может, хоть она справится с твоим псом.
Он улыбается и трижды бьет тростью оземь:
— А еще я сказочно добр, поэтому не трону твоих друзей.

Я не слышу ударов, вместо них воздух наполняется низким, будто дрожащим гулом, и из дымовой завесы к нам один за другим выходят солдаты.

— Если они не встанут на пути, — добавляет Экзарх и, отвернувшись, так быстро исчезает, что я не успеваю даже швырнуть в него чистой силой, не то что сформировать из нее плеть или клинок.

Зато окружившим меня солдатам достается сполна. Первым двум тьма застилает глаза — и они все так же ужасающе беззвучно отшатываются обратно в дым, так до меня и не дотронувшись. Других я ослепляю светом, но когда и этого становится мало, когда в моей левой руке появляется сияющий меч, которым я вряд ли сумею даже как следует замахнуться, внезапно оживает правая.

Я не управляю ей, просто слышу... чувствую, как постукивают, распрямляясь, пальцы, как щелкает локтевая сустав, как пульсирует что-то под камнем, какая-то жила, готовая разорвать его изнутри.

И это не я, а сама рука сбрасывает тряпичный покров и хватает ближайшего солдата за запястье, судя по хрусту, тут же его сломав. Он не кричит, даже не морщится, но на миг мне чудится испуг на смазанном лице — или оно лишь отражает мой собственный ужас от осознания...

На сей раз проклятье не медлит, и серость расплывается от кольца моих пальцев по коже солдата, будто краска по влажной ткани. Мундир бугрится, трещит и ползет по швам, когда тело под ним становится каменным. Затем каменеют ноги, но солдат успевает упасть на одно колено, утягивая и меня следом, и только здесь замирает.

Мертвой статуей в черной одежде и с запрокинутым в небо каменным лицом, черты которого наконец-то видны. Тонкие, прекрасные черты юноши, ставшего твоей марионеткой.

На глаза набегают слезы. Я всхлипываю, дергаюсь, пытаясь разжать хватку, но рука по-прежнему не слушается. Кажется, она навеки слилась с тем, кого убила, и мне суждено стоять перед ним на коленях, пока сама не обращусь в камень или не сгнию до костей.

Нас по-прежнему безмолвной стеной окружают солдаты, но никто из них больше не тянет ко мне рук, с оружием ли или без. Может, ждут приказа, а может, даже твоим куклам не чужды разумные опасения.

Я вытираю слезы грязной левой рукой и прислушиваюсь к тому, что творится в задымленном городе. Не звенят ли клинки, не трещит ли пламя... Но все тихо, и я надеюсь, что остальные ушли, не заупрямились, и что Экзарху и впрямь нужна только я.

— Что тут у нас? — как по заказу раздается его голос, и солдаты расступаются, пропуская командира.

Он без всякого удивления смотрит на статую, на меня, качает головой и вскидывает трость, которая вдруг вспыхивает ослепительным синим пламенем.

— Это мы с собой не потащим.

И он бьет ею, точно мечом, по моей руке.

Я думала, что ничего не почувствую, если она разобьется, — разве может болеть камень? — но боль такая, будто Экзарх разрубает на кусочки вполне живую плоть. Я кричу и успеваю увидеть лишь брызнувшие во все стороны осколки, а потом в глазах темнеет, и с этой темнотой мне совсем не хочется бороться.

Глава 25

ЗОЛОТО ВОЛОС ТВОИХ

Я тоскую о тебе каждый день.

О той, кем ты была и кем могла бы стать.

Лицо Охотника рассечено решеткой. Железные прутья вдоль и поперек. И видится оно мне сквозь голубую дымку — не то сон, не то пелена боли, а может, самый настоящий туман.

Я пытаюсь разогнать его рукой, но ничего не происходит. Рука не поднимается без всяких иносказаний и преувеличений. Ни одна.

Я смотрю на место, где еще вчера была правая, и вижу лишь разодранный грязный рукав, пустой до самого плеча. Затем поворачиваю голову налево и облегченно выдыхаю: вторая никуда не делась, про-

сто прикована к вмуренному в стену железному кольцу и, похоже, затекла.

После сотни неудачных попыток мне все же удается пошевелить пальцами, и я сжимаю и разжимаю их, глотая слезы, пока кровь не растекается по венам и болезненные спазмы не превращаются в слабое покалывание. И только потом осторожно приподнимаюсь с влажного каменного пола и приваливаюсь боком к холодной стене.

Задираю голову. Сквозь трещины в низком потолке проросли бледные ветвистые корни, и по ним медленно сползают вязкие черные капли. Вывернув единственную руку, я касаюсь стены и растираю непонятную жижу большим и средним пальцами. На ощупь как... масло?

Наклониться и понюхать мне не хватает сил. Уверена, если сдвинусь с места — непременно лишусь равновесия, упаду и больше не встану. Оказывается, без второй руки тело становится очень неловким. Даже каменная, хоть и нарушала баланс, была лучше, чем ничего.

В груди холодно и гулко. Я отрешенно гадаю, как выглядит теперь правое плечо. Там кровавая рана или неровный каменный край? Рубаха такая грязная, что и не разберешь, есть ли на ней кровь. А если там все же камень, не поползет ли проклятье дальше?

Хотя... я же выполнила условие. Отняла жизнь.

Я прикрываю глаза, упираюсь лбом в стену и снова вижу лицо юноши, которого лишила личности ты, а потом еще и я...

Нет, я была готова убить — не зря же бросалась на солдат то с плетью, то с клинком, — но не так. Кто знает, может, проклятье только заперло его в камне. Кто знает...

Благо остальные ушли. И как бы мне ни претило перекладывать стол тяжкий груз на чужие плечи, лучше бы им, друзьям, не возвращаться за мной и спрятаться самим. Не потому, что я сдалась, а потому, что толку от меня теперь немного. Ни свет, ни тьма не откликаются на зов, и нить связи с Кайо так тонка, что я боюсь ее касаться — вдруг порвется.

Так что же я могу против тебя, без магии, без рук, без веры? Только отвлечь, захватить твое внимание и подарить друзьям хоть пару лишних мгновений на подготовку.

Заслышав шорох, я вскидываю голову и снова на миг прикрываю глаза, надеясь, что это иллюзия. Но нет, к решетке, отделяющей мою клетку от соседней, прижало лицо Охотника. Он словно пытался дозваться меня, дотянуться, да так и уснул, просунув меж прутьев руку, пристегнутую длинной цепью.

Значит, не померещилось.

Неужели схватили всех?

Я дергаюсь к нему, на миг забыв, что с одной стороны покалечена, а с другой — прикована, и лишь сдираю кожу запястья о плотный железный обруч.

— Охотник, — зову я.

Пересохшее горло саднит, и голос мой не громче шелеста крыльев бабочки, но Охотник тут же открывает единственный глаз.

Покрасневший и вряд ли способный что-то разглядеть.

— Я думал, что смогу, — хрипит Охотник. — Думал, их же так мало...

И переваливается на стену со своей стороны решетки, вытащив руку.

— Остальные? — спрашиваю я.

— Ушли.

Нелепо, странно, но мне хочется смеяться. Меньше всего я ожидала, что Экзарх сдержит слово.

— Ты не должен был... — пытаюсь я сказать очевидную и никому не нужную глупость, но Охотник перебивает:

— Должен.

И снова это ослиное упрямство. С кем же он пытается расплатиться таким самоубийственным способом?

— Что ты сделал? — спрашиваю я. — Чем заслужил такое жестокое «предназначение»?

На нормальный ответ даже не надеюсь и, неуклюже развернувшись, разглядываю темницу. Довольно светлую, кстати, хотя непонятно, откуда что берется. Окон нет — одна каменная стена, пол, потолок да решетки с трех сторон. Слева — камера Охотника, справа — пустая, а спереди — коридор. Там мерцают какие-то факелы, но вряд ли они способны дать так много света, да еще такого чистого, почти белого.

Я присматриваюсь к корням на потолке, по которым все еще сочится черное масло, возможно, именно они так сияют, и в этот момент Охотник все же отвечает:

— Я был мальчишкой, когда принцесса исчезла. Был юнцом, когда королевский лесничий взял меня в ученики, а к своей двадцатой зиме уже занял его место. В тот год и прибыли оловянцы.

Я дергаюсь, но головы не поворачиваю. Не хочу смотреть на него.

— Короля я встречал редко, но пару раз слышал, как он бормочет, мол, «надо добить эту тварь». Я думал, речь о ведьме, укравшей принцессу. Он даже посыпал в ваш лес следопытов, но часть их сгинула,

а прочие вернулись ни с чем. Я же знал, что смогу, что отыщу ведьмин замок. Я сам вызвался, когда оловянцы искали проводника, и...

— Хватит, — не выдерживаю я.

Дышать тяжело. Вдруг отчетливо вспоминается наш разговор на корабле.

— Ты говорил, что ничего мне не должен...

— Я не знал, кто ты. Был уверен, что они тогда убили обеих.

Надо сказать, что я не виню его. Успокоить. Вот только это не поможет. Как мы с мамой, как Принц и его брат, как десятки других людей, Охотник стал ступенькой на пути твоего восхождения, и никакие мои слова ничего не изменят. С его-то верой в predeterminedность...

— А башня? — спрашиваю я. — Ты сжег ее?

— О нет, дорогая, — отвечает совсем другой голос, и меня практически скручивает от боли.

Потому что этот голос — твой.

— Он был слишком занят, пытаясь остановить кровь, когда одна из маминых тварюшек разодрала его прелестное лицо. Заметь, маминых, не моих.

Голос звучит все ближе, я до рези в глазах вглядываюсь в коридор и, конечно же, первым делом вижу твои волосы. Золотые пряди словно прокладывают путь или изучают территорию; они струятся по полу, наползают на стену, обвивают прутья решетки.

Ты смеешься — и факелы гаснут, погружая коридор во мрак, разгоняемый только сиянием волос, и вот тогда появляешься ты.

Окруженная этим ореолом. Прекрасная. Незабытая.

Сердце стучит так быстро, что я бы с радостью придержала его рукой, будь такая возможность.

Ты почти не изменилась за три года, лишь глаза стали совсем черными — но, может, это игра теней, — да нежные светлые платья сменились чем-то насыщенно бордовым, дорогим, подчеркивающим все изгибы тела и таким же бесконечно длинным, как твои волосы. Тяжелый блестящий шлейф тянется за тобой опущенным крылом, а высокий острый воротник прячет от меня твою улыбку.

— Признаться, я ждала тебя в любой компании, но не с... этим. — Ты на мгновение замираешь перед камерой Охотника и наконец подплываешь к моей. — Ты научилась удивлять.

Я молчу и просто смотрю на тебя, одновременно сияющую и скрытую во мраке, близкую и далекую, родную и незнакомую.

— Даже не поприветствуешь свою Королеву? — усмехаешься ты.

— Из такой позы не поклонишься, — все же отзываюсь я на удивление ровно, хотя внутри бушует настоящий ураган. — И прижать к груди нечего.

Я чуть дергаю прикованной рукой и пожимаю пустым плечом.

Странно, но оно совсем не болит.

— Ах да, я слышала об это досадной неприятности.

Ты шевелишь пальцами — и прямо из пола, кроша камень, к тебе прорываются гладкие толстые лозы и сплетаются за тобой в величественный трон. Ты ждешь, когда совьется последний узор в изголовье, и медленно садишься.

— Мой Экзарх спас тебя, разбив проклятую руку. Где ты только подцепила эту пакость?

Нет, проклятье спало, забрав жизнь солдата, а рука могла бы мне еще пригодиться. Возможно, я бы на-

ловчилась ею управлять или же кто-нибудь сумел бы обратить ее обратно в плоть, та же Каменная Дева, но теперь мы этого никогда не узнаем.

Разумеется, ничего такого я не говорю, только улыбаюсь уголками губ, помня, как раздражает тебя молчание в ответ на заданные вопросы. Мама часто повторяла, что тебе не хватает терпения, вот и сейчас я вижу, как углубляется складка меж идеальных бровей.

— Итак, ты собрала команду мстителей, — первой нарушаешь тишину ты. — Подружилась с принцем, который вонзил в тебя клинок. С лесничим, что привел убийца к нашему дому. С желтоглазым огневиком, трусливо бежавшим из моей армии.

Видимо, что-то мелькает на моем лице, поскольку ты довольно ухмыляешься:

— Да-да, арьёнец когда-то служил мне. Забавно, не находишь? Ты собрала под своим крылом почти всех, кто разрушил твой мир.

А Искра? Про нее ты не упоминаешь. Не знаешь? Или она не вписывается в схему? Давать подсказок я не хочу, поэтому просто отворачиваюсь и смотрю на Охотника. Отсюда видна лишь правая сторона его лица, молодая, прекрасная, без шрамов, и горящий ненавистью глаз, устремленный на тебя.

— Кстати, о крыльях. Где твоя тьма? Ты наконец послушала доброго совета и поглотила ее?

О да, ты знаешь, куда надавить, чтобы я не сдержалась.

— До Кайо тебе никогда не добраться.

— Думаешь? — Ты откидываешься на спинку плетеного трона, упираешься локтями в подлокотники и соединяешь изящные ладони перед собой. — Не ста-

нет тебя — не станет и его, так что даже ни к чему гоняться за твоей птичкой.

— Но ты бы хотела, правда? — Я все же отлепляюсь от стены и подаюсь вперед, насколько позволяют оковы. — Хотела бы избавиться от меня и оставить Кайо себе.

— Я бы хотела, чтобы ты не была такой упретой идиоткой. Чтобы не растрачивала дарованное мной понапрасну.

От удивления я забываю держать лицо, моргаю и переспрашиваю:

— Дарованное *тобой*?

— Так и не поняла? — Ты качаешь головой, улыбаешься снисходительно и со вздохом упираешься подбородком в кулаки. — Я ведь так старалась... Столько лет твердила тебе про свет и про тьму — причем чистую правду, а не тот полубезумный бред, которым нас пичкала мамочка. Да, способностями тебя наделила не я, природа, но она же их и ограничила. А я распахнула дверь клетки, однако ты добровольно осталась внутри. Что это, как не верх глупости?

Ты встаешь, взмахом руки развеиваешь трон в пыль и подходишь к камере Охотника. Тот дергается, цепи гремят, но непускают его далеко от стены.

— Взять, к примеру, нашего лесовичка. Он знал, что природа наделила его острым слухом, зрением, нюхом. Знал, что быстро запоминает тропы и неплохо управляет с мечом. И потому воспользовался всем этим, едва представилась возможность в лице моего пустоголового супруга и его братца. Бравый проводник повел их к башне и пусть в процессе попортил лицико, зато домой вернулся с мешком золота.

— Сдохни, тварь, — рычит Охотник, но ты лишь закатываешь глаза и снова подходишь к моей решетке.

— Ну а ты? Все пустила по ветру. Даже не попыталась развить освобожденный дар. Маги светотени обладали невиданной мощью, неспроста же их решили усмирить. А ты что умеешь, девочка? Освещать дорогу и хлестать плетью? Великие достижения! Ты по-прежнему черпаешь энергию изнутри, будто жалкий пастырь, в то время как твой материал, свет и тьма, повсюду. Ты даже не представляешь, кем могла бы стать.

— Я стану твоей погибелью, — обещаю я, хотя внутри все переворачивается от твоих слов.

Ты склоняешься близко-близко, почти касаясь носом железных прутьев, и один мерцающий локон юрким ужом проскальзывает в клетку. Он плывет ко мне, касается подбородка, заставляя запрокинуть голову, мягкий, шелковистый... И я так резко отшатываюсь, что бьюсь затылком о стену.

— Ты могла бы, — говоришь ты, — если бы слилась с тьмой. Если бы научилась брать силу извне. Свет — это все, что мы видим. Тьма — все, чего мы боимся. Вообрази, что можно сотворить, повелевая ими. Ты могла бы стать кем угодно. Могла бы править миром. Но ведь этого никогда не случится, правда?

А потом ты разворачиваешься и идешь прочь. Волосы стекают с потолка и стен, словно потоки воды, и тянутся за тобой вместе со шлейфом платья.

— Что с нами будет? — кричу я вслед.

Ты замираешь, оглядываешься, улыбаешься:

— Твой друг умрет. Уже умирает. О, не сверкай так яростно глазами, я его и пальцем не тронула, сам напоролся на чей-то меч. А ты... ты станешь верной

сестрой, как и положено. Я помогу тебе оценить прелести покорности.

И ты уходишь. Коридор вновь медленно наполняется светом факелов, и волосы все текут и текут по нему, словно бесконечная река. А я не решаюсь пошевелиться, пока за углом не исчезает последняя золотая прядь.

Глава 26

Демон

Лгать с тьмой в крови оказалось так легко и безболезненно, что я даже не сразу распознала эту ложь.

«Я готова на что угодно, лишь бы избавить мир от Королевы».

Наивный самообман.

«На что угодно» — значит стать как ты. И если мир примет такие жертвы во имя спасения, значит, он его недостоин.

— Ты ранен? — Я подползаю так близко к разделяющей нас с Охотником решетке, насколько позволяет обруч на запястье. — Покажи.

Он даже не смотрит на меня.

— Не стоит.

— Покажи!

— Зачем? — Охотник наконец поворачивает голову.

Я только теперь замечаю, насколько он бледен и как дрожит рука, зажимающая бок, и тоже думаю «зачем?». Оковы явно блокируют мой свет, а даже если бы он свободно бежал по венам, нужно касание, чтобы попытаться исцелить рану. Не ногой же тянуться...

— Посмотрю, серьезно ли, — бормочу я.

Охотник усмехается:

— Серьезно. Долго не протяну, не ошиблась твоя сестрица. Да и не только она.

— В смысле?

Он прикрывает глаз и снова откидывается на стену.

— Я знал, чем все кончится. Старики сказали, если пойду — не вернусь, но эта смерть нужна для победы, так что...

— О боги, ты опять? — Меня трясет от злости на демоново предназначение. — Послушай, их слова не значат, что надо просто сложить лапки и ждать финала!

— Я и не складывал, — равнодушно пожимает плечами Охотник. — Я шел и вот где оказался. Судьба...

— Ну и чем же твоя смерть поможет, а? — почти кричу я, тщетно дергая единственной рукой. — Чем?!

— Нам с тобой не понять этих замыслов...

— О да, куда уж нам до столь высокого и бессмыслиценного!

— Не гневись, Ведьма, — улыбается он, впервые обращаясь ко мне так же, как Принц. — Я отдаю долги...

— Ты столько не насобирал, чтоб отдавать. Ну же, ты не прибит к стене, в отличие от меня. Попробуй меня коснуться, пожалуйста...

Нас и правда сковали по-разному, и пусть на Охотника надели цепи, он может передвигаться по клетке.

Если только захочет. Наверняка это часть твоей игры, но сейчас мне плевать, только бы попытаться...

Он не отвечает и, естественно, не двигается с места. Я снова дергаюсь, но на сей раз рука будто проскальзывает в железный обруч. Совсем чуть-чуть, и боль такая, что я едва не стачиваю зубы, сдерживая вопль, но...

Масло! Нескольких капель, упавших с потолка на запястье, хватило, чтобы оковы уже не казались такими тесными. Я вожу ладонью по стене, собирая его, подставляю железный край под новые капли, пытаюсь размазать по коже онемевшими пальцами и жалею, что не скормила большой стражу. Без него было бы куда проще...

Конечно, капающее на скованных пленников масло тоже попахивает ловушкой, однако я готова в нее шагнуть. И шагаю, когда ободранная до крови ладонь под жуткий хруст треклятого большого пальца все же выскользывает на свободу.

Пару мгновений я шиплю, прижимая ее к груди и смаргивая слезы, а потом бросаюсь к решетке. Едва не падаю, ползу, просовываю руку между прутьями и умоляю:

— Пожалуйста... дай хотя бы попробовать...

Охотник все с той же слабой умиротворенной улыбкой тянется ко мне, и наши пальцы наконец соприкасаются.

Вот только во мне будто не осталось ни света, ни тьмы. Нутро молчит. Как бы я ни звала, в крови нет и толики магии.

— Дело не в железе, — говорит Охотник, едва шевеля губами. — Это место... Здесь царствует магия Королевы, и только ее.

— Откуда ты знаешь? — шепчу я.

Он смотрит на меня мутным от боли глазом, снова пытается зажать окровавленный бок, но сил не хватает даже на это, и рука его опадает. Я слышу шелестящее «прости», а потом взгляд Охотника становится таким пустым и застывшим, что мое сердце разлетается на куски.

— Нет... нет...

Вжимаясь в решетку, я с трудом дотягиваюсь до его безвольной ладони, скребу по ней ногтями, пытаюсь встряхнуть...

— Демон тебя сожри, Охотник, очнись!

Но в ответ ни звука, ни движения, ни вздоха.

Он мертв, я знаю, что мертв, но теряюсь во времени, пытаясь его дозваться. В себя прихожу, только когда вместо внятных слов изо рта начинают вырываться лишь жалкие хрипры, и без сил опускаюсь на пол. Лежу, смотрю на спокойное лицо Охотника, вспоминаю его радостную улыбку перед сражением с кракеном и такие яркие эмоции, с которыми он слушал глупые сказки Принца на корабле. И понимаю: хоть ты и не поднимала меч, это все твоя заслуга.

«Я пообещала королю дочь. Не воина, а ту, что возьмет в руки оружие лишь дважды, но все равно сможет подарить семи королевствам мир и благополучие».

Хоть в чем-то Мертвая не солгала. Первый раз ты взяла заговоренный кинжал, вскрывая собственную грудь в поисках тьмы. Второй раз — когда обрезала мне волосы. Теперь ты обходишься чарами и армией, которая убивает за тебя. Вот уж воистину миротворец.

Что-то еще вертится на краю сознания, связанное со словами Мертвой, но я никак не могу уловить мысль

и отмахиваюсь от нее. Все эти предсказания — чушь. К чему они привели Охотника?

Чувствуя, как в груди поднимается новая волна гнева на старых ведунов и отверженных тварей, я с трудом сажусь и оглядываю камеру в поисках... чего-нибудь. Нельзя же просто ждать, когда ты вернешься и превратишь меня в одну из своих марионеток. Лучше умереть, застряв между прутьями при попытке бегства, чем это...

Увы, вокруг нет не то что ничего полезного, а вообще ничего. Жалея, что в отличие от Принца не ношу в сапоге кинжал, я бесцельно скользжу взглядом по полу и вот тогда замечаю то, чего раньше здесь не было.

Точно не было. Я бы наверняка заметила лежащий посреди клетки ключ. Большой, блестящий, из светлого металла, а потому особенно выделяющийся на темном, грязном камне.

Я зажмуриваюсь, снова смотрю на него, но ключ никуда не исчезает и будто подмигивает сверкающим боком, подзываю поближе. Я поддаюсь — не по наивности, нет, просто, даже понимая, что все это твои игры, не могу ничего не делать.

На ощупь он теплый и гладкий, а еще слегка испачканный в масле, и, едва ощутив это, я задираю голову, чтобы тут же выругаться сквозь зубы, когда в глаз попадает осыпавшееся с потолка крошево. Я вытираю лицо, встаю и приглядываюсь к белому корню, пробившему камень прямо над местом, где лежал ключ. Кажется, щель стала шире.

Вероятно, именно оттуда он и взялся, но... забрался туда точно не сам.

Не желая уступать сомнениям и страхам, я крепко сжимаю ключ в руке, в последний раз смотрю на Охот-

ника и, пока не разрыдалась, открываю дверь клетки. Замок оказывается тем самым, что ничуть не удивляет, как и пустой коридор, и следующий, и еще один...

Я словно бреду по бесконечному подземному лабиринту, наводненному тенями, что пляшут в слабом свете факелов, и гулким эхом моих шагов.

Магия все еще дремлет где-то в глубине моего сердца, но связь с Кайо будто крепнет, и именно к ней я тянусь, на нее опираюсь, когда коридоры разветвляются и сворачиваются узлами.

Наконец путь упирается в крутую лестницу, а на ее вершине ждет... незапертая дверь и два стражника, без чувств лежащие у порога.

Я осторожно их обхожу, оглядываю очередной коридор, только на сей раз широкий и светлый, и уже подумываю позаимствовать у одного из солдат оружие, когда слышу тихое:

— Только не кричи.

А потом чьи-то сильные руки затягивают меня прямиком в стену.

Кричать я и не собиралась, скорее отбиваться, благо голос Принца узнала сразу и теперь смотрю на его широкую улыбку и на невозмутимое, озаренное фонарем лицо Волка за его плечом.

Мы стоим в тесном, явно не предназначеннем для такого количества людей пространстве, и сквозь узкую щель незапертого потайного прохода, через который меня сюда затащили, пробивается полоска яркого света.

— Долго вы, — шепчет Принц. — Мы не могли спуститься, Королева все обвесила чарами, но...

Он вдруг осекается, и улыбка его оплывает словно свеча.

— Ты одна.

— Да.

— Охотник?..

Вопрос не звучит до конца, и я не нахожу в себе сил ответить, но они и так все понимают. Волк бледнеет, быстро закрывает проход и первым устремляется прочь по узкому тоннелю. Мы с Принцем еще несколько мгновений стоим лицом к лицу в полумраке — он касается моей щеки, растирает мои слезы подушечками пальцев, затем ощупывает пустое плечо и, поджав губы, тянет меня вслед за Волком.

— Где мы? — спрашиваю я, в очередной раз пытаясь призвать силу.

Свет согревает вены, но остается внутри, словно запертый.

— Северное крыло, — отвечает Принц и тут же добавляет: — Хотя тебе это вряд ли о чем-то говорит. Не волнуйся, здесь Королева нас не видит и не слышит. И пройти сюда не может. — Он показывает мне рассеченную ладонь. — Нужна кровь рода.

— У нее есть твой брат, — напоминаю я.

— Его кровь осквернена чарами, удивительно, как еще венец его принимает и на голове держится. — Принц вздыхает и едва не падает, запнувшись. — Есть другая проблема.

По-моему, проблем у нас куда больше, и то, что он выделяет одну, сильно настораживает.

— Норы, как я их называю, опутывают не весь дворец, — продолжает Принц. — Часть пути придется пройти снаружи.

Что ж, могло быть и хуже.

— И куда мы идем? — спрашиваю я.

Он отвечает не сразу.

— Туда, где я все детство прятался от своих обязанностей.

Норы кажутся бесконечными. Мы сворачиваем и сворачиваем, и в какой-то момент обгоняем Волка, который начинает путаться в этом хитром лабиринте.

— Масло и ключ... — говорю я, устав от тишины.

— Ага. Волк сказал, это глупо...

— Это глупо, — повторяет Волк, но Принц будто не слышит:

— Но трещины от корней луносветов — единственная лазейка. Пришлось импровизировать. Знал, что ты сообразишь.

— Луносветов? — удивляюсь я.

— Они пытаются последними вздохами умирающих, так что она посадила их над темницами.

А вот это в твоем духе — окружать себя смертью и мрачными игрушками. Значит, сияние корней мне не почудилось — они как раз забирали последние капли жизни Охотника. И подарили лишние минуты или даже часы жизни мне.

Принц останавливается так резко, что мы с Волком едва в него не врезаемся, и прикладывает руку к выросшей на нашем пути стене.

— Всего одна зала, — шепчет будто сам себе. — Ладно, зала и коридор за ней, а потом снова в нору. Готовы?

Нет.

— Да. Давай я...

— Я проверю, — перебивает меня Волк и, когда в камне рождается щель, первый выглядывает наружу. — Никого.

— Ближайшие чары далеко, — подтверждает Принц. — Должны успеть.

Я в этом сомневаюсь, мой побег уже наверняка заметили, учитывая брошенных у входа в подземелье стражников, потому ничего удивительного, что солдаты появляются, едва мы делаем первые осторожные шаги по просторной бальной зале. Свет с трудом пробивается из-за тяжелых темных gobеленов со сценами сражений, и я вижу только силуэты людей, ворвавшихся в двери в дальнем конце комнаты, но их нетрудно опознать по блеску оружия в руках.

— Проклятье, — бормочет Принц, явно направлявшись как раз в ту сторону, и резко сворачивает к другому выходу. — Сюда!

И мы бежим.

Как ни странно, без руки это трудно с непривычки. Меня клонит то в один, то в другой бок, заносит, и я с трудом попадаю в дверной проем шириной с городские ворота.

Топот ног за спиной оглушает. Я все еще не могу призвать ни свет, ни тьму, и, судя по напряженному лицу бегущего рядом Волка, у него те же проблемы с огнем, однако он справляется. В преследователей летит такой огромный густок пламени, что я спиной чувствую жар.

— Налево, — командует Принц, чуть не врезавшись в высокую напольную вазу и лишь в последний момент увернувшись.

Вот только «слева» нас уже ждут солдаты. Сзади напирают их обожженные собратья, еще одна группа в черно-золотом появляется справа. Окруженные, мы так и замираем спина к спине, каждый напротив приближающегося отряда.

Ладони Волка полыхают, но атаковать снова он не спешит, лишь напряженно вглядывается в размытые

лица. На кончиках моих пальцев тоже наконец-то потрескивает свет, но едва ли мне хватит сил хотя бы дотянуться до противника, не то что зацепить. Принц же абсолютно расслаблен, как будто знает что-то, нам неведомое.

И ведь наверняка знает...

Например, что в миг отчаяния, когда я уже буду готова выпустить с трудом собранные крохи магии, над головами стражников пронесется черная циккаба. Ухнув, она зависнет над нами под расписным потолком и обрушится вниз непроглядным мраком.

Я не успеваю испугаться за Кайо, как он уже заглатывает нас и уносит прочь. Грудь сдавливает, в голове шумит, я ничего не вижу и не слышу, но чувствую плечо Волка и руку Принца, которой он нашупывает и сжимает мою. А потом так же внезапно, как окутала нас, тьма распадается на клочки и тает, тает, пока на полу не остается один маленький и будто припорошенный пылью совенок.

Я падаю перед ним на колени, даже не глядя по сторонам, и осторожно касаюсь такого хрупкого на вид крыла. Перья трепещут, и с них осыпается пепел, обнажая привычный черный цвет.

— Как он? — спрашивает Принц, пока я помогаю Кайо подняться и перебраться на мою руку.

— Слаб, но невероятно горд собой, — отвечаю я, и впрямь ощущая переполняющую его гордость.

Кайо даже пытается выпятить грудь, но едва не падает и успокаивается.

— Глупый Кайо... не делай так больше, — бормочу я, прекрасно понимая, что следующий такой подвиг навсегда лишит меня тьмы.

Перенести сразу троих на... А куда, кстати?

Я все же осматриваюсь и с удивлением вижу вокруг отнюдь не дворцовую обстановку. Комната совсем небольшая, без окон и практически без мебели, зато с большим деревянным конем в углу. Я вскидываю бровь и перевожу взгляд на Принца.

— Она заметила коня, да? — спрашивает он Волка. — Наверняка заметила.

— Его попробуй не заметить, — отзыается тот, опускаясь на единственный стул.

— Прошу учесть, что мне было семь, и один друг... Впрочем, не будем об этом.

Кайо ухает и перебирается мне на плечо.

— А другое имя у него есть? — интересуется Волк, пристально нас разглядывая, и я усмехаюсь.

Разумеется, он догадался, что Кайо не совсем имя, скорее, результат моей детской наивности.

Мы с ним только разделились, когда в лесу заплутала арьёнская травница, и мама пустила ее на ночлег. Птенец все вился вокруг старушки, а та гнала его прочь с криками «Кайо... кайо...». По крайней мере, так мне тогда послышалось. Ты сказала, что это значит «паящий», и поскольку другими вариантами имени для тьмы были Черныш и Сластена, я без раздумий оставила чарующее и непонятное Кайо.

И уже много позже ты призналась, что солгала. Что на самом деле травница кричала «ёкай», а это арьёнский демон. Тогда я рыдала, а сейчас... сейчас понимаю, что лучше с демоном на плече, чем с тысячей демонов в уме и сердце.

— Он необычный ёкай, — отвечаю я Волку, пока Кайо трется круглой головой о мою щеку.

— Не сомневаюсь.

— А где?..

Спросить про Искру я не успеваю, потому что она сама входит в комнату будто прямо из стены. В свежей одежде, с аккуратно переплетенной косой, сжимая в руках охапку черной солдатской формы. Заметив меня, улыбается, оглядывается и каменеет.

Я вижу, как тает ее улыбка, как отливает от лица кровь.

И на одно безумное мгновение хочу вернуться обратно в темницу, лишь бы не произносить страшных слов.

— Он мертв.

Глава 27

Жарово пламя

Южный берег Трогмерета породил немало легенд. Некоторые я знала с детства, другие открываю для себя до сих пор. Но одну, самую яркую, самую обжигающую, ту, в которую уже давно никто не верит, стоило слушать внимательнее.

Ведь именно она — ключ к нашему спасению.

Рассказ мой короток, но и его не получается закончить, потому что Искра отбрасывает форму и бежит ко мне. Хоть клинок не достает — видимо, собираясь убить меня голыми руками.

Встать я не успеваю, а потому решаю вовсе не шевелиться и Кайо, явно вознамерившегося прикрыть меня стеной мглы,держиваю.

Ни к чему тратить энергию на сопротивление тому, чьи боль и гнев вполне обоснованы.

Однако Волк думает иначе и перехватывает Искру на полпути. Та дергается, брыкается, рычит, но, не уступая ему в росте, в силе явно проигрывает.

— Ты бросила Охотника там! — кричит она, тщетно трепыхаясь в кольце рук Волка.

Оправдаться нечем, и я киваю.

— Он шел за тобой, как пес, за тебя полез на мечи, а ты...

— Это была его дорога, Искра, — перебивает Принц внезапно ледяным тоном. — Он сам ее выбрал, на ней же и погиб.

— Ничего он не выбирал! — снова взвивается Искра, и Волк оттаскивает ее подальше. — Наслушался ерунды, а эта... эта... она ведь даже не проверила...

— Я пыталась его исцелить, хоть он и противился, — говорю я. — Сказал, что его смерть чем-то поможет...

— А ты и рада, да? Удобно ведь... можно бросить его гнить в подземелье. Без могилы, без памяти. Он бы тебя не оставил даже мертвую!

— Он — здоровый мужик, который мог десятерых вытащить одной левой, — вдруг подает голос Волк и, разжав руки, практически отталкивает ее от себя. — А она — однорукая девчонка, что саму себя с трудом носит. Включи уже голову и успокойся. Скоро все кончится, и мы его заберем.

Искра застывает, широко расставив ноги и стиснув кулаки. Она мельком смотрит на мое пустое плечо — благо без капли жалости — и поворачивается к Волку.

— Ты. Обещал, — говорит раздельно. — Не дал ему помочь. Сказал, что мы заберем... заберем их обоих...

Под конец слова уже с трудом протискиваются сквозь ее сжатые зубы и больше похожи на невнятные хрипы. А потом Искра делает шаг и вспыхивает.

Буквально.

Огонь обхватывает ее всю сразу, целиком, от макушки до носков сапог, и явно не причиняет вреда ни коже, ни одежде, ни волосам. Последние, вырвавшись из косы, будто и сами становятся пламенем и колышутся в искаженном воздухе искрящимися язычками.

Прежде я такого огня не видела: призрачного, мерцающего, словно впитавшего в себя все оттенки солнца. Даже Волк управляет совсем другим, и все же первым делом я смотрю именно на него, но натыкаюсь на полный изумления ответный взгляд.

Искра точно загорелась без его помощи. И без моей. И тем более без помощи Принца, который единственный в комнате не теряет дара речи: наверное, видит не то же, что мы.

— Ух ты! — восклицает он. — Это что за магия?

Вот и мне тоже интересно...

Однако сильнее всех поражена сама Искра. Она сначала вздрагивает, потом замирает, затем трясет руками и ногами, словно надеется сбить пламя, а в итоге выставляет перед собой полыхающие ладони и ошарашенно смотрит на них как на чужие. И я четко улавливаю миг, когда она понимает, что может всем этим повелевать.

Миг осознания собственного могущества.

Огонь кружит воронкой в ее ногах, скользит по телу, ласковой кошкой льнет к одежде и, наконец, весь перетекает за спину и распахивается двумя

призрачно-рыжими крыльями, такими огромными, что они простираются от стены до стены. Они кажутся жидкими, и огненные капли падают с перьев на каменный пол. Искра ведет плечом, словно проверяя свои возможности, и одно крыло резко взмывает вверх и вниз, упираясь в стены и потолок, но спокойно проходя сквозь деревянного коня, отчего хвост его с грохотом отваливается, а по телу расползаются черно-алые молнии.

— Что сломали? — тут же настораживается Принц, и я только теперь замечаю, что он потихоньку пятится все дальше и дальше от Искры.

Или все ближе и ближе ко мне.

Волк меж тем неотрывно смотрит на крылья, уже не удивленно, скорее... обреченно. А потом медленно, нехотя, будто кто-то давит ему на плечи, опускается на одно колено и на секунду склоняет голову.

— Как их убрать? — срывающимся шепотом спрашивает у него Искра.

Волк встает, делает несколько шагов ей навстречу и сжимает ее ладони в своих.

— Закрой глаза и расслабься.

Искра слушается беспрекословно. Лицо ее, впрочем, совсем не выглядит расслабленным — желваки играют, брови сведены, — но крылья будто становятся еще прозрачнее.

Светлее. Безобиднее.

Волк что-то говорит, с моего места не разобрать, Искра кивает, а в следующее мгновение без чувств падает ему на руки. Слава богам, уже без крыльев.

И в моей голове наконец-то складывается целая картинка. Почти.

Надо только задать правильный вопрос.

— Что вы знаете о жар-птицах?

Я сижу возле спящей Искры на чем-то вроде детской кровати, явно сколоченной второпях и кем-то не слишком умелым, а Принц и Волк, укрывшись за комом, пытаются поделить добытую форму стражников.

Они уверены, что в таком виде смогут беспрепятственно передвигаться по дворцу, но, по мне, для этого у них слишком отчетливые лица. Хотя... если держаться в тени и не приближаться к твоим настоящим солдатам, то хоть несколько мгновений форы нам обеспечены. Точнее, им. Одежду Искра добыла только для двоих.

— Закрытый народ и, по некоторым сведениям, давно вымерший. — Голос Принца звучит приглушенно, словно сквозь несколько слоев ткани, и сопровождается громким сопением.

— Как видишь, не совсем, — замечаю я, разглядывая умиротворенное лицо Искры.

Дышит она ровно, так что я не сомневаюсь: это крепкий, здоровый сон, накатывающий на всякого мага после неразумного выплеска силы. В первый раз у всех так, а что он у нее был первый — это наверняка.

— Ну не то чтобы вижу, — ехидничает Принц, — но чары и впрямь занятные. Может, кто из предков пошалил? Кровь, она ж всякое запоминает и выдает сюрпризы поколения спустя.

— Она чистокровная, — подает голос Волк и тут же выходит из укрытия, облаченный в слегка великоватую форму.

Плечи мундира не на месте, штаны явно держатся только благодаря затянутому поясу, но если не присматриваться... Нет, все равно не стражник — среди

них таких лунных волос и раскосых желтых глаз не встретишь. Только мутные пятна вместо голов.

— Ты поэтому поклонился? — спрашиваю я.

Волк морщится:

— Старая история.

— Самое время для старых историй.

— Жар-птицы подарили нам огонь, — все же отвечает он после недолгого молчания. — Или прокляли огнем. Но Принц прав, их считали сгинувшими еще во времена моего деда.

— Ага, — поддакивает Принц, все еще сражаясь с формой. — А мой рассказывал, как его деды в битве за престол проходили испытания, и одно из них — добыть жарово перо.

Я хмурюсь:

— Разве птицы жили не в Трогмерете?

— В основном. По крайней мере, все связанные с ними легенды — оттуда.

— Ну и как трогмеретское мифическое существо стало ирманской наемницей? — Я снова перевожу глаза на Искру и вздрагиваю, столкнувшись с ее осмысленным взглядом.

— Мифическое существо знать не знало о своей мифичности, — сипло отвечает та и, сев и пригладив волосы, отворачивается.

Как будто смущенно, но я не уверена.

— Простите, — добавляет Искра, имея в виду явно не свою вскрывшуюся суть.

И пусть грубый тон мало вяжется с извинениями, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не погладить ее по напряженной спине.

— За этот отвратительный наряд? — спрашивает Принц, наконец появляясь из укрытия. — Я, конечно,

в любом тряпье великолепен, но по ощущениям он сделан из пчелиных жал.

Форма ему и впрямь к лицу, но, как и Волку, не по раз- меру, только в обратную сторону — кажется, натянувшаяся на плечах и бедрах ткань треснет при малейшем движении. А еще мундир застегнут криво, и я улыбаюсь. Не все в мире подвластно провидческому дару.

— Вообще-то, вторую я брала для себя, — замечает Искра, прокашлявшись.

Похоже, ей все еще неловко после срыва, но продолжать тему никто не собирается.

— Еще чего. — Принц поправляет воротник, на- щупывает неровный край и, тихонько выругавшись, начинает застегиваться заново. — Я теперь вообще не уверен, можно ли тебя выпускать отсюда.

— Боишься за королевскую шкурку? — вскидывается Искра.

— За твою. Если кто-то поймет, что ты...

— И кто же я, а? — Она встает, отходит к стене и об- рачивается, взметнув растрепанными волосами. — Ну проснулся огонь, что такого? Волк же вас не сильно тревожит.

— Во-первых, он обучен, — вмешиваюсь я. — А во-вторых... твое пламя гораздо, гораздо ценнее.

Волк хмыкает, а Принц, разобравшийся с формой, кивает. Видимо, тоже догадался, что мы неправильно поняли Мертвую.

«Сияющий огонь, познавший горе».

С чего мы вообще взяли, что она говорила о Волке? Его дар вполне себе бодрствующий, а вот Искра... Искра — совсем другое дело.

Как только за ее спиной распахнулись пламенные крылья, многое стало на места. Даже уверенность

Охотника в том, что смерть его принесет нам победу. Не знаю, могло ли что-то иное надломить панцирь и выпустить запертую магию жар-птицы на волю, но знаю другое, ведь Мертвая дала еще одну подсказку, которую мы пропустили мимо ушей.

«Я попросила отрубить мне голову мечом, умытым жаровым пламенем, но король решил, что и обычный сойдет».

Ты создана силой мертвых детей, рождена на их костях и сердцах, а твое собственное с каждым годом бьется все медленнее, и вряд ли тебя можно назвать живой. Тебя пытались уничтожить десятки раз, однако даже тем, кто умудрялся проскочить мимо Экзарха, ничего не удавалось: раны затягивались, а о смельчаках, чьи клинки пронзали твою грудь, больше никто никогда не слышал.

Потому что тебя не одолеть обычной сталью, как не одолеть ею Мертвую. Но теперь в наших руках ключ к победе, и если прежняя неуязвимость хоть немного добавила тебе беспечности... все получится.

— Ты сможешь снова призвать огонь? — спрашиваю я Искру.

— Чтобы спалить Королеву? — Она усмехается. — Ради такого не пожалею сил.

— Нет. Надо всего лишь умыть твоим пламенем клинок.

Глава 28

Моя Королева

Быть сестрой значит многое больше, чем просто любить вопреки всему.

Быть сестрой — значит не закрывать глаза. Не отворачиваться. И не выпускать твою руку, даже когда одна из нас убивает другую.

Не знаю, сколько мы сидим в этой комнате, затерянной среди прорезавших дворец нор. Я все жду, когда в двери — или прямо сквозь стены — ворвутся солдаты, но Принц донельзя спокоен. Он верит в силу крови. Верит, что древняя защита не пропустит чужаков даже в сопровождении Короля, пока его разум затуманен.

Я лучше знакома с твоей находчивостью, и все же... никто не приходит. Не тянется к нам щупальцами магии. Ни одна прядь волос не просачивается сквозь щели в камне.

Потому ли, что загнанные в угол звери тебе не интересны, или же нас здесь и правда не достать — не так уж и важно. В какой-то момент, успокоенная, я даже умудряюсь вздремнуть, пока Волк учит Искру приывать пламя. Несмотря на ее браваду, процесс идет медленно и тяжело, словно с той вспышкой гнева и скорби она выплеснула вообще все. До капли.

Когда я, вздрогнув, просыпаюсь, лицо ее уже блестит от пота и напряжения, но на пальцах наконец пляшут огненные язычки. Я поглаживаю прикорнувшего на моем плече Кайо, который так и не восстановился после переноса, затем встаю и подхожу к Принцу, что наблюдает за обучением из темного угла.

— Невероятно красивая магия, — тихо говорит он, когда я приближаюсь. — Сложно объяснить, но она... другая. Для зрячих так же?

— Да. Их с Волком огонь несравним.

— Древняя сила... — Он вздыхает. — Думаешь, работает?

От его серьезного тона по спине бегут мурашки, и я отвечаю нарочито бодро, лишь бы избавиться от этого ощущения:

— Ну, испытаний все равно не провести, поэтому просто делаем, что можем.

— Мы можем отступить. Подождать. Проверить ее пламя. И вернуться.

— Когда речь шла о Волке, ты был куда убежденнее.

Принц качает головой и закрывает слепые глаза, словно уставшие от сияния жаровой магии.

— Я думал, это будет битва, и Волк просто бросит в нее огненный шар или вроде того. Но то, что предлагаешь ты...

— Единственная возможность, — перебиваю я.

— Самоубийство, — возражает он.

Мы молчим, я смотрю, как пламя в руках Искры становится все ярче, увереннее, как за спиной ее вновь проступают призрачные крылья, как заливаются белым светом глаза. Сейчас она мало похожа на человека, и Волк благоговейно отступает, ну хоть на колени опять не бухается.

— Мы ведь все у нее в плену, — говорю я Принцу. — Все обитатели дворца, все жители Олвитана, других королевств. Только здесь плен буквальный и страшный, я даже не уверена, что внутри ее марионеток еще теплятся души, но и вдали от Абры, как бы свободно мы ни ходили по улицам, все существуют с оглядкой на Королеву. Это нужно остановить.

— Если выждать... — начинает он, но осекается, прекрасно понимая очевидное.

Ты три года погружала мир в хаос и набиралась сил, питаясь чужой болью, так что сейчас никто с тобой не сравнится. Ты поднимаешь острова из морей, окружаешь города костяными стенами, создаешь чудовищ, искажаешь время и путешествуешь сквозь зеркала.

Сокрушительная мощь, невиданная магия. Но есть и обратная сторона — самоуверенность. Брешь в твоей обороне, через которую я могу просочиться.

Если же выждать, если дать тебе шанс узнать о жар-птице и подготовиться — ты уже не будешь столь уязвима. Честно говоря, даже нынешняя заминка меня тревожит, но я не решаюсь давить на Искру.

— Расскажи мне об одном из своих друзей, —
прошу я.

— Нет.

— Нет?

— Никаких поучительных историй, пока не выбе-
ремся отсюда.

Принц касается моей руки, переплетает наши
пальцы, и я не сразу понимаю, что жжение на лице —
это слезы. Я отстраняюсь, вытираю щеки, отчего Кайо
едва не падает с плеча, и наконец слышу от Искры
заветное:

— Я готова.

Двадцать шагов от пыльной комнаты с потайным
выходом из норы до первого поворота. За ним — широ-
кий коридор, неожиданно светлый и благоухающий
стоящими в вазах цветами. Резные арки, узорчатые
двери — за некоторыми слышатся голоса, но мы
не таимся.

Еще тридцать семь шагов.

И первый встреченный стражник.

Он оборачивается на шум, и Принц с Волком плот-
нее сжимают меня с двух сторон. Конвоиры ведут
пленницу, ничего больше. А то, что лица у конвоиров
слишком отчетливые и человеческие, — это потому,
что ты права и я совершенно не умею пользоваться
собственным даром. «Свет — это все, что мы ви-
дим» — так ты сказала. И манипулируя им, я могла бы
превратить всех нас в твоих настоящих солдат.
Могла бы создать настолько реальную иллюзию, что
даже ты бы купилась. Но моих внутренних запасов

хватило лишь на легкое свечение вокруг головы Принца, которое, конечно, скрывало черты, однако мы дружно решили, что это только привлечет к нам внимание.

Впрочем, если бы я умела столь искусно повелевать светом и тьмой, то давно бы сошлась с тобой на равных и не страшилась бы теперь неизвестности. А так...

Стражник не обнажает оружие, не пытается нас остановить, и сами мы не останавливаемся. Еще десять шагов, и за спиной раздается его тяжелая поступь.

Теперь нас четверо.

Вскоре коридор расширяется и плавно перетекает в просторный холл с двумя лестницами, что тянутся вдоль стен и встречаются наверху, как пылкие любовники. Мы устремляемся к левой, и стерегущие ее солдаты тоже нас пропускают и точно так же идут следом, словно привязанные.

Я так нервничаю, что забываю считать ступени, только неотрывно пялюсь на покрывающую их ковровую дорожку.

Алую как кровь.

Мы не сразу поняли, где ты: все вокруг опутано твоими чарами, так что на внутреннее зрение Принца полагаться нельзя, а вот дар ведуна не подвел. И я едва не рассмеялась, осознав, где состоится столь значимая встреча, теперь же не могу даже предвкушавше улыбнуться. Губы дрожат. Пустое плечо ноет и кажется таким тяжелым, словно каменная рука опять там. А еще мне остро не хватает Кайо, и нутро сводит от ужаса, когда я думаю о возложенной на него миссии.

Если ничего не получится...

Мы на балконе. За спиной собралась уже дюжина стражников. Безмолвными и безликими тенями они плывут следом, не обгоняя и не пытаясь нам помешать.

Я мельком смотрю на Принца, но его белесые глаза устремлены строго вперед. На Волка — челюсть его так стиснута, что странно, почему не слышен скрежет зубов. А потом перевожу взгляд на высокие двустворчатые двери, как две капли воды похожие на черные врата при костяной стене вокруг Внутренней Абры. Размах, конечно, не тот, но в рамках дворца и это кажется огромным. Я могла бы вскарабкаться Принцу на плечи, и мы бы все равно прошли, не пригибаясь.

Волк внезапно выпускает мою единственную руку, которую удерживал, как и полагается конвоиру, толкает нас с Принцем к дверям, а сам разворачивается к страже и возводит перед собой стену огня.

— Быстрее! — командует, не оглядываясь. — Они тянут силы.

Упрашивать нас не надо. Принц уже толкает одну из створок, та поддается тяжело и шумно, и мы друг за другом протискиваемся в образовавшуюся щель.

Закрывается дверь без нашей помощи, и, отыскав взглядом твою фигуру в огромном тронном зале, я понимаю, что ты меня ждала. Наверное, даже заскучать успела, сидя на троне подле бледного как мертвец супруга.

Нас разделяют сотни шагов, но я отчетливо вижу твою сияющую улыбку и полные мечущихся теней глаза.

Да, ты ждала, но сейчас это не имеет никакого значения.

— Еще чуть-чуть, и я бы разочаровалась, — говоришь ты, вскинув подбородок, и эхо дробит и множит твои слова, вознося их осколки под круглые своды зала.

— Я бы такого не допустила, — отвечаю я, оценивая обстановку.

Десяток солдат, застывших вдоль стен и готовых в любую секунду разрубить нас на куски блестящими мечами и секирами. Экзарха, притаившегося в дымной мгле за спинкой твоего трона. Волосы, оплетающие стены и колонны, свисающие с потолка и медленно наползающие на двери, дабы отрезать нам путь к отступлению. И самое безобидное во всем этом — Короля, который вынужден довольствоваться малым троном, но вряд ли его это тревожит или угнетает. Кожа его белее снега, волосы и борода седы, а вместо глаз я издалека вижу лишь черные провалы. Только подрагивающие на подлокотниках пальцы подсказывают, что Король все же жив.

Даже странно. Зачем он тебе? Почему прах его до сих пор не смешан с родной землей?

— Ты вечно пыталась произвести на меня впечатление.

Ты встаешь с черного каменного трона, лишенного всяческих узоров, зато увитого шипастыми стеблями с едва раскрывшимися бутонами роз. Багряная ткань платья соскальзывает с колен и растекается вокруг кровавым озером.

— Вечно совала мне под нос свою доброту, бесприничное благородство, словно пыталась ими заразить.

Я замечаю, что спешу тебе навстречу и уже одолела полпути, только когда Принц хватает меня за руку.

Ты смеешься:

— Ну и где эта доброта теперь? Где благородство?
Ты привела друзей на смерть. Даже я не творила ничего
столь безжалостного.

Шаг, второй, третий. Ты не идешь — плывешь сквозь
кровавый шелк, и волосы вздымаются вокруг песча-
ными дюнами и застывают, заключив нас троих вши-
рокий золотой круг.

— На что ты рассчитывала, сестрица? — спраши-
ваешь ты, почти не размыкая губ, и я наконец обре-
таю голос.

— На память о хороших днях.

— Серьезно?

Я чувствую, как Принц пытается задвинуть меня
назад, прикрыть собою, и отстраняюсь, высвободив
руку.

— И на твое сердце. Оно должно было биться
за мир. Должно было принести...

Я умолкаю, пораженная яростным блеском твоих
глаз — чернота едва ли не стекает из них по фарфо-
ровой коже.

— О, какая знакомая песнь. Ты что, правда не до-
гадалась? — Ты улыбаешься, и на миг мне чудится
горькое отчаяние в этой улыбке, но в следующую се-
кунду она уже напоминает звериный оскал. — Мать
рассказала мне о пророчестве той безголовой дуры
в надежде направить злобное дитя на путь света. Ду-
мала, это поможет мне уверовать и обрести цель.
Знаешь, как быстро я поняла, что речь не обо мне?

Пол под моими ногами дрожит, мраморные плиты
вздымаются, узор дробится, и из ломаных трещин
золотыми змеями вырываются туго сплетенные пряди
волос. Я пытаюсь отскочить, но путы уже стягивают
мои ноги покрепче иных веревок.

— В тот день рухнуло левое крыло нашего славного замка.

Ты шевелишь пальцами, будто перебираешь невидимые струны, и рядом со мной, в плену твоих волос, точно в коконе, падает Принц.

— Знаешь, как легко я догадалась, кто главная героиня этой истории? И что мне уготована роль орудия... и бессловесного стимула...

Ты изгибаешь бровь — и Принц глухо вскрикивает и изгибаешься на полу гигантской золотой гусеницей.

— Прекрати! — Я и сама с трудом держусь на ногах, но все еще пытаюсь ослабить хватку бешеных прядей. Единственная рука плотно прижата ими к телу. — Мама никогда не считала тебя злом...

— Разумеется! — яростно перебиваешь ты, почти срываясь на крик. — Я создала сильнейшего ведуна. Я превратила жалкого светоносного пастыря в мага светотени, как в древности! Я принесла мир на каждый клочок земли, сплотив королевства против единого врага. Без меня баматийские пустынные дикари давно бы покусились на лостадские снега, Арьён и Трогмерет медленно истощали бы друг друга, а земли отверженных расползлись бы во все концы, отравив океан и пропитав гнилью горы. С чего бы кому-то считать меня злом? *Меня?* Я спасла наш край от участия куда более страшной, чем пара разрушенных дворцов.

— Значит, пророчество все же о тебе, — шепчу я и падаю на колени.

Волосы, ничуть этим не удовлетворенные, рассекают одежду и впиваются в кожу.

— Нет. Оно отнимало у меня самое желанное. — Ты приближаешься еще на пару шагов и словно любуешься

мною. Точнее, моей коленопреклоненной позой. — То, что мое по праву рождения. То, что я заслуживаю как никто другой. Поэтому пришлось взять самой. Но знаешь... так даже лучше. Зачем мне одна Ирмания, когда можно получить все семь королевств?

— Все семь королевств тебя ненавидят, — хрипит Принц, и мне больно смотреть на его тщетные попытки освободиться.

— О, а я тебя и не заметила. — Ты ненадолго оставляешь меня и склоняешься над ним. — Привет, малыш. Прелестные глазки.

Принц отвечает что-то резкое, грубое — я теряю нить, потому что наконец-то вижу Кайо. Темное облако клубится под куполом, наливается чернотой, сгущается, а потом отнюдь невой — атакующим ястребом срывается вниз и с разгону врезается мне в плечо. Я не вскрикиваю, но заваливаюсь набок, и от сковавшего тело холода перехватывает дыхание.

«Не надо, — мысленно молю я, чувствуя новые капли тьмы в крови. — Не надо, не надо, пожалуйста».

Но слияние не остановить.

Тьма, густая, вязкая, плотным панцирем обхватывает мое правое плечо, а затем стекает по нему вниз, обретая знакомые формы. Секунда, две, три. Пять. И я могу пошевелить пальцами руки, выросшей из обрывков пустого рукава.

Рука черная и гладкая, твердая, но гибкая, подвижная, совсем как настоящая. Словно зеркальный камень, она отражает искаженные уголки тронного зала и твоё перевернутое лицо.

Тук-тук-тук — стучит под чернильной кожей крохотное сердце, а потом затихает, и я понимаю, что Кайо больше нет.

Зато есть кинжал, выскользнувший из новой каменной плоти в ладонь. Кинжал, который три года назад вонзил в меня Принц. Который прошел с нами весь этот путь, умылся в жаровом пламени и был спрятан во тьме, чтобы в нужный момент попасть в мою руку. Но Кайо увидел меня в плену твоих волос и...

— Так у тебя был план. — Ты снова стоишь надо мной и улыбаешься снисходительно. — Неплохо. И что дальше?

Дальше... я падаю в ледяную бездну. Не остается ни чувств, ни мыслей, только сосущая пустота внутри и гладкая черная рука, живущая собственным разумом. Я провожу клинком по груди, рассекая плотный кокон волос, и ты отшатываешься, с трудом удержавшись на ногах.

— Что ты...

Но я уже стою, сбросив путы словно плащ и не обращая внимания на выступившую на рубахе кровь — видимо, резанула слишком глубоко.

Ты еще не понимаешь. Да, злишься, но продолжаешь улыбаться, словно предвкушая мой провал, и снова шагаешь ко мне, раскинув в стороны руки:

— И все же ты меня разочаровала. Такая наивность. Ну давай. Давай! Ты правда решила, будто суме...

Я точно знаю, куда бить, и, кажется, слышу мерзкий чавкающий звук, когда клинок входит в сердце. Слышу его оглушительно громкий удар, волной накрывший тронный зал. Стены, пол, потолок пульсируют, словно все вокруг — это и есть ты и самая обычная с виду сталь, в которую я не слишком верила, пронзила не просто твою грудь, а сердце мира.

Наконец на твоем лице проступает осознание. Улыбка искается, по щеке скользит одинокая темная

капля — не то слеза, не то кровь. Бледные изящные пальцы цепляются за мое запястье в слабой попытке выдернуть кинжал, но я сжимаю свободной рукой твое плечо и с отчаянным криком давлю еще, всаживаю клинок по самую рукоять.

И тогда ты оседаешь на пол, а я опускаюсь следом, не в силах выпустить тебя из своих объятий. Все происходит слишком медленно, слишком тяжело. Ты лежишь на моих коленях, царапаешь острыми ногтями черную твердь моего запястья, не причиняя никакого вреда, и смотришь, просто смотришь, отчего сковавший мое нутро лед дает трещину.

Чувства возвращаются сначала тонкой струйкой, а потом лавиной. Хлынувшие слезы туманят взор, стирают твой образ, и я остервенело их смахиваю, потому что хочу видеть.

Видеть, как с последним вздохом тьма отступает из твоих глаз — я и забыла, какой у них на самом деле нежный голубой цвет.

Видеть, как уголки твоих губ снова приподнимаются, но на сей раз это светлая улыбка. Улыбка облегчения.

Видеть, как умиротворение разглаживает твои черты, позволяя вновь стать той, кого я так неистово любила.

Видеть... тебя.

— Моя Королева, — шепчу я, прижимаясь губами к твоему холодному лбу.

И так и замираю. Просто не могу отстраниться.

Я знаю, что прошли считанные секунды и меня вот-вот настигнут карающие мечи стражи или горькая, как дым, магия Экзарха. Я жду... возможно, даже жажду этого, но ничьи шаги не нарушают тишину.

Не звенит оружие, никто не отдает приказов.

Когда я наконец решаюсь поднять голову и оглядеться, то поначалу вообще не замечаю людей — только бесконечные волны твоих золотых волос, которые уже не сияют, но остаются все такими же прекрасными. Затем от одной из колонн отделяется стражник, делает несколько неловких шагов, словно новорожденный жеребенок, и, удивленно уставившись на свои руки,роняет меч.

Да, я могу прочесть удивление на его лице, обретшем черты.

Чуть левее еще один отбрасывает секиру. И еще, и еще. Звон брошенного оружия раздается со всех концов, и вскоре в него вплетается тихое мычание, словно солдаты пытаются что-то сказать друг другу... и не могут.

Продолжая прижимать к себе твое мертвое тело, я перевожу взгляд на возвышение с тронами, где тоже неожиданно возникает жизнь. Бледный седой Король, упираясь дрожащими руками в подлокотники, встает и молча смотрит на обугленные останки у своих ног. Очевидно, останки Экзарха, то ли рожденного твоей магией, то ли порабощенного ею.

«Берегитесь иса о двух ногах. Сердце его съедено».

Его сердцем была ты. Значит, я убила сразу двоих.

Когда целый и невредимый Принц опускается передо мной на колени, я все еще не могу говорить, но он этого и не требует. Лишь проводит ладонью по твоему застывшему лицу, закрывая глаза, а потом один за другим разжимает мои пальцы, которыми я, оказывается, так и сжимаю рукоять кинжала.

Именно в этот момент я замечаю движение под зеркальной поверхностью своей новой руки. Словно

маленькая рыбка плещется в ее черных глубинах и поднимается все выше, выше, пока не упирается в препятствие. И вскоре нить за нитью наружу выбирается знакомый опаленный лоскуток.

В первые секунды невесомый, он плывет по воздуху, а потом медленно опускается на твою бездыханную грудь.

«Когда ты увидишь его в следующий раз, Королева падет».

— Но имя ее не будет забыто, — тихо отвечаю я словам Мертвой.

И наконец нахожу в себе силы тебя отпустить.

Глава 29

Прощение

Легче станет не сразу, я знаю. Но я даже смерть мамы пережила, так что и с этим свыкнусь, ведь на сей раз у меня есть утешение.

Волк, который наконец может отправиться домой.

Искра, познавшая свою суть.

Целое королевство людей, вернувших себе лица и свободу воли.

А еще Принц. Теперь у меня есть Принц.

Олвитанский берег совсем не похож на ирманский.
Небо здесь ниже, ветры — злее, а волны — выше.

Я сижу на грубом каменном парапете, поджав под себя ногу, и наблюдаю за суетой в порту. Народу и кораблей там столько, что еще парочка — и им придется

швартоваться друг на друге, а крики, наверное, уже сейчас слышны даже в Лостаде.

— Дикий люд, — ворчит сидящая рядом Искра, пытаясь совладать с необузданными рыжими прядями, что никак не желают оставаться в косе. — Дали б бедолаге отдохнуться.

Бедолага — это олвитанский Король, как оказалось, сохранивший остроту ума, хоть и утративший крепость тела. Весть о возвращении власти в его руки разлетелась по миру раньше, чем сгорел в жаровом пламени твой последний волосок, и когда я закрывала шкатулку с твоим прахом — в порту уже толкались корабли первых посланцев, жаждущих либо воспользоваться слабостью обезумевшего правителя, либо заключить союз с победителем.

Взращенная тобой чаша вдоль сухопутных границ вынудила даже трогмеретцев, арьянцев и лейдфарцев идти по морю, что вряд ли их сильно порадовало, так что сейчас остается только посочувствовать Королю. Впрочем...

— Думаю, он рад заняться делом, — говорю я. — Рад... жить.

Искра передергивает плечами:

— А Принц?

— Что Принц?

— Он тоже рад торчать во дворце?

Я поджимаю губы и отворачиваюсь.

Мы покинули Абру три дня назад, и все это время я жду Принца. Он просил не отплывать без него, хотел проводить, проститься, но, похоже, никак не может вырваться из лап воспрявшего от трехлетнего сна брата.

— Он приедет.

— Ага, — фыркает Искра. — Смотри, капитан уже бьет копытом. Говорит, даже будущей королеве не положено так его задерживать.

Я вздыхаю:

— Ты опять?

— А что я? Воду в решете не удержишь.

— Вы с Волком сами эту воду и расплескали! — Я возмущенно вскидываю руки. — Зачем было разносить эти сплетни?

— Никаких сплетен, — улыбается Искра. — Лишь мудрость древней провидицы. Готова поспорить, ирманские министры уже ждут тебя на берегу с венцом наперевес, дабы проверить, признает ли он в тебе королевскую кровь.

Я закатываю глаза и вздыхаю:

— Думаешь, мне нужен этот венец?

— Думаешь, тебя кто-то спросит? Такая кровь не только наделяет силой, но и обязывает. Трон — это не просто удобный стульчик, но долг. Ты последняя из рода, и, поверь, министры с радостью свалят на твои плечи все проблемы разоренного королевства. Тем более под прикрытием столь громкого пророчества.

— Его можно толковать по-разному, — вяло отзываюсь я.

— Точно. Поэтому мы с Волком слегка его изменили, чтобы избежать разнотечений.

— Вы...

— Когда дочь твоя станет невестой, — прерывает меня Искра, — она пробудит для Ирмании мудрую и благородную правительницу. Когда дочь твоя станет женой, она наделит даром ведуна будущего ирманского короля. Что скажешь? Не так изящно, как было, но куда точнее.

— Вы безумцы, — шепчу я.

— Мы вестники, — возражает она. — К тому же я всегда мечтала побывать на королевской свадьбе.

Чувствуя, что краснею, я вновь перевожу взгляд на неспокойное Закатное море.

— А Принц мечтает восстановить родной Олвитан. Так что зря вы решаете за нас...

Искра смеется, громко, искренне, и мне на глаза от обиды наворачиваются слезы.

— Боги, девочка, похоже, все это время мы с тобой общались с разными Принцами. Я, например, увидела в нем совсем другие мечты и желания.

— Знаешь что... — Я спрыгиваю с парапета, трясу затекшей ногой и гневно смотрю на Искру. — Не надо... в это лезть. Он нужен Олвитану, а я... просто хочу домой. Министры найдут кого короновать, и все эти глупые...

— Знаешь что, — перебивает она, тоже вставая, — не время прятать голову в песок. Охотник погиб, потому что верил в тебя. И так же поверят тысячи, услышав слова Мертвой. Повторяю, это не выбор, а долг. Не награда, от которой можно отказаться, но величайшая честь, потому что с каждой минутой при звуке твоего имени все в новых и новых сердцах разгорается надежда. Ты в ответе за них.

Под конец голос ее срывается, но взгляд остается твердым, и моя неуместная обида превращается в стыд.

— Я просто не знаю, что делать дальше, — признаюсь тихо. — Я и не думала... что доживу.

— Потому-то я и плыву с тобой. — Искра прокашливается и безмятежно откидывает косу за спину. — Провожу, прослежу, чтоб никто не обидел.

— А Волк?

Она хмыкает:

— Сказал, что найдет меня позже и поможет отыскать семью. Забавно, правда? Думаю, ему любопытно посмотреть на настоящих, опытных жар-птиц. Ну и жажда странствий не дает покоя.

— Значит, он не поплынет с нами?

Все эти дни Волк, как и мы, торчал в портовом Гратоне, но пока ничего не говорил о своих планах.

— Сначала проведает дом, куда так рвался, а там уж...

Я понимающе киваю. Все мы хотим домой, жаль только, эти дома в разных концах света.

Кончики пальцев моей зеркальной руки вдруг леденеют и начинают подрагивать, но я уже не пугаюсь этого, как в первый раз. Просто нахожу ближайшую тень на земле и поворотом запястья несколько раз меняю ее форму. Было пятно от камня, стала тонкая полоса, потом изящная бабочка. Взмах крыльев, поворот и взлет...

— Он все еще заставляет тебя чаровать? — В голосе Искры слышится улыбка.

Я киваю:

— Не успокаивается, если не тренируюсь каждый час. Пока что просто детские фокусы...

— Пока что.

Да, Кайо все еще часть меня. Наверное, лучшая часть. Как минимум самая трудолюбивая и любознательная. Маленькое сердце его стучит внутри моего, простые и короткие мысли порой проникают в мой разум, а неугомонная натура подталкивает меня изучать грани своего дара.

Ты была права, возможности его велики. И я не уверена, что хочу открыть их все, но точно не желаю оставаться слабой и беззащитной.

Вчера я смогла исчезнуть на глазах Искры и Волка. Завтра... завтра — кто знает?

Вероятно, мне придется отвечать за целое королевство.

Принц появляется только на следующий день, такой ослепительно прекрасный в бело-золотом камзоле, что мне даже неловко стоять перед ним в простой дорожной одежде. Как будто ему даже зрячemu было бы не плевать...

Я смущенно заправляю растрепанные ветром волосы за уши и обхватываю себя руками:

— Еще пара часов, и мы бы отбыли, не простились.

Мы снова на борту «Предназначения», суетливому капитану и впрямь надоело ждать, так что сегодня он с самого утра грозится в любую секунду сняться с якоря. Даже уверещания Искры уже не помогают.

— Знаю, — улыбается Принц, прислонившись бедром к фальшборту. — Я бы такого не допустил.

Ну разумеется, он знает. Это злит и умиляет одновременно, так что я спрашиваю совсем не о том, о чем собиралась:

— Как дела в столице?

Принц сразу мрачнеет:

— Сложно. Сотни покалеченных мужчин без языков. Запуганные, измученные люди, которые не верят в Короля, винят его во всем. Стену никак не получается разрушить, страж пропал...

— Капитан говорит, остров снова ушел под воду и все отверженные вернулись в свои леса, поля и горы, — перебиваю я. — Змей наверняка сейчас в Кронбреже, так что он точно не ваша проблема.

— Да, но еще Экзарх...

— Экзарх мертв.

— То-то и оно. — Он вздыхает и, закрыв глаза, подставляет лицо ветру. — Брат не помнит всего, но порой бывают вспышки... Он уверен, что Королева призвала духа, и если сгорела лишь подчиненная плоть, то сама сущность на свободе.

Я тоже прислоняюсь к гладкому, сверкающему на солнце дереву, но смотрю не на море, а на снующих по палубе матросов.

— Он опасен без тела?

— Выясняем. Не хотелось бы во сне превратиться в кучку угольков.

— Да уж. Дел у тебя невпроворот.

«Только поэтому я и не зову тебя с собой», — добавляю я мысленно.

— Только поэтому я сейчас и без вещей, — говорит Принц вслух.

Сердце замирает.

— Что?

— Что? Ах, ты же не в курсе, как принято путешествовать у благородных особ. — Он тоже поворачивается спиной к морю и легонько толкает меня плечом. — Ничего, я научу. Так вот, когда я соберусь плыть за тобой в Ирманию, то, вполне вероятно, пойду ко дну из-за тюков и сундуков, без которых, поверь, никак не обойтись. Вдруг ты в романтическом порыве пригласишь меня прогуляться по саду, а у меня не ока-

жется при себе шейного платка, подходящего по цвету к твоему платью? Нет-нет, благородное общество не поймет и не простит.

Ощущение такое, будто с груди свалился громадный камень. Я смеюсь так громко и беззаботно, как не смеялась, наверное, с самого детства.

— Прежде ты прекрасно обходился без шейных платков.

— Ну вот, так и знал, что ты припомнишь мне эту оплошность. Придется испр... — Принц берет меня за руку и осекается. — Носишь перчатки?

Я пытаюсь отстраниться, но держит он крепко.

— Да, просто... не хочу никого смущать такой странной рукой.

Принц молчит и палец за пальцем освобождает мою правую ладонь от плотной ткани.

— Знаешь, какой вижу ее я? — спрашивает он на конец, поглаживая каменное запястье.

— Какой?

— Россыпью звезд в ночном небе. А когда ты ча-
руешь — солнцем, отраженным в озерной глади. Тебе
нечего стесняться. Не прячь ее, как прятала Кайо. —
Принц склоняется ближе, почти касается моих губ
своими. — Клянусь, народ еще в очереди начнет вы-
страиваться, лишь бы полюбоваться...

— Вот этого нам точно не надо, — раздается вдруг веселый голос Искры, и я так резко отшатываюсь, что едва не падаю. — Ну привет, пропажа, мы уж не чаяли проститься.

Я нервно приглашаю волосы и отступаю от Принца еще на шаг, будто это поможет. Улыбка Искры становится только шире и ехиднее.

— Проститься? — удивляется Принц. — Я заглянул лишь пожелать вам мирного плавания и сказать «до скорой встречи».

— Да знает она, — бурчит Волк, появляясь из-за спины Искры. — Провоцирует.

— Не провоцирую, а задаю направление мысли.

— Не задаешь, а навязываешь.

— Не навязываю, а...

— Господа.

Они умолкают и поворачиваются к Принцу.

— Еще я хотел сказать, что быть знакомым с вами — величайшая честь для меня. И если вам когда-нибудь хоть в чем-нибудь понадобится помочь...

— Ну вот. — Искра кривится и сжимает пальцами переносицу — я уже запомнила, что так она сдерживает слезы. — А говорил, не прощаешься.

— Ладно, прощаюсь. — Принц выступает вперед и, безошибочно поймав меня за предплечье, подтягивает в общий круг. — Прощаюсь с невольными попутчиками, но приветствую друзей. Так лучше?

Он улыбается, Искра фыркает, Волк закатывает глаза.

А я смотрю на них сквозь набежавшие слезы — виновато солнце, не иначе — и думаю не о прощании, но о прощении. Ведь если мир подарил мне этих людей, то, может... я его заслужила?

Глава 30

Колокольчики на снегу

«Юная Королева нас покинула» — так пишет о тебе вдовий Король всем соседям в надежде починить сломанное.

Я тоже получаю письмо, будто не приложила ко всему этому руку.

И смеюсь, будто ты действительно когда-нибудь нас покинешь.

Не во снах, так в мыслях наяву — я вижу тебя повсюду.

Только выпавший снег напоминает о минувших месяцах.

Ладно, еще щетина, невесть откуда взявшаяся на идеальном лице Принца. Я касаюсь ее сразу обеими руками — и левую пронзает дрожь, а по правой бежит холодок.

Принц смеется, накрывает мои ладони своими и, чуть повернув голову, целует запястье.

— Я тоже скучал.

Скучал. Какое... скучное и неправильное слово.

Мы стоим посреди дворцового сада, куда его проводили слуги, и, вспомнив наш последний разговор, я отстраняюсь и придирчиво оглядываю наряд Принца.

— Твой шейный платок совсем не подходит к моему платью, — замечаю с притворной обидой.

— Не ври, ты не в платье, — хмыкает он.

— Откуда знаешь?

— Вряд ли ты станешь носить их без острой необходимости. И встреча со мной точно не тот случай.

Он прав и неправ одновременно.

Я по-прежнему не привыкла к пышным и неудобным нарядам, но стремлюсь к этому. Мне нравится плавность, которую обретают мои движения, стоит только надеть платье, и нравится смотреться в зеркало. Не из тщеславия, просто я становлюсь очень похожей на маму, и это лишний повод ее вспомнить. И уж тем более я бы хотела принарядиться для Принца — и неважно, увидит он это или нет, — но так замучила Искру сборами, что она вытолкнула меня из комнаты в тренировочном костюме и бросила следом теплый плащ. Хорошо хоть не голышом.

Так что да, я соврала, вот только причину он не угадал.

— Встреча с тобой — повод для торжественного бала, а ты сомневаешься, что я выбрала достойный наряд?

— Мне тебя ощупать? — ухмыляется Принц.

И я на всякий случай отскакиваю подальше:

— О нет, такого благородное общество точно не поймет и не простит. — Но тут же снова приближаюсь и беру его за руку: — Идем. Хочу тебе кое-что показать.

— Уверена, что «показать» — нужное слово?

— Уверена.

Несмотря на мороз, сад пропитан цветочными ароматами и чарами придворных магов, которые сползлись в Бронак со всего королевства, едва прознав о твоей смерти и о появлении новой наследницы. Не то чтобы я жалуюсь — без их помощи восстановить дворец было бы невозможно, — но сейчас велик риск, что из-за отголосков чужой силы Принц не увидит главного. Того, что грело мое сердце все эти холодные одинокие месяцы.

Я тяну его по тропе мимо усеянных огоньками и припорошенных снегом деревьев, мимо кустов, превращенных в диковинных зверей руками умелых садовников и капелькой магии; мимо беседок, пустых фонтанов и клумб. Туда, где когда-то мерцала иллюзия безголовой Мертвой. Туда, где была жуткая пещера, которую мы первым делом вычистили и засыпали землей.

Туда, где я развеяла твой прах и как-то утром обнаружила...

— Что ты видишь? — спрашиваю я Принца, когда мы останавливаемся.

Сердце мое заикается, дыхание частит. Я так отчаянно хочу верить, что...

— О, — только и произносит Принц, затем шагает ближе и повторяет: — О...

И это все?

Разочарованная, я пытаюсь отойти, но он удерживает.

— Она прекрасна.

— Она? — шепчу я. — Ты... правда видишь?

— Я... Я вижу спящую девушку. Не вспышкой, нет, легким мерцанием. Это очень теплая магия. Нежная.

Я шмыгаю, вытираю нос тыльной стороной ладони и, прижавшись к его боку, тоже смотрю на «спящую девушку», только для меня это россыпь бледно-сиреневых цветов.

— Колокольчики, — говорю я тихо. — Они выросли сами и не умирают, даже сквозь снег пробились. Искра хотела повыдергивать, перекопать тут все, но... я вижу силуэт. Она правда словно спит на земле. Такая мирная. Ведь за всей этой силой, за жаждой власти она ведь была... была...

— Да. — Принц обхватывает меня за плечи. — Она была.

Мы молчим. Не знаю, о чем думает он, но я — о тебе. О том, что ты наконец обрела покой.

— А Искра поставила прах Охотника на полку в таверне, — говорю я через несколько минут. — Мол, возьмет его с собой, когда отправится в путь, и разнесет по всем королевствам.

— И когда она собирается в путь? — Я слышу, что Принц улыбается.

— В любой день. Только Волка дождется.

Их отношения все еще вызывают у меня недоумение, но Волк ей пишет, и я вижу, с каким лицом Искра читает эти послания, поэтому не вмешиваюсь.

— Кстати! — вдруг вспоминаю я и взбудораженно хватаю Принца за грудки. — Мы тут вычитали про

жар-птиц. Их пение лечит больных и исцеляет слепцов, представляешь? Ну, так утверждают легенды. Я слышала, как поет Искра, такое скорее еще и оглушит заодно, но... может, попробуем? Пока она здесь.

Принц не отвечает так долго, что я начинаю волноваться и даже встряхиваю его легонько, чтобы привести в чувство. Но он лишь улыбается, спокойно, нежно, и качает головой:

— Я знал об этом. Не нужно.

— Но... почему? Помнится, ты так жаждал меня увидеть, что согласился на глупый обмен с Каменной Девой!

— И ничуть об этом не жалею. Только возвращенные глаза не просто так оказались слепы. Помнишь, как Мертвая попросила меня задержаться? Она сказала, слепота пробудила дар, а зрение — заберет его.

— И? — Я медленно опускаю руки. — Предпочтешь проблески из будущего реальному миру?

— Скажем так, — Принц касается пальцами моей щеки, отводит волосы со лба, — дар советует подождать, ибо он мне еще пригодится. К тому же слепота обостряет иные чувства. Я слышу, как бьется твое сердце.

— Я зрячая, но слышу, как бьется твое, — бормочу я, и он смеется.

— Ты задолжала мне поцелуй.

— Ты мне тоже кое-что задолжал. Историю, помнишь? «Когда выберемся отсюда...»

— Ах, да. Хм... Так. Есть кое-что. — Он легко обнимает меня за плечи и замирает близко-близко, отчего каждое слово касается моего лица теплым облаком. — Знал я одну девчонку — глаз не отвести, даже таких бесполезных, как у меня. Знакомство наше не задалось,

но сердце у нее такое огромное и пылкое, что мне даже не пришлось вымаливать прощение. Очи ее — будто мед на солнце, голос — как песнь ручья. Левая ее рука — ослепительный свет, а правая — черная птица. Только ее лицо я вижу в вечном мраке, только ее.

— Эй, — едва слышно шепчу я. — А это точно история о дружбе?

— О дружбе? — Принц удивленно изгибает бровь. — О нет, ни за что. *Дружить* с ней я точно не собираюсь. После чего склоняется еще ближе и наконец целует.

После

Мертвые не лгут, я продолжаю слышать это со всех сторон, но все еще с трудом верю.

Сомнения терзают разум и сердце, даже когда над головой моей возносят королевский венец.

— Кровь от крови, потомок древнего рода...

Рядом, коленопреклоненный, стоит Принц и незаметно поглаживает мои пальцы в укрытии пышных юбок. Вскоре мне предстоит звать его иначе, ведь второй венец, пока еще покоящийся на бархатной подушке, предназначен для него.

— Плоть от плоти... сильная духом... верная народу...

Слова старого ведуна, явившегося в Бронак накануне коронации, эхом звенят под сводами восстановленного тронного зала. И трон за моей спиной самый настоящий, мало похожий на ту украшенную каменьями иллюзию, что переливалась всеми красками на дворцовых руинах. Теперь здесь все настоящее.

— Волею богов...

Я почти не слушаю.

Не из прихоти или рассеянности, просто в ушах будто плещется озерная рыба, и сердце стучит баматийским бубном — «бум-бум-бум», затмевая прочие звуки. А еще то и дело вспоминаются другие слова...

«Когда дочь твоя станет невестой, Ирмания получит свою сильную и благородную правительницу... Когда дочь твоя станет женой, Ирмания получит мудрого и всеведущего короля».

Это все сотворила ты.

Сотворила нас с Принцем. Болью и лишениями, кровью и слезами. Ты дала нам цель, дала единого врага, подарила друг друга...

— Как боги стоят над смертными, так...

Да, я все еще сомневаюсь, что достойна. Слишком многое во мне не сходится с тем образом, что уже прижился в умах людей. Но Принц верит, и ладонь его тепла и крепка, а глаза, хоть слепы, видят дальше и глубже многих.

Наконец венец опускается, тяжестью золота примиает волосы, и старец провозглашает мое имя.

Имя новой королевы Ирмании.

Дочери ведьмы, племянницы короля, возлюбленной ведуна, подруги Жар-птицы, соратницы Волка, должны Охотника...

Столько ролей, но главная из них та, память о которой наверняка постараются затереть, развеять по ветру, вымарать из книг. Ведь, в кого бы я ни превратилась в будущем, прежде всего я навсегда останусь твоей сестрой.

Сестрой величайшей Королевы, пусть величие это пропитано мраком и тленом.

Настает черед Принца, и он сильнее стискивает мою руку, вызывая улыбку. Думаю, будь мы одни, я бы услышала еще одну поучительную историю о дружбе, из тех, которыми он разражается в особенно нервные моменты.

— Волею богов...

На сей раз речь коротка, но не менее торжественна, и когда мы встаем, переплетая пальцы, зал наполняется приветственными криками и хлопками. От них хочется сбежать, укрыться, спрятаться под крышей знакомой до последнего камня башни в самом сердце Кронбрежского леса, но я не двигаюсь с места, лишь держусь за Принца, как он — за меня.

И будет так, пока мы есть друг у друга.

Пока вяжут лесные спицы цветочно-травяной шарф, пока растут в каменном саду яблоки, пока парят мотыльки над мертвым болотом, пока звучат пророчества и сплетаются из слов сказки.

Вечно.

КОНЕЦ

Наследница

(Бонусный рассказ)

Говорят, нет пары счастливее, чем король и королева Лейдфара. Лица их, обращенные друг к другу, всегда озарены любовью; лица их, обращенные к народу, неизменно вызывают восхищение.

Говорят, королева вышла из чащи и принесла с собой ароматы трав и тайные знания лесного народа.

Говорят, король лишился ступни, выручая возлюбленную из беды, и только благодаря стараниям какого-то придворного умельца нынче даже не хромает.

Говорят, если бы не их смелость и самоотверженность, заняла бы престол темная тварь, которую не убить ни деревом, ни металлом, и погрузился бы мир во мрак.

Много чего о них говорят, но мало кто знает всю правду.

Я — знаю.

Ведь именно ко мне сейчас с улыбкой — и все же слегка прихрамывая — приближается мой король. Именно моей руки касается длинными пальцами, и именно мне жалуется на тяжесть короны и глупость советников.

— Что бы я делал без тебя, — вздыхает он, опуская голову на мое плечо, и в это мгновение мы с ним близки как никогда.

— Что бы я делала без тебя, — отвечаю я эхом.

И король закрывает глаза.

Да, кроме нас двоих, еще лишь один человек знает всю правду, но никогда ее не расскажет.

Нам с сестрой было по семнадцать, когда бабушка сгинула в лесу.

Она и прежде могла исчезнуть на день-два, если духи-шутники путали тропы, не желая отпускать старую травницу, но всегда находился способ их задобрить и угомонить. На сей же раз, видимо, стряслось что-то посерьезнее.

Ночи сменялись днями, все отчетливее ощущался в воздухе трескучий аромат приближающихся морозов, и на вторую седмицу я совсем извелась и начала собираться в дорогу. Бабушка у нас, конечно, была крепкая и леса эти знала лучше, чем я родинки на собственной ладони, но даже сильнейшие воины рано или поздно погибают в бою.

А бабушка если и прихватила с собой какое оружие, то лишь древний рассохшийся посох да крохотный ножик — стебли подрезать.

— Пропадешь, — равнодушно заметила сестрица, когда я запихивала в мешок все, что считала необходимым в дороге. — Ты ведь даже не знаешь, в какую сторону она направилась.

— Будто ты знаешь, — огрызнулась я.

Отношения у нас никогда не ладились, а уж в последнюю пару лет — и подавно. Не протянулось между нами той особенной ниточки, что связывает не то что близнецов, а даже просто родственников. Сали было тесно в нашем доме, тесно в коконе бабушкиных правил и уроков. Ее не интересовали ни травы, ни зелья, и при любой возможности она торопилась в одну из близлежащих деревенек на какую-нибудь ярмарку или любое гулянье.

— Что лица разные боги слепили, что нутро, — часто повторяла бабушка.

И не то чтобы я была такой уж одаренной и успешной ученицей, просто осознавала, что больше ей некому передать свои знания. А знания между тем редкие, ценные — как-никак получены от давно канувшего в небытие лесного народа.

Поэтому я старалась как могла — ради наших предков, ради потомков, ради тех, кого однажды может спасти неприметный корешок или до оскомины кислая ягода.

А Сали все больше злилась и все сильнее отдалялась.

— Подлизा, — шипела она, получив очередной на-gоняй за побег.

— Вертихвостка, — не оставалась я в долгу.

И поэтому немало удивилась, когда она предложила отправиться в путь вместе.

— Я видела, как бабка свернула к северному склону, — произнесла сестра. — Могу показать где.

И не дать тебе забрести на волчьи земли. Ты же даже стороны света без подсказки не определишь.

В этом она была права, поэтому спорить я не стала — да и идти совсем одной действительно не хотелось.

До места, где бабушка углубилась в нехоженую чащу, мы добирались не меньше часа, но я и не подумала спрашивать, что Сали делала так далеко от дома. Наверняка ведь следила, чтобы потом без опаски и самой удрать. Сейчас ее ветреность играла нам на руку: заросших троп тут было не счесть.

— Вот по этой она пошла, — уверенно заявила сестрица, указывая на самую темную, едва различимую дорожку.

Деревья над ней изгибаались дугами, сплетались ветвями, будто держались за руки в страхе разлучиться, а трава у их ног лнула к камням, обнажая россыпь бледных, как кожа мертвецов, грибов.

Заходить в эту мрачную природную арку не было ни малейшего желания, и я не представляла, что могло понадобиться бабушке на гиблом северном склоне, но вновь не стала спорить. Тем более и впрямь различала слабые следы между вспоровших землю корней — кто-то прошел здесь не так давно. И кто как не она?

Было сложно не сбиваться с пути, и без Сали я бы точно не справилась. Она ловила меня за шкирку, когда я норовила свернуть к волчьим землям, и не давала упасть, когда ветки и камешки выворачивались из-под моих ног. Я доверяла сестре и, когда она сказала, что в сумерках кликать пропавшую опасно, послушно умолкла.

Мы ночевали на небольшой поляне возле разведенного Сали костерка, и я бы подивилась ее навыкам, но знала, что ребятня из деревни и не такому может

научить. А еще я только теперь по-настоящему поняла, насколько больше моего она ведает о здешних лесах. Похоже, исходила их вдоль и поперек, осваивая премудрости побегов. Я, в свою очередь, углублялась в чащу только вместе с бабушкой и мало смотрела по сторонам, во всем полагаясь на нее.

Так кто из нас более усердная ученица и достойная наследница?

Мы засыпали спина к спине, укрывшись двумя плащами и немало смущенные такой непривычной близостью.

А проснулись от рева охотничьего рога.

— На кого им здесь охотиться? — пыхтела я, пытаясь поспеть за сестрой. — Гибкие земли, только ядовитые грибы собирать.

Сали передернула плечами и не ответила, лишь ускорила шаг.

— Думаешь, бабушку могли ранить? — не унималась я.

— Ага, приняли за оленя.

Я возмущенно охнула, но сказать ничего не успела — сестра вдруг замерла как вкопанная, и я едва не врезалась ей в спину.

— Осторожнее! — прикрикнула она и указала на что-то перед собой. — Смотри.

Я выглянула из-за ее плеча и охнула повторно, на сей раз от ужаса.

Перед нами зияла пропасть.

Огромная расщелина разрезала поросший лесом склон: глянь влево, глянь вправо — концов не увидишь.

Будто великан топнул — и земля пошла трещинами, как корочка пирога, да разверзлась.

Я медленно приблизилась к обрыву и уставилась вниз. Сорвавшиеся из-под сапог комья земли и камни устремились в пропасть и через мгновение исчезли во мраке, но удара о дно я так и не услышала. А потом даже почудилось, будто что-то алое мерцает внизу, словно мир разорвало до самого пекла.

До самых костров, что развели боги для своих непослушных детей.

— Широко, — раздался рядом голос Сали. — Человеку не перепрыгнуть.

— Да никому не перепрыгнуть! — всплеснула я руками.

— Значит, пойдем к подножию вдоль трещины. Если охотники и встали лагерем, то внизу.

— Зачем они нам?

Она посмотрела на меня как на слабоумную.

— Если бабка запутала, пошла бы к людям. А эти ребята шумные, вечно в свой рог аудят.

Я согласно покивала, хотя подумала, что бабушка скорее бы осталась умирать в лесу, чем вышла к охотникам. Не любила она их брата. Но спокойная уверенность сестры передалась и мне, и мы продолжили путь.

Чтобы уже через несколько минут услышать грохот копыт и яростный вопль:

— Прочь!

Всадник приближался столь стремительно, что казалось немыслимым, как его крупный черный конь успевает петлять меж деревьями. Он словно и не сквозь чащу мчался, а по открытому полю.

Сали грязно выругалась и попыталась оттащить меня в сторону, но я знала, что за нашими спинами

пропасть, которую даже такому резвому скакуну не перемахнуть без парочки крыльев.

— Стой! — заорала я всаднику и замахала руками, хотя он явно и без того прекрасно меня видел. — Стой! Там...

— С дороги! — еще яростнее гаркнул он.

А в следующий миг произошло сразу несколько невероятных событий.

Сестра еще раз дернула меня за плащ, оттаскивая с дороги. Я потеряла равновесие и, падая, толкнула руками воздух, словно хотела выбить всадника из седла. И он, о боги, и впрямь выпустил поводья и полетел на землю, будто от удара в грудь, а черный конь совершил свой последний отчаянный прыжок и с оглушительным ржанием рухнул в пропасть.

Этот миг растянулся на годы и тысячелетия, но затем время вновь побежало с привычной скоростью, и мы с незнакомцем одновременно поднялись на четвереньки и поползли к обрыву.

Лошадиное ржание уже затихло далеко внизу, и из глаз моих хлынули слезы. Я громко шмыгнула, вытирая щеки тыльной стороной грязной ладони, и повернулась к всаднику. Совсем юный, немногим старше нас с Сали, он тоже выглядел расстроенным, но сказал только:

— Бездна... отличный был конь.

Юноша был из охотников, хотя добротный, подбитый мехом плащ, заколотый на груди булавкой с каменьями, громче всяких слов говорил, что охотится он не ради пропитания, а для забавы. Впрочем, учитывая

выбранную его отрядом гиблую местность, осуждать его я не спешила, и, как оказалось, не зря.

Кирион — так он назывался — и его люди выслеживали чудовище, что за последние месяцы извело немало народа.

— Люди пропадают в этих лесах, — сказал Кирион тем вечером, когда мы сидели у костра. Выйти к остальным охотникам мы не успели, а продолжать путь в потемках не рискнули. — А звери обходят чащу стороной. Вот и Морок мой как взбесился и унес меня тьма разберет куда.

— Люди пропадают, потому что тянут в рот всякую пакость, — фыркнула сестрица. — Зверям здесь нечего есть, а Морок твой испугался какой-нибудь ерунды, как и всякий глупый конь.

Я не понимала ее неприкрытой неприязни, но влезть в спор не стала, только коснулась утешительно руки Кириона и сказала тихо:

— Жаль твоего коня.

И получила в ответ ласковую улыбку.

Мы много говорили в тот день и на следующий, пока упорно шли вдоль бесконечной трещины уже безо всякой надежды встретить живых людей.

Я рассказывала про бабушку и о том, как ее любит и уважает вся округа, и никто не боится приходить в наш лесной дом за снадобьями или за советом. А Кирион поведал мне о больших городах и ведунах и ведьмах, что пользуются там славой — как дурной, так и не очень.

— Много их нынче развелось, не сразу отличишь доброго от злого, одаренного от мошенника, — сказал он.

Сали все больше отмалчивалась, но на этих словах отчего-то рассмеялась. И затем еще раз — когда Ки-

рион заметил, что мы не то что на близнецов, а даже просто на сестер не похожи.

— Бабушка говорит, так бывает, — пожала я плечами.

От поведения сестры в душу закрадывался холод. Казалось, тем радостнее она становится, чем плотнее сгущается чаща; а расщелина словно нарочно пролегла так, чтобы завести нас в самое сердце мрака.

Я даже предложила повернуть назад, к дому, уверенная, что бабушки в этих краях нет и быть не может. Но Сали заметила, что проще уже спуститься по склону до конца — если охотники и ушли, то селения внизу точно есть, а значит, есть лошади и телеги. Как ни странно, Кирион с ее доводами согласился, хотя испытывал к ней ответную неприязнь и тоже не слишком-то таился.

Я словно томилась меж двух огней, не в силах ни один из них погасить.

Но на следующую нашу совместную ночь в лесу все изменилось. Больше не было нужды утихомиривать их споры или смешить посмурневшего Кириона глупыми историями, потому что мы с ним проснулись во тьме возле затухающего костра связанные. И Сали, сидевшая по другую сторону тлеющих углей, уже не скрывала своей сути.

— Все должно было быть иначе, — вздохнула она, и мерцающие во мраке глаза посмотрели на Кириона. — Тебе полагалось рухнуть в пропасть вместе с конем, и тогда Зверь, испив королевской крови, вернул бы мне часть силы. Но твоя кляча его усыпила!

И мне снова пришлось ждать. А ты... — Сестра посмотрела на меня и оскалила блестящие зубы. — Боги, как же я тебя ненавижу.

Затем она вскочила и, пока я училась заново дышать, а Кирион, привалившийся ко мне спиной, пытался развязать не то свои, не то мои запястья, засыпала угли землей, подошла к нам и, схватив меня за ворот, подняла на ноги одним резким движением.

— Идем, не будем отвлекать Зверя от трапезы.

Я мычала и брыкалась, вот только поделать ничего не могла — в Сали обнаружилась недюжинная сила. Кирион тоже что-то стонал нам вслед сквозь забивавшие рот тряпки, но через несколько шагов я уже не видела во мгле его светлой рубахи, а вскоре перестала слышать и приглушенные стоны.

— Сейчас разрыдаюсь, — фыркнула сестрица, когда я неистово забилась в ее руках. — Чего ж так убиваться по маленькому дурному принцу?

Я снова дернулась и умудрилась вытолкнуть изо рта ком мокрого тряпья, одновременно стравив на землю съеденный перед сном хлеб. Сали с отвращением отстранилась, но все так же тащила меня неизвестно куда.

— Что ты делаешь? — бормотала я. — Что же ты делаешь...

Мысли путались так же, как ноги, а в груди разрасталось болезненное жжение.

— То, что следовало сделать давным-давно, — ответила Сали, — но я же не думала, что старуха и впрямь отважится сменить наследницу. Пугать меня этим — запросто, но перенаправить силу...

Я попыталаась упереться пятками в землю, но только рухнула на колени при очередном рывке.

— Неуклюжая бестолочь, — на удивление беззлобно проворчала Сали. — Ну ничего, недолго мне осталось терпеть.

— Почему? — провыла я, упираясь лбом ей в ноги. — Просто... объясни, почему... я не понимаю...

Она молчала долго и заговорила, когда я уже не чаяла услышать ответ:

— Потому что у лесного народа не бывает близнецовых. Потому что мощь нельзя делить на двоих, иначе никакой мощи не останется. Потому что от тебя нельзя было избавляться, пока дар не раскрылся. Ну же, это ведь так просто. Сали — это Сила. А Шона — это Ноша. Ноша, которую мы вынуждены были тащить, чтобы не лишиться наследия предков. Бабка уже этими именами нас пометила — кому жить, а кому издохнуть в нужный час.

Сестра говорила с ледяным спокойствием, и оттого жжение в моей груди становилось все сильнее.

— И когда... когда этот час? Когда дар раскроется?

— Когда старшая уйдет в другой мир. — Сали опустилась передо мной на корточки и подцепила пальцами мой дрожащий подбородок. — Бабка вот-вот окочурится, ты ведь чувствуешь, да? И когда дар предков вспыхнет в нас, я заберу твою долю, которая изначально предназначалась только мне, мне одной.

— Бабушка... где бабушка?

— Эта старая тварь приговорила тебя через секунду после рождения, а ты о ней переживаешь? Умалишенная... — Сестра расправилась, а следом и меня заставила подняться. — Дома твоя драгоценная. И уже никогда не покинет своей древней хибары. Только слишком уж долго она цепляется за жизнь, из-за нее столько дней пришлось шататься по лесу.

Она бормотала еще что-то, но я не слушала, вдруг осознав, что веревка уже не стягивает мне запястья. Должно быть, Кирион и правда ослабил узел и теперь я могла высвободиться.

Наверное, если бы не нарастающая боль и туман в голове, я бы придумала план понадежнее, но в итоге как случилось, так случилось. Я сбросила путы, со всей возможной силой оттолкнула сестру и ринулась обратно к нашему потухшему костру. И к Кириону.

— Идиотка! — где-то вдалеке кричала Сали. — Если помрешь раньше времени, я тебя из-под земли достану!

Я еще удивлялась, почему она не бежит следом — неужели я оттолкнула ее так сильно, что покалечила? И только очутившись на месте, я вспомнила о неком Звере, которого она хотела напоить королевской кровью. И с которым, очевидно, не собиралась встречаться лично.

— Как есть идиотка, — прошептала я, до рези в глазах вглядываясь в тьму.

И та вдруг отступила. Мир окутало зеленоватым свечением, и мертвый лес показался мне еще более ужасающим, чем прежде. В корнях деревьев копошились тени, корявые ветви раскачивались, будто на ветру, хотя я не ощущала ни единого дуновения, а из мерзкой щелины медленно выползали бесчисленные щупальца и все как одно тянулись к лежащему на земле Кириону.

Он все еще боролся с веревками и явно проигрывал.

Жжение в груди достигло пика, и на миг я ослепла, а через секунду обнаружила в руках невесть откуда взявшийся клинок, которым я то резала путы на руках и ногах Кириона, то остерьвенело била по подползшим к нам щупальцам.

Их становилось все больше.

— Беги, — хрипел, как выяснилось, принц, стяхивая с себя остатки веревок и пытаясь нашупать на земле какое-нибудь оружие.

— Дай ему насытиться, — вторил ему голос сестрицы, но я не могла разглядеть ее среди деревьев.

— Что это за тварь?! — закричала я.

— Бабкин питомец. Какова добрая травница, а?

Смех сестрицы прозвенел над лесом, и я наконец поняла, что она стоит у расщелины, только ниже по склону. Выжидает.

— Кстати, можешь помирать, — продолжила она. — Ты ведь почувствовала, да? Почувствовала, что ее не стало?

Почувствовала. В тот самый миг, когда сердце мое взорвалось и потухло, а глаза научились видеть во тьме.

— Можешь помирать, — повторила Сали, и вдруг топнула ногой да взмахнула рукой, с которой сорвался сноп рыжих искр.

И тогда одно из щупалец обхватило ногу принца, а второе — мою, и оба устремились обратно в бездну.

Я зарывалась пальцами в землю, ломая ногти, пыталась сесть и дотянуться до твари клинком, но только беспомощно трепыхалась, как рыба на крючке. И лишь когда рядом закричал Кирион, сила будто сама хлынула из меня, отсекая сразу несколько конечностей Зверя.

Из глубин пропасти донесся визг, но я уже ползла к принцу, мечтая лишь о том, чтобы он был жив, все еще жив...

Щупальце оторвало ему ступню, землю заливалась кровью, и в бледном лице Кириона ее не осталось ни капли. Оглушенный болью, он ловил воздух ртом и никак не мог вдохнуть.

— Дыши, дыши, — умоляла я, перетягивая рану и строго поглядывая на оставшиеся конечности чудовища.

Они копошились у обрыва, точно змеи, но не смели приблизиться, чем разозлили Сали.

Она снова топнула ногой и взмахнула рукой, и тогда я, вскочив, бездумно повторила ее жесты.

— Можешь помирать, — подкрепила я приказ ее же словами и, наверное, больше всех удивилась, когда Зверь подчинился.

Щупальца его так быстро устремились к моей сестрице, что она не успела сделать даже шаг прочь от обрыва и в следующую секунду уже падала в пропасть, опутанная ими, будто цепями.

— Проверь... проверь... — хрипел у моих ног Киринон, и я послушно подошла к расщелине.

Но лишь послушала затихающий внизу вопль, а взглянуть так и не решилась. Мало ли что покажут мне эти новые глаза. Мало ли что откроют. Вместо этого я смотрела, как тени впитываются в землю и исчезают, как застывают неподвижно раскидистые ветви и деревья становятся выше и внушительнее, словно расправляют сгорбленные плечи. Теперь над лесом виднелось чистое небо, а в небе — луна с кроваво-красным ободком.

Дурной знак, в такую ночь зло завсегда победит, — говорила бабушка.

Да только кто ж ей теперь поверит.

В день нашей свадьбы настроение мое мало походило на безмятежное счастье новобрачной. Что-то не давало

мне покоя, грызло изнутри с остервенением бешеного пса, так яростно, что я то и дело сбивалась с шага и натыкалась на стены. В углах комнат сгущался мрак, по длинным сверкающим коридорам вперемешку с суетящимися слугами носились призраки прошлого, и, не выдержав, я сбежала из дворца на укромную скамейку, приютившуюся в тени раскидистого дерева в глубине парка.

В последние месяцы я частенько пряталась здесь, оплакивая свои потери, но Кирион непременно находил меня и не позволял горевать в одиночестве. Теперь же у него явно имелись другие заботы, и я была даже рада, что перед вступлением в новую жизнь смогу окончательно проститься с прежней.

Я так и сидела, закрыв глаза, сжимая сорванные по дороге цветы на коленях и неестественно, до боли расправив спину, мысленно перебирала события последних лет. Вдруг получилось бы найти подсказку, понять причины своей слепоты или чужой жестокости. И когда позади раздались шаги, я даже не оглянулась, зная, что в эту часть парка почти никто не забредает.

— Мой принц, — невольно улыбнулась я и услышала над самым ухом:

— Нет, мой.

Но встать уже не смогла. Даже просто дернуться не получилось. Тело мое налилось тяжестью, будто закованное в броню, и, опустив глаза — единственное, что еще шевелилось, — я с ужасом увидела вместо собственной кожи и нежного шелка платья лишь серый безжизненный камень.

А сила, та самая сила моих нечестивых предков, что терзала меня все эти месяцы, быстро и уверенно утекала прочь, точно вода из треснувшей чашки.

Сали стояла передо мной, грязная и растрепанная, раскинув руки и впитывая ее, как цветок солнечный цвет. И чем оглушительнее звенела во мне пустота, тем ярче расцветала сестрица.

Синяки и царапины на ее лице и плечах заживали; сальные, нечесаные черные волосы отрастали и струились по спине золотыми кудрями, а разодранные лохмотья, в которые превратилась ее одежда, с каждой секундой все отчетливее походили на мое белоснежное свадебное платье.

Через минуту я уже смотрела в собственные лучистые глаза, на собственную счастливую улыбку.

— Там, на северном склоне, я должна была получить силу и занять место принца. Сразу двух зайцев... — мечтательно протянула Сали, присаживаясь рядом со мной. — Но так тоже неплохо. Разве что королевской чете придется подвинуться чуть раньше. Наследнице нужен трон.

Я снова попыталась дернуться, шевельнуться, сделать хоть что-то, в надежде расколоть каменную ловушку, но вскоре поняла, что никакой ловушки нет. Меня не заперли в статуе, я сама стала камнем.

— Ну что ты, не плачь. — Сали склонилась ближе, провела ладонью по моей бесчувственной щеке, и я увидела, что на пальцах ее заблестела влага. — А то еще решат, что статуя волшебная.

Затем она встала и неожиданно рассмеялась.

— Знаешь, это, конечно, опасно, но я не удержалась. Оставила тебе шанс на спасение. Будет забавно наблюдать за твоими метаниями, ведь, желая свободы, ты будешь вместе с тем желать ему смерти.

Тогда я в последний раз слышала голос сестры — с тех пор она неизменно пользуется моим...

Говорят, в королеву влюблается всякий, кому она улыбается, но сердце ее навеки отдано королю.

Говорят, ради нее он готов свернуть горы, но королева никогда об этом не попросит.

О них много чего говорят, и только я знаю правду.

У королевы нет сердца — лишь черная бездна пульсирует в ее груди и питается людскими страданиями.

В короле не осталось любви — лишь гнилые чары туманят разум его и опутывают душу нитями прежних чувств.

А я смотрю на них годами. Десятилетиями. Смотрю, не в силах сдвинуть окаменевшее тело с парковой скамьи. Не в силах ничего изменить.

С каждым днем глаза моего короля становятся все тусклее, безжизненней. И с каждым разом ему все труднее понять, отчего же его так влечет к серому изваянию, подаренному им супругой много лет назад неизвестным скульптором.

— Мне впору ревновать?

Я не могу повернуть голову, поэтому не замечаю появления королевы, но голос ее кажется веселым и безмятежным. Голос, украденный у меня.

Мой король открывает глаза и встает, протягивая руки к жене.

— Это всего лишь твоя каменная копия. Она утешает меня в часы разлуки.

— Будь осторожен, — мягко журит королева, наконец появляясь в поле моего зрения. — Я слышала историю о бедолаге, влюбленном в статую. Закончилось все печально.

— Мне такое не грозит, — заверяет король, и они, сплетая пальцы, неспешно удаляются в глубь дворцового парка.

Но я знаю: через несколько шагов королева обернется и подарит мне улыбку. Она всегда так делает. И наслаждается моим истошным криком, услышать который дано лишь ей.

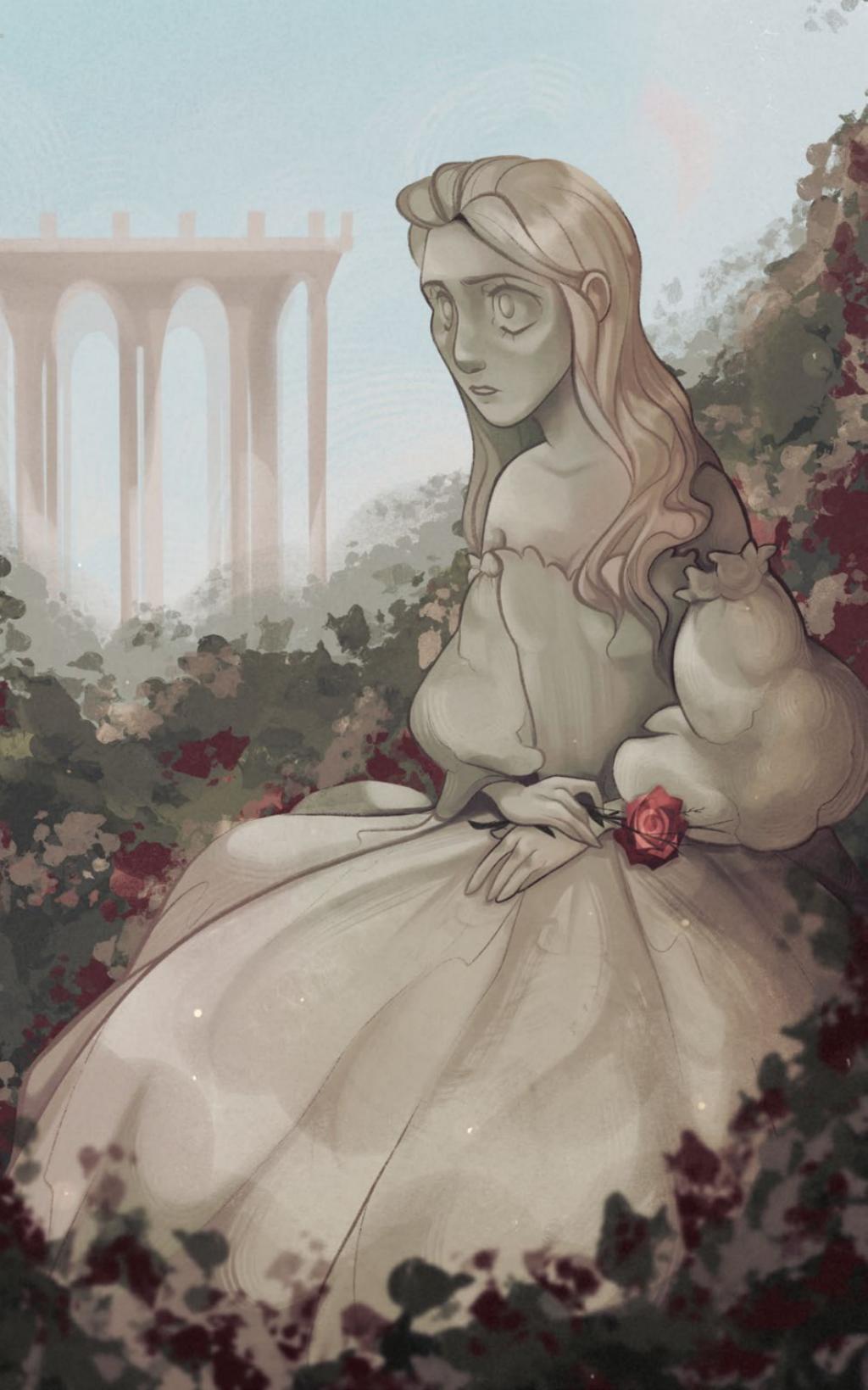

Говорят, в королевском парке, средь цветущих деревьев, привезенных сюда с далеких островов, и ароматных кустарников, что остаются зелеными даже под снегом, есть скамья, а на скамье сидит Каменная Дева.

Говорят, создал ее истинный мастер, до того искусно выточена каждая складка свадебного платья, каждый лепесток зажатого в руках букета, до того живыми кажутся глаза на застывшем лице.

А еще говорят, что однажды она сможет подняться и вновь сделать шаг по родной земле. Но пробудит статую отнюдь не поцелуй, как утверждают наивные мечтатели, и даже не волшебные слова, которые якобы нужно прошептать в каменное ухо.

Нет, пробудит ее смерть любимого. И ослепляющая жажды мести.

Благодарности

Писать благодарности в тысячи раз сложнее, чем любого рода истории, и именно на этом этапе авторское красноречие обычно отказывает. Но и смолчать о людях, которые стали такой же частью «Королевы», как я или герои, я не вправе.

Так что поехали. Кратко и в алфавитном порядке, потому что иначе я сойду с ума, решая, кто достоин быть первым.

СПАСИБО!

Алине — без твоей поддержки Принц и Ведьма никогда не вышли бы из леса.

Анне — за теплый прием, веру в роман и исполнение авторских капризов.

Еве — ты первая превратила слова в картинки, и именно твое видение героев в моем сердце навсегда.

Марине — за идеальную обложку.

Элине — за Еву, за десяток подаренных артов, за каждый восклицательный знак вочных переписках и за угрозы, что в случае печального финала ты удалишь меня из контактов. Спойлер: не удалила.

Яне — за то, что прочла «Королеву» больше раз, чем я сама, и раскопала все спрятанное и зашифрованное.

А также всей команде, работавшей над созданием красоты, которую читатель сейчас держит в руках. Вы лучшие.

Оглавление

Прежде	13
--------------	----

ЧАСТЬ I ПРИНЦ И ВЕДЬМА

1. Птица в мешке.....	17
2. Пустой трон	30
3. Корни и кости	41
4. Детские игры	50
5. Одиночки.....	58
6. На краю.....	65
7. Тяжесть камня.....	76
8. Предназначение	88
9. Из глубины	98
10. Остров	113

ЧАСТЬ II ОТВЕРЖЕННЫЕ

11. Иди через лес	124
12. Черная башня	131

13. Отражение	141
14. Видеть.....	146
15. Как ты	159
16. Раз, два, три, четыре, пять.....	168
17. Обменять удачу	180
18. По-прежнему.....	197
19. Мертвые не лгут.....	205
20. Тайный путь.....	217

ЧАСТЬ III СЕКТРА

21. По ту сторону зеркала.....	235
22. Дружеское плечо	243
23. Пять на пять.....	252
24. Верный пес	267
25. Золото волос твоих.....	276
26. Демон	286
27. Жарово пламя.....	298
28. Моя Королева	306
29. Прощение	321
30. Колокольчики на снегу	330
 После	336
Наследница	339
Благодарности	358

МИФ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА ХХI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

*Литературно-художественное издание
Серия «Red Violet. Темный ретеллинг»*

Тэ Кристина

Моя темная королева

Руководитель редакционной группы *Ольга Киселева*

Ответственный редактор *Анна Неплюева*

Литературный редактор *Елена Николенко*

Арт-директор *Вера Голосова*

Верстка *Айшат Илюшина*

Корректоры *Лилия Семухина, Надежда Лин*

В книге использованы иллюстрации
по лицензии © shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

Моя мать спасла чужого ребенка, и годы спустя
поплатилась за это жизнью. Ребенок вырос чудовищем,
и стены башни не сумели его сдержать.
Это история о девушке с золотыми волосами, нежным
лицом и черным сердцем.
История моей сестры, моего врага, моей королевы.
Это твоя история.

Красивая и мрачная сказка, полная чарующего темного волшебства. Всем известный сюжет причудливым образом преображается — и вот персонажи уже не те, о ком мы знаем с детства, и сама история не та, но при этом она остается увлекательной и жестокой, в духе неадаптированных текстов, записанных братьями Гrimm. Мир, пропитанный магией и полный редкостных монстров; самоотверженные герои, которым невозможно не сопереживать; изящная романтика и интригующий сюжет — отличный рецепт ведьмовского зелья, которое не даст читателю оторваться от книги до последней страницы.

Наталия Осояну,
писательница и переводчица

«Моя тёмная королева» — это не сказка о прекрасной и невинной деве, что ждет спасения. Это история той, кто идет по ее следу.
О девушке без имени, но с каждой местью.
Безграничный мир с вкраплениями разных мифов и сказаний и героями, на которых вы взглянете под новым углом.

Алина @Melanchallina,
администратор группы
«Чердак с историями»,
книжный скаут

#yamif

Иллюстрация на обложке – Марина Лунина
Иллюстрации в книге – FAWN и Тамара Герасун

9 785001 954873 ^

МИФ mann-ivanov-ferber.ru [@mifbooks](https://www.instagram.com/mifbooks)